

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

Виктор Буряк

**Глобальное гражданское
общество и сетевые революции**

Монография

Симферополь
«ДИАЙПИ»
2011

УДК1:316.32+004.738.5

ББК 87.621.11

Б 919

(протокол № 10 от 19 октября 2011 г.)

Рецензенты:

Ю. А. Бабинов – доктор философских наук, профессор

Л. Ф. Малофеев – доктор философских наук, профессор

С. В. Юрченко – доктор политических наук, профессор

На первой странице обложки, при оформлении использовано фото с сайта <http://www.spiegel.de/fotostrecke/fotostrecke-71537.html> (Hamburg, 2009)

На последней странице обложки, при оформлении использовано фото с сайта <http://news.sky.com/home/world-news/media-gallery/15174684>

У монографії розглядаються питання становлення ідеї громадянського суспільства та практик конструювання глобального громадянського суспільства. Показано історичні передумови громадянського активізму й становлення громадянського суспільства в умовах цифрової епохи. Показано позитивний потенціал розвитку соціальних мереж для укріплення глобального громадянського суспільства. Виокремлено ризики, пов'язані з розширенням функцій мережевих практик.

Книга буде цікавою спеціалістам у галузі інтернет-журналістики, дослідникам медіасфери, соціальної філософії, філософської антропології та політології. Також буде корисною аспірантам, магістрам і бакалаврам гуманітарних і природничих спеціальностей.

БУРЯК В. В.

Б 919 **Глобальное гражданское общество и сетевые революции**

/ В. В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 150 с.

ISBN 978-966-491-240-9

В монографии рассматриваются вопросы становления идеи гражданского общества и практик осуществления глобального гражданского общества. комплексное исследование феномена культурной глобализации. Автором изучены и экспонированы историко-культурные предпосылки гражданского активизма, представлена эволюция идеи гражданского общества в современном глобализирующемся мире. Рассмотрены условия реализации идеи и практик гражданского общества в условиях цифровой эпохи. Показан позитивный потенциал развития социальных сетей для укрепления глобального гражданского общества. Указаны риски, связанные с расширением функций сетевых практик.

Книга адресована специалистам в области социальной философии, исследователям медиасферы, интернет-журналистики, философской антропологии и политологии. Также будет полезна аспирантам, магистрам и бакалаврам гуманитарных и естественнонаучных специальностей.

УДК 1:316.32+004.738.5

ББК 87.621.11

ISBN 978-966-491-240-9

© В. В. Буряк, 2011

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	15
Исторический анализ феномена «гражданское общество».....	15
Эволюция гражданского общества: от локальных контекстов к глобальному социальному активизму	26
Природа и специфика глобального гражданского общества: операциональность понятия.....	33
Проблема измеримости глобального гражданского общества: компаративные исследования.....	38
Диспозитив глобального гражданского общества: утопия, реальность и гиперреальность социального	43
РАЗДЕЛ 2. ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	47
Информационная революция как условие эволюции глобального гражданского общества	47
Цифровая эпоха и социально-технологическое ускорение.....	55
Интернет и формирование социокультурной среды.....	58
Парадигма сетевого общества в глобализирующемся мире	69
Феномен социальных сетей: экономические эффекты и общественно-политические процессы	78
Глобальная мобилизация и её социальные импликации	82

РАЗДЕЛ 3. «АРАБСКАЯ ВЕСНА» И «ЛОНДОНСКОЕ ЛЕТО»	
В ЗЕРКАЛЕ СЕТЕВЫХ РЕВОЛЮЦИЙ	93
Коммуникативная активность в глобализирующемся мире:	
свобода выражения и проблема конфиденциальности.....	93
«Твиттерные революции», или: Кого пугают социальные сети? ...	100
<i>Sheeple</i> и сетевые хомячки: риски манипулятивных стратегий	
в медиасфере.....	104
Глобальные трансформации и «Чёрные лебеди» Насима Талеба ..	106
«Арабская весна», «Лондонское лето»	
и твиттеризация социальной активности 2010-2011 годов	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
БИБЛИОГРАФИЯ	125
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	142

Введение

В конце первого десятилетия двадцать первого века на перекрёстке, называемом «глобализация», встретились политические и технологические проекты. Формирование гражданского общества во многих странах мира и расширение глобализированных социальных сетей оказались ключевыми составляющими осуществления проекта – «глобальное гражданское общество». Философские и моральные идеалы, юридические практики и информационные технологии исторически обусловили особенности теоретических подходов и практик глобального гражданского общества. В последние годы граждане, использующие социальные сети, получили новые возможности высокотехнологичной коммуникации. Специфической особенностью современного этапа становления гражданского общества стало взаимодействие и взаимодополняемость интернетизированной мобильной телефонии и социальных сетей. Этот технологический симбиоз дал импульс для новейшей «коммуникативной революции». Демократические институты уже более двух тысяч лет эволюционировали независимо от технологий, но скорее посредством радикализации правовых идей, организационной работы и эволюции морально-этических идеалов. Идеология и осуществление практик гражданского общества были основаны на постоянном стремлении индивидуумов к легитимации общественных свобод, защите человеческого достоинства от произвола государственных институтов и чиновников.

Один из важнейших принципов реализации гражданских инициатив – создание условий для максимально прозрачных контрольных механизмов осуществления государственной власти. На планетарной шкале деятельность гражданских объединений координируется *Центром изучения глобального управления*.¹

Инструменты поднадзорности и контроля являлись прерогативой монархов, буржуазных, пролетарских, авторитарных и, тем более, тоталитарных государств. После начала информационной революции возникли новые возможности для государственного контроля, осуществляемого в отношении деятельности и коммуникации индивидуумов. Одновременно граждане получили шанс «быть услышанными», с одной стороны, и полу-

¹ *Global Civil Society 2001 / Centre for Civil Society and Centre for the Study of Global Governance LSE. – Oxford .: Oxford University Press, 2001. – 348 p.*

чать к тому же дополнительную жизненно важную информацию о действиях государственных чиновников. Затем появились дополнительные инструменты гражданского управления социально-политическими процессами с использованием межгосударственных связей и надгосударственных институтов, которые могут быть достаточно эффективными, отражать интересы свободных автономных личностей. Эти отдельные локальные инициативы постепенно интегрировались в стратегии глобального гражданского общества.

Успешность реализации гражданских инициатив в современном мире зависит от работы трёх значимых объективных факторов: *глобальных многоуровневых трансформаций* («глобализации»), *технологической инфраструктуры* для успешной гражданской коммуникации – планетарной информационно-сетевой (интеграции Интернет с мобильной телефонией) и экспоненциального расширения национальных и транснациональных *социальных сетей*. Глобальные потоки труда и капитала, планетарная инфомедийная сфера и гражданские инициативы, направленные на формирование демократической среды, особенно посредством социальных сетей, обеспечили предпосылки для ускоренного формирования глобального гражданского общества. Переход от работы в режиме *Web 1.0* к коммуникации посредством технологий *Web 2.0* сделал возможным эффективное функционирование *social networking*, то есть значительно усилились интерактивные взаимодействия внутри коммуникативного поля на глобальной шкале².

Используя технологии социальных сетей, граждане объединяются на основе сходных ценностей, идеологических предпочтений и социокультурных целей. Социальные сети и социальные медиа востребованы не только для повседневной коммуникации «френдов», но также весьма перспективны для ведения бизнеса, поиска работы, аутсорсинга. Многообразие форм использования социальных сетей отражает книга Харта, Грин-

² Musser, J. *Web 2.0 Principles and Best Practices (O'Reilly Radar)* / John Musser. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media, 2006. – 101 p.

Shuen, A. *Web 2.0: A Strategy Guide: Business thinking and strategies behind successful Web 2.0 implementations* / Amy Shuen. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media; 2008. – 272 p.

Rigby, B. *Mobilizing Generation 2.0: A Practical Guide to Using Web 2.0: Technologies to Recruit, Organize and Engage Youth* / Ben Rigby. – San Francisco CA.: Jossey-Bass; 2008. – 288 p.

филда и Хаджи³. Социальные сети могут использоваться не только для коммерческих целей или повседневной клубной коммуникации, но также необходимы для осуществления гражданских проектов⁴.

В цифровую эпоху необходимо так моделировать свою повседневную деятельность, чтобы социальные сети, маркетинговые стратегии, психологические и поведенческие паттерны помогали людям успешно достигать поставленную цель. Авторы книги «Эффект стрекозы» показывают способы продуктивного использования социальных медиа⁵.

Грамотное использование потенциала социальных сетей, в частности: блогосферы, ресурсов *Linkedin* и *Twitter* гарантирует успех, доказывает Дженет Фаут⁶. Неудивительно, что средством для расширения социальных сетей является деловая активность. Это относится также к таким сетевым проектам, как *Facebook*, *MySpace* и *YouTube*⁷.

Взаимодополняемость этих факторов: глобальности, информационных технологий и расширения сетевых сообществ, - создаёт позитивную динамику эволюции общественного контроля над государственными бюрократическими структурами и гарантирует устойчивость социально-экономического развития демократического общества. Использование государственными структурами социальных сетей для контроля и управления «массами» - также важная тема для понимания рисков и угроз формирования глобального гражданского общества.

Экономические, технологические, политические и социальные процессы в современном мире во многом определяются глобальными транс-

³ Hart, T., Greenfield, J. M., Haji, S. D. *People to People Fundraising: Social Networking and Web 2.0 for Charities* / Ted Hart, James M. Greenfield, Sheeraz D. Haji. – Hoboken, New Jersey.: Wiley; 2007. – 288 p.

⁴ Kanter, B., Fine, A. *The Networked Nonprofit: Connecting with Social Media to Drive Change* / Beth Kanter, Allison Fine, Randi Zuckerberg – San Francisco.: Jossey-Bass; 2010. – 224 p.

⁵ Aaker, J., Smith, A. *The Dragonfly Effect: Quick, Effective, and Powerful Ways To Use Social Media to Drive Social Change* / Jennifer Aaker, Andy Smith. – San Francisco.: Jossey-Bass; 2010. – 240 p.

⁶ Fouts, J. *Social Media Success!: Practical advice and real world examples for social media engagement using social networking tools like LinkedIn, Twitter, Blogging and more* / Janet Fouts. – Cupertino, CA.: Happy About, 2009. – 162 p.

⁷ Schepp, B., Schepp, D. *How to Make Money with YouTube: Earn Cash, Market Yourself, Reach Your Customers, and Grow Your Business on the World's Most Popular Video-Sharing Site* / Brad Schepp, Debra Schepp. – NY.: McGraw-Hill; 2009. – 240 p.

формациями, их направленностью, интенсивностью и скоростью. Весь этот сложный комплекс изменений часто обозначается словом «глобализация». За этим академическим и публицистическим клише скрывается, с одной стороны, упрощение сложнейших, порой разнонаправленных, противоречивых явлений, а с другой стороны – лоббирование интересов неолиберальных акторов планетарной унификации и стандартизации. Принятие «глобализации» как «природного» закона, социально-экономической неизбежности в ходе эволюции человечества ведёт к снижению социально-политической активности граждан. Формирование гражданского общества в одной отдельно взятой стране происходит в специфичных культурно-исторических и социально-экономических условиях, и некоторым образом уникально. Разумеется, что существуют инварианты гражданской деятельности, но не они определяют тактические действия групп и индивидуумов. Намного более сложен процесс создания глобального гражданского общества, поскольку требуется синхронизировать действия культурно и исторически различающихся общественных объединений. Это, пожалуй, одна из существенных причин, в силу которых «глобальное гражданское общество» скорее проект, чем реальность. Тем не менее, благодаря непрерывной планетарной циркуляции финансовых потоков, технологий, товаров, идей (в том числе, политических), культурных стереотипов, и существованию единого глобального информационного пространства, принципы, ценности и способы социальной активности граждан постепенно унифицируются. Это существенный «шаг» в направлении создания «глобального социума» со своими проблемами, нормами и практиками.

Современное общество – это результат тысячелетних культурно-исторических, социально-экономических процессов. Одной из актуальных проблем исследования феномена гражданского общества является изучение его трансформаций в условиях глобализирующегося мира. Здесь нужно исходить из историчности всякого социального явления, а именно таковым является гражданское общество. Следует изучить смысловые «трансмутации» термина «гражданское общество» и историческое конституирование понятия «гражданское общество». Очевидно, что общество (гражданское общество, в том числе) постоянно эволюционирует. Также изменяются методологические и концептуальные инструменты его анализа. Нужно отметить, что гражданское общество представляет собой неотъ-

емлемую часть современного социума. В связи с этим нужно описать условия и факторы, влияющие на глобализацию гражданского общества.

В качестве наиболее значимого фактора выделим влияние информационных технологий на формирование коммуникативных практик гражданского общества. Для понимания перспективных стратегий и практик необходимо разместить гражданское общество на глобальной шкале. При этом учитывается постоянное расширение социальных сетей как инфраструктурной составляющей глобального гражданского общества. Основная проблема заключается в определении соотношения позитивного потенциала глобального гражданского общества и рисков его дальнейшего расширения. Также актуальной проблемой является выявление баланса между внутренней самоорганизацией гражданских объединений и внешними манипулятивными действиями по отношению к индивидуумам и общественным организациям. Необходимо выделить перспектив расширения глобального гражданского общества, установление возможностей перехода к авторитету негосударственных организаций как альтернативной легитимной формы социальной власти. Для успешной постановки этой проблемы следует решить несколько задач. А именно, показать исторический, социально-политический статус гражданского общества и его укоренённость в культурной традиции. Далее рассмотреть роль социальных сетей как инфраструктурной компоненты информационного общества, поскольку эти сети являются не только технологическим инструментом, но также позволяют развить коммуникативный потенциал продвижения идеи гражданского общества и демократии. Также необходимо раскрыть специфику построения собственно глобального гражданского общества. Цель исследования феномена глобального гражданского общества в условиях цифровой эпохи заключается в изучении способов проявления гражданского активизма посредством социальных сетей. Также необходимо изучить возможности построения правомочного, эффективного, легитимного и влиятельного глобального гражданского общества и показать, как в условиях глобализации происходит угасание национальной государственности.

Для этого уточним объект исследования. Гражданское общество является частью социальной деятельности свободных граждан и их ассоциаций. Здесь необходимо выделить *две основные функции современного гражданского общества*: а) обеспечение постоянного контроля гражданами действий государственно-административной системы и б) выдвижение

проектов строительства нового, «прозрачного», справедливого и эффективного демократического общества. Общественно-политическим «ядром» гражданского общества являются консолидированные в неправительственные, некоммерческие, независимые организации гражданские группы (ассоциации граждан). Поэтому необходимо выделить механизмы контроля государства над обществом (в том числе, и гражданским), а потом рассмотреть действенные формы контроля гражданского общества над национальными государственными структурами и глобальными корпоративными игроками.

Наиболее важным направлением изучения институтов гражданского общества является исследование глобализированной информационной среды и сетевой активности (*social networking*) как основной детерминанты формирования глобального гражданского общества. Продуктивное взаимодействие между гражданскими объединениями и государством (чиновниками, презентующими государственные властные структуры) может быть обеспечено благодаря социальному активизму и легитимности гражданской деятельности. Реализация инициатив создания глобального гражданского общества непосредственно зависит от продвижения идеи свободы слова и осуществления прав человека в глобализированных социальных сетях. Проекты и дискуссии относительно реальности новой «цифровой демократии» анализирует Мэтью Хиндмэн⁸. Эффекты Интернет-коммуникации оказались ощутимыми не только в медиа-сфере, экономике, политике и образовании, но также в дальнейшей демократизации современных обществ.

Автор рассматривает перспективы цифровой демократии в трёх отношениях: как миф, как идеализированную утопию и как дистопическое будущее. В отличие от оптимизма журналистов и правозащитников, он доказывает, что информационные сети – это отнюдь не «территория свободы». А «власть предержажие» в *онлайне* мало чем отличаются от «властей» в *оффлайне*. Информационные сети только создают иллюзию гомогенного эгалитарного пространства. Видимо, в некоторой степени это так и есть. Однако так же справедливо будет утверждать, что киберпространство, скорее, «территория борьбы за свободу», как и реальное политическое пространство.

⁸ Hindman, M. *The Myth of Digital Democracy* / Matthew Hindman. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2008. – 198 p.

Гражданское общество имеет две ключевые функции: контроль государственно-административной системы со стороны гражданских объединений и формирование проектов для осуществления эффективного демократического общества. Поэтому сначала необходимо выделить и показать системы контроля государства над обществом, в том числе – и гражданским (это проблема «поднадзорности», которую поставил Мишель Фуко). Затем нужно указать на формы контроля граждан по отношению к деятельности государственных органов и чиновников. Неуклонно продолжается процесс глобализации международных отношений, что требует размещать тему формирующегося глобального гражданского общества в контексте глобальных политических межгосударственных инициатив⁹.

Гражданское общество как термин, концепт, идея, политтехнологический конструкт и социально-политический феномен изучается политической наукой, экономической теорией, правоведением, социальной теорией и социальной философией. Для эффективного изучения глобального гражданского общества многие авторы указывают на базовые объективные особенности этого многомерного предмета. Отмечается неравномерная распределённость в историческом времени активных гражданских инициатив, анализируются противоречивые теоретические рефлексии относительно социально-правового статуса гражданских объединений. Также указывается на необходимость новых (сетевых) практик гражданского общества, способы оптимизации взаимоотношений легитимной власти и объединений граждан. Должны быть изучены информационные аспекты формирования глобального гражданского общества. Особого внимания требует проблема продуктивного взаимодействия граждан с государственными институтами, организациями и чиновниками. Должны быть обсуждены проекты создания гражданскими объединениями прозрачных контрольных механизмов «вертикали власти».

Исследование тенденций развития идеи глобального гражданского общества предполагает изучение условий и векторов глобализации. Также, необходимо выяснить перспективы эволюции гражданского общества в направлении к глобальному гражданскому обществу. Для этого нужно выделить социально-политические параметры глобального гражданского

⁹ Baylis, J. and Smith, S. (eds). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / editors : John Baylis and Steve Smith. – NY.: Oxford University Press, 2001. – 720 p.

общества, определить специфику минимизации национальной государственности и охарактеризовать особенности формирования позитивного государственного права. Необходимо осуществить исторический анализ феномена «гражданское общество», рассмотреть альтернативы его идентификации и понять место в глобализирующемся социуме, пронизанном интенсивными информационными потоками. Отдельно стоит вопрос об управляемости социально-политическими процессами. Здесь нужно учитывать многоуровневость глобализирующегося мира. В качестве регулятивов отношений между гражданским обществом и государством могут быть использованы такие инструменты как: анализ межгосударственных связей, способы применения международного права, мониторинг работы надгосударственных институтов, транснациональных гражданских социальных движений (отражающих интересы свободных автономных личностей). Слова «*global*» and «*civil society*» стали общим местом в публицистике и научной литературе последнего десятилетия¹⁰.

Тем не менее, они служат для конкретизации и более точного понимания некоторых современных тенденций демократизации на глобальной шкале. Имеются различные истолкования «глобализации», «гражданского общества» и «глобального гражданского общества». Спектр этих интерпретаций весьма широк. Чаще всего к феноменальной проявленности глобального гражданского общества относят антиглобалистские протестные акции (Сиэтл, Прага и др.) и деятельность гринписовцев, направленную против транснациональных корпораций. И в том, и в другом случае контрагентом глобального гражданского общества является глобальный капитализм. Иная точка зрения заключается в том, что глобальное гражданское общество определяется, прежде всего, инфраструктурой, которая обеспечивает рост демократии в недемократических обществах. Это предполагает увеличение количества профессиональных ассоциаций, потребительских организаций и других негосударственных, некоммерческих групп, которые создают межгосударственные связи. Как отмечает Арне Хинтс, общепринятого и общезначимого определения «гражданского общества» пока что нет. Однако, считает он, есть некоторые характеристики, с кото-

¹⁰ Anheier, H., Glasius, M., Kaldor, M. (eds.). *Introducing global civil society / editors : Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor // Global Civil Society. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 3-22;*

рыми прямо и косвенно согласны большинство экспертов. Например, гражданское общество – это «открытое пространство для коммуникации»¹¹.

Ресурс консолидации гражданских инициатив велик: Интернет, чаты, социальные сети, обмен студентами, энвайронментальные коммуникативные стратегии, борьба за права человека, развитие глобальных медиа. Тем не менее, представление том, что такое глобальное гражданское общество, существенно различается у активистов и экспертов. Здесь в большей степени работает интуиция, а не методы научного анализа. Нужно сделать поправку на существование гражданских групп на локальном (национальном), региональном и глобальном уровнях. Концептуально и эмпирически «глобальное гражданское общество» должно быть размещено в каком-либо социокультурном контексте, иначе оно превращается в социологическую абстракцию, риторическую фигуру и инструмент политической манипуляции¹².

Для получения объективных результатов необходимо учесть *интенсивность* глобальных многоуровневых трансформаций, например, «индекс глобализованности» стран. Также большое значение имеет анализ *культурного контекста* в формировании локального исторически определённого гражданского общества¹³.

Особенно важным фактором развития гражданских структур является расширение высокотехнологичных социальных сетей. Противоречивые политические процессы конца 2010 и начала 2011 года в Северной Африке и на Ближнем Востоке показывают, что инфраструктура гражданской глобальной коммуникации оказывается иногда ключевым ресурсом для активизации триггеров фундаментальных политических трансформаций (феномен так называемых «Твиттерных революций», «Фейсбук-революций»). Особое значение Морли Виноград и Майкл Хэйс придают «гендерному сдвигу», поскольку фактически все молодые люди, основной «электорат

¹¹ Hintz, A. *Civil Society Media and Global Governance: Intervening into the World Summit on the Information Society (Medien & Politik)* / Arne Hintz. – Munster.: Lit Verlag, 2010. – 320 p.

¹² Anheier, H. K. and Isar, Y. R. (eds.). *Cultures and Globalization: Cultural Expression, Creativity and Innovation* / editors : Helmut K Anheier and Yudhishtir Raj Isar. – Thousand Oaks: SAGE Publications Inc, 2009. – 488 p.

¹³ Там же.

будущего», являются сетевыми акторами¹⁴. Ключевыми факторами формирования глобального гражданского общества являются планетарные трансформации («глобализация»), социальные сети в информационном пространстве и гендерный сдвиг (*mobilizing generation*). Наиболее мощным системообразующим ресурсом социополитического действия становятся интернетизированные социальные сети.

¹⁴ Winograd, M., Hais, M. D. *Millennial Makeover: MySpace, YouTube, and the Future of American Politics* / Morley Winograd, Michael D. Hais. – Piscataway, New Jersey.: Rutgers University Press, 2008. – 336 p.

Winograd, M., Hais, M. D. *Millennial Momentum: How a New Generation Is Remaking America* / Morley Winograd, Michael D. Hais. – Piscataway, New Jersey.: Rutgers University Press, 2011. – 296 p.

Раздел 1.

Гражданское общество как социальная идея европейской культуры

Исторический анализ феномена «гражданское общество»

Понятие «гражданское общество» и его смысловые характеристики значительно модифицировались в ходе социокультурных и исторических трансформаций европейской цивилизации. Выражение «гражданское общество» формировалось от античности до современности. На этом длительном и противоречивом пути смыслового генезиса от термина к понятию уточнялись ключевые смыслы, которые затем опосредованно легли в основание понятия «глобальное гражданское общество».

К этому комплексному процессу можно подойти «стадиально», выделяя существенные изменения в значимости и интерпретациях словосочетания «гражданское общество». Последовательным образом здесь следует выделить событийные контексты: классическую античность, эпоху Ренессанса, Новое время, эпоху Просвещения, Великую французскую революцию и окончание «Холодной войны» (разрушение мировой системы социализма в начале 1990-х). В качестве социально-политического «сдвига» и радикального обновления дискурсов о гражданском обществе следует выделить комплексные события, связанные с серией перманентных «бархатных революций» в странах Восточной Европы. Идея гражданского общества является, несомненно, стержневой, конституирующей для социально-политической истории Европы, а сегодня она актуальна и для всего глобализирующегося мира. Поэтому очень важно проследить определяющие этапы кристаллизации основных принципов, идеалов, ценностей и практик эмансипаторской гражданской активности. Необходима всеобъемлющая философская рефлексия, теоретизация идеи гражданского обще-

ства, анализ «истоков и современности» темы, как показывает И. И. Кальной в своей работе «Гражданское общество: истоки и современность»¹⁵.

Автор полагает, что вне исторического контекста любые формы теоретизирования на тему «гражданское общество» могут стать некими абстракциями. Эта линия, нацеленная на конкретизацию, «опредмечивание» темы «гражданское общество и современность», выявление прикладных аспектов и связь теории с практикой, продолжена в рамках международного комплексного исследовательского проекта «Гражданское общество и современная интеллигенция». Гражданское общество имеет определённые спецификации. Например, А. Д. Шоркин доказывает, что гражданское общество является некоторым эксклюзивным социальным образованием¹⁶. Экспертный коллектив авторов из Украины и России в книге «Роль интеллигенции в формировании среднего класса» (2010)¹⁷ развивает и уточняет тему историчности гражданского общества, описывает и анализирует предпосылки становления гражданского общества, рассматривает интеллигенцию в качестве субъекта идеологии среднего класса, а также изучает феномен среднего класса в его становлении. Социально-философский анализ многомерной темы «гражданское общество» развивается с учётом современных социокультурных реалий.

Исходя из того факта, что новейший этап эволюции идеи гражданского общества и соответствующих тенденцией к ускоренному конструированию глобального гражданского общества включает в себя исторический анализ идеи гражданского общества, важен переход от термина «гражданское общество» к его понятию. Существует не только доктринальная и организационная традиция понимания института демократии, осуществления гражданских прав и свобод, но также здесь присутствует преемственность философской рефлексии. Констатируя факт происходящих общественно-политических трансформаций, необходимо выделить некоторые константы гражданского общества. Именно их наличие позволяет говорить о единстве идеи гражданского общества и реалиях социального

¹⁵ Кальной И.И. *Гражданское общество: истоки и современность* / Игорь Иванович Кальной. – Симферополь, 2006. – 490 с.

¹⁶ Шоркин А. Д. *Гражданское общество как особый вид обществ // Гражданское общество: истоки и современность : Коллективная монография / науч.ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский.* – С-Пб: Юридический центр ПРЕСС, 2006. – С. 339-348.

¹⁷ *Роль интеллигенции в формировании среднего класса / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань.* – Симферополь : Синтагма, 2010. – 468 с.

гражданского активизма. Прояснению ситуации способствуют исследования истоков идеи гражданского общества, актуализация проблематики его построения¹⁸ и понимание роли гражданской активности в контексте глобализации. Тема гражданского общества сегодня неизбежно размещается в глобальном контексте¹⁹.

Отмечая факт непрерывности культурной и социально-политической западно-европейской традиции, Борис ДеВил (*Boris DeWiel*) выделяет три основные составляющие современного понимания гражданского общества: автономию от государства, взаимосвязь с государством (*interdependence with the state*), гарантированный плюрализм ценностей, идеалов и образов жизни, воплощённых в его институтах (*pluralism of values, ideals and ways of life embodied in its institutions*)²⁰.

Это, разумеется, общие принципы, ключевые константы, которые всегда локализованы в социально-политических и культурно-исторических контекстах. Наряду с инвариантами гражданского общества, существуют значительные региональные и континентальные различия, иногда оказывающиеся решающими для осуществления общих социополитических установок. В последнее время «гражданское общество» понимается чаще всего как «политическое сообщество» (*political community*), можно даже сказать, «политически активное сообщество». На этом делает смысловой акцент Борис ДеВил в своей статье «Концептуальная история гражданского общества: от греческих первоисточков до Маркса». Он поставил задачу проследить историческую трансформацию идеи гражданского общества в контексте истории идей²¹, где им доказывается, что первоначальный смысл «гражданского общества» (*civil society*) был синонимичен именно «политическому обществу» (*political society*).

Переломным этапом теоретизации гражданского общества ДеВил считает эпоху Просвещения, когда идеи рационализма и универсализма

¹⁸ *Гражданское общество: истоки и современность: Коллективная монография / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский – С-Пб: Юридический центр ПРЕСС, 2006. – 492 с.*

¹⁹ *Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации: [монография] / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2011. – 648 с.*

²⁰ *DeWiel, B. A Conceptual History of Civil Society: From Greek Beginnings to the End of Marx / Boris DeWiel. – Past Imperfect, Vol. 6, 1997. – Edmonton, AB.: University of Alberta. – pp.3 – 42.*

²¹ *Там же.*

оказались в конфликте с интересами отдельной личности и проявилось пренебрежение ценностями малых гражданских групп. По его мнению, эта нивелирующая социально-политическая модернистская программа обнаружилась в полную силу значительно позже, уже в двадцатом веке. Тогда, доказывает автор, идеологически фундированный универсалистский марксистско-ленинский подход (*universalistic MarxistLeninist theories*), по существу оказался разрушителен для построения гражданского общества в странах Восточной Европы²².

Избыточная политизация идеи и практик гражданского общества сегодня, на наш взгляд, далеко ещё не преодолена. Попытки фактически насильственной социально-политической «трансплантации» западных моделей гражданского общества в культурно-политическую среду развивающихся стран (например, страны Магриба и Персидского залива, СНГ) не будут успешными. В первую очередь, из-за того, что кланово-племенная, бюрократическая, социальная организация и противоречивость религиозных конфликтов (допустим, шииты против суннитов) имеют мощные исторические, этнические и экономические причины, которые внезапно (по историческим меркам) нельзя заменить совершенно другими обстоятельствами, основанными на шкале западноевропейских ценностей, на традиционных идеалах и базисных коммуникативных отношениях.

Публичное обсуждение продуктивной межличностной коммуникации и коммуникации между гражданами и государственными служащими восходит к временам Сократа и его радикальной критики механизмов некомпетентного управления государством. Значение профессиональных знаний, способностей, набора добродетелей (нравственных принципов), целесообразности социального консенсуса оказались темами широких дискуссий в греческих античных философских школах. Сократовский вопрос о нравственной и политико-правовой компетенции государства реинтерпретирует Платон в «Государстве»²³, а затем и Аристотель в «Политике»²⁴.

²² DeWiel, B. *A Conceptual History of Civil Society: From Greek Beginnings to the End of Marx* / Boris DeWiel. – *Past Imperfect, Vol. 6, 1997*. – Edmonton, AB.: University of Alberta. – pp.3 – 42.

²³ Платон. *Государство. Законы. Политик* / Предисл. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

²⁴ Аристотель. *Политика* / Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. / Аристотель. – С. 375 – 644. М.: Мысль, 1983. – 830 с.

Необходимо отметить, что именно у Аристотеля обнаруживается по существу первый терминологический эквивалент, для выражения современного содержания словосочетания «гражданское общество». В своём исследовании «Гражданское общество и фанатичность» (1997)²⁵ Доминик Колас, опираясь на лексикографические методы, социологический подход, психоаналитические методы, философский анализ, широко рассматривает феномен гражданского общества и его антитезу – идеологию и практики фанатичности. Автор отмечает, что Лютер и Кальвин применяли термин «фанатик» (*fanatic*) по отношению к тем индивидам, которые стремились разрушить гражданское общество во имя установления абсолютного Царства Божия.

«Отцы протестантизма» называли фанатиков и их последователей «лжепророками». Чтобы яснее понять природу гражданского общества Колас углубляется в этимологические тонкости и герменевтические глубины, способствующие адекватной передаче смыслов аристотелевских терминов на латынь и новоевропейские языки. Этот долгий и сложный путь от термина к понятию необходимо проследить для того, чтобы современные социально-политические реалии не микшировались с уже изжитыми смыслами. Современное понятие «гражданское общество» (*англ. «civil society»*) восходит к аристотелевскому выражению «*койнония политике*». Как считает Д. Колас «гражданское общество» это только лишь один из многих смыслов термина *koinonia politike*. В своей статье «Глобальное гражданское общество: аналитическая категория или нормативное понятие» (2005)²⁶ Колас с помощью текстологического анализа и герменевтического инструментария показывает, что этот термин Аристотель использовал в «Политике».

В своих текстах древнегреческий философ, считает Колас, опирался на смысл - «политически организованное общество». При этом Колас употребляет английское словосочетание *politically organized society*. Также как и другие произведения Аристотеля, «Политика» была переведена на латынь в 1260 году («Никомахова этика» переведена на латынь раньше, в 1246-

²⁵ Colas, D. *Civil Society and Fanaticism: Conjoined Histories* / Dominique Colas. – Stanford.: Stanford University Press; 1997. – 512 p.

²⁶ Colas, A. *Global civil society: analytical category or normative concept* / Alejandro Colas // *Global Civil Society: Contested Futures* / Ed., Baker, G., Ed., Chandler D. – NY., L.: Routledge; 2005. – P. 17–33.

1247 гг.). Это аристотелевское выражение *koinonia politike* (так же, как и термин *polis*) стало востребованным в эпоху Ренессанса, показывает Колас²⁷.

В одном из первых переводов «Политики» на латинский язык доминиканский монах из Фландрии Вильгельм Мёрбеке, входивший в круг учёных-эрудитов при дворе Императора Священной Римской империи Фридриха II, использовал в своём переводе «Политики» (ок. 1260) выражения *communicatio politica* и *civilis communitas*, а термин *polis* перевёл латинским словом *civitas*²⁸. Переводы Мёрбеке – это знаковое событие для европейской философской традиции. В сообществе средневековых теологов уже давно зрело недовольство прежними переводами трудов Аристотеля, сделанных с арабских текстов.

Высказывались опасения относительно того, что в арабских текстах были утрачены первоначальные греческие философские смыслы и искажён сам «дух» аристотелевской философии. Кроме того, неточные переводы оригинальных текстов могли стать источником доктринальных ошибок. Мёрбеке переводил непосредственно с греческого оригинала, не пользуясь латинскими переводами с арабского (в основном, сирийских версий работ Стагирита). Новый перевод аристотелевской «Политики» сделал гуманист Леонардо Бруни из Ареццо в 1438 году. В своём труде он переводил греческое терминологическое словосочетание *koinonia politike* на латынь, используя выражение *societas civilis*, что наиболее близко современному англоязычному словоупотреблению *civil society*. Нужно отметить, что Бруни, будучи членом флорентийского сообщества гуманистов, бессознательно «примерял» аристотелевские понятия к ренессансным социально-политическим реалиям. Античный город Афины для Леонардо Бруни казался скорее Флоренцией 1438 года. Благодаря такой культурно-исторической оптике афинское по происхождению выражение *koinonia politike* у него оказалось синонимично флорентийскому *societas civilis*. Неизвестно, как повлиял бы перевод Бруни на современное словоупотребление понятия «гражданское общество», но, оказавшись «в нужное время в нужном месте», а именно, в начале «Эры Гуттенберга», его перевод «Политики» с инкунабулы (рукописи) написанной в 1438 году был растира-

²⁷ Colas, A. *Global civil society: analytical category or normative concept* / Alejandro Colas // *Global Civil Society: Contested Futures* / Ed., Baker, G., Ed., Chandler D. – NY., L.: Routledge; 2005. – P. 17–33.

²⁸ Там же.

жирован печатным станком в 1475 году в Страсбурге. Первый тираж быстро разошёлся в Германии, а затем книги попали в Барселону, Париж, Саламанку, Рим и другие западноевропейские города²⁹.

Между 1501 и 1600 годами (фактически прошло столетие) было выпущено пятьдесят изданий «Политики» на латинском языке и эти книги разошлись по всей Европе. Таким образом, книгопечатные «технологии» победили «рукотворную учёность». Оказалось так, что перевод аристотелевского термина *koinonia politike* в варианте Бруни, в качестве латинского выражения *societas civilis*, благодаря многочисленным печатным тиражам вытеснил к началу Нового времени словосочетания *communicatio politica* и *civilis communitas*, использованные в рукописных переводах Вильгельма Мёрбеке³⁰.

На протяжении Средних веков достоинство индивидуума не могло рассматриваться как автономный домен гражданского бытия, поскольку «человек» был «встроен» в жёсткую иерархию социализированных «сущностей». Его место было прочно закреплено между онтологическими полюсами: свободно творящим Богом «*natura creans, non creata*» и сотворённой им Природой «*natura creata, non creans*» (вывод сделан согласно представлениям Иоанна Скота Эриугены). Углубляясь в понимание «природы человека», средневековые теологи предпочитали лишь мыслить об улучшении человеческих качеств посредством религиозной медитации о Боге, при этом занимаясь самопознанием. Об общественных движениях и «улучшении общества» посредством «коллективных действий» тогда, естественно, не могло быть и речи. К тому же доктринальный провиденциализм с тенденцией к социально-исторической телеологии и хилиастическому фатализму не позволяли рассматривать общественные группы как значимые факторы социального развития. Только после работ Гоббса, Локка и Руссо, через осмысление необходимости такого регулятива, как «общественный договор», политико-философская идея гражданского общества стала уточняться в коммуникативном и правовом поле.

Многовековые герменевтические штудии дают представление об интеллектуальной истории формирования ключевого концепта «гражданского общества». Интерпретации аристотелевского понимания природы спра-

²⁹ Colas, A. *Global civil society: analytical category or normative concept* / Alejandro Colas // *Global Civil Society: Contested Futures* / Ed., Baker, G., Ed., Chandler D. – NY., L.: Routledge; 2005. – P. 17–33.

³⁰ Там же.

ведливого общественного строя (*koinonia politike*) имеются также в работе Дж. Обера «Афинская революция: эссе о древнегреческой демократии и политической теории» (1998)³¹.

Автор, размышляя над феноменом гражданского общества, как оно понималось в античности, и его контекстуальном прочтении в ранней европейской социально-философской традиции, обращается к политической философии Аристотеля. Он считает, что аристотелевское понимание *eudaimonia* (счастье, высшее благо) для *politai* и полиса – это и есть *koinonia politike*, то есть *status quo* существования граждан в стабильных условиях, когда работает режим справедливости и обеспечено осуществление права на физическую неприкосновенность и материальную безопасность (англ. *enjoying material security*)³². Для Аристотеля следование принципу *koinonia politike* приведёт к тому, что это высшее благо должно распространиться также на женщин, рабов и тех, кто не обладает гражданскими правами³³.

Несмотря на смысловые оттенки и различия, основная проблема – способность полноценной политико-правовой самореализации граждан и её легитимное обеспечение – остаётся ключевым моментом для дальнейшей рефлексии относительно предпосылок и механизмов становления современных институтов гражданского общества. В последней, двенадцатой главе своего исследования, которая называется «Полис как общество: Аристотель, Джон Роулс и афинский общественный договор» («*The Polis as a Society: Aristotle, John Rawls, and the Athenian Social Contract*»), Дж. Обер стремится показать преемственность европейской социально-философской рефлексии. Он проводит гипотетическую линию, связующую античные представления о гражданском обществе и современные концепции – в частности, взгляды Дж. Роулса³⁴.

«Смысловая партитура» идеи «гражданского общества» прописывалась и переписывалась более двух тысяч лет, «прорастая» новыми смыслами и коннотациями. Это, несомненно, доказывает социальную востребованность, научную эвристичность, культурную и эпистемологическую открытость базового понятия. И в аристотелевском словосочетании

³¹ Ober, J. *The Athenian Revolution: essays on ancient Greek democracy and political theory* / Josiah Ober. – Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1998. – 224 p.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

koinonia politike, и в цицероновском выражении *societas civilis* как исторических концептуальных прототипах, презентующих содержательную часть «гражданского общества», есть «идеальное ядро», замысел о существовании оптимального взаимоотношения между гражданами и государством. Потребовались столетия и тысячелетия для того, чтобы античные термины *koinonia politike u societas civilis* постепенно получили философское осмысление и общественно-политическую значимость благодаря конституированию понятия, которое обрело экономическую, правовую, политическую, и социальную «плоть и кровь» в практической деятельности гражданских активистов. Таковы культурно-исторические особенности и социально-политические контексты смысловых траекторий: от античных терминов *koinonia politike u societas* к современным легитимным и востребованным в реальной политике понятиям *civil society* и *global civil society*.

Для понимания смысловых «трансмутаций» необходимо рассмотреть также взаимодополняемость коннотаций «гражданского» и «политического» аспектов понятия «гражданское общество». Н. Дж. Онуф в своей работе «Республиканская традиция в международной правовой мысли» (1998) подчёркивает, что латинский термин *civitas* соответствует смыслу греческого понятия *polis*³⁵. Автор уточняет смысловую диспозицию таким образом, что, по-видимому, Аристотель определял *polis* как партнёрство или ассоциацию (*koinonia*), которую люди создают ради достижения общего блага (англ. *common good*)³⁶.

И действительно, в «Политике» Аристотель утверждает, что *общее благо* превосходит отдельные индивидуальные блага, и именно ради достижения общего блага люди вступают в ассоциации (сообщества). Тогда получается, как считал Аристотель, что *polis* – это высший тип гражданской ассоциации³⁷.

Онуф утверждает, что, подобно греческому понятию «*polis*», латинское понятие «*civitas*» обрело академический статус в рамках западной исторической мысли с акцентом на сознательной, ответственной самоорганизации свободных людей с целью формирования важных, значимых взаимоотно-

³⁵ Onuf, N. G. *The Republican Legacy in International Thought (Cambridge Studies in International Relations)* / Nicholas Greenwood Onuf. – Cambridge. : Cambridge University Press, 1998. – 304 p.

³⁶ Там же.

³⁷ Аристотель. *Политика / Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. / Аристотель.* – С. 375 – 644. М.: Мысль, 1983. – 830 с.

шений³⁸. Гуго Гроций использовал взаимозаменяемым образом латинские термины *societas civilis* и *civitas*. Для Томаса Гоббса английские термины *city* и *civil society*, видимо, были синонимичными. А Джон Локк, в свою очередь, равнозначно применял выражения *civil society* и *political society*³⁹.

Европейское понимание идеи гражданского общества, по крайней мере, в западноевропейском и североамериканском вариантах, отнюдь не конституировались «вдруг», но явились результатом длительного и противоречивого исторического развития. Метафорически выражаясь, общество современного типа «выковалось в борьбе» за осуществление гражданских прав, вопреки тотализирующим идеологическим силам макиавеллиевского «Государства-Левиафана». Идея гражданского общества развивалась в постоянной борьбе за «место под политическим солнцем» в античном рабовладельческом полисе, пробивалось сквозь теократические социально-политические формы средневековья, эволюционируя вопреки давлению монархического абсолютизма, сопротивляясь унифицирующему рационализму Просвещения и выживая в условиях тоталитарных режимов XX века. А вот сегодня гражданские активисты готовы превозмочь неолиберальную стандартизацию, аксиологическое «выравнивание», изоляционистские тенденции мультикультурализма и ригоризм религиозно-националистического фундаментализма.

Терминологические проблематизации связаны не только с филологическими и герменевтическими штудиями, но указывают на борьбу политических идей. Западноевропейские мыслители, такие как Гроций, Гоббс, Локк, Руссо и другие, дают глубокий анализ аристотелевского выражения *koinonia politike* и цицероновского *societas civilis*. В этих теоретических спорах рождаются идеи гражданского договора, политической автономии и свободного объединения граждан. Эти размышления о потенциале и историчности гражданского общества, их способы реализации в ренессансном гуманизме представлены Питером Холлбергом и Бьёрном Виттроком⁴⁰.

³⁸ Onuf, N. G. *The Republican Legacy in International Thought (Cambridge Studies in International Relations)* / Nicholas Greenwood Onuf. – Cambridge. : Cambridge University Press, 1998. – 304 p.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Hallberg P., Wittrock B. *From koinonia politike to societas civilis: Birth, Disappearans and First Renaissance of the Concept*, Peter Wagner *The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1)* / Peter Wagner (Ed.). – New York.: Berghahn Books, 2006. – P. 28-53.

Уже выходя за пределы античных политических реалий и обращаясь к реальности существования посткоммунистических государств, Бернард Фогель показывает новые смысловые модуляции выражения *koinonia politike*. Он трактует его как «гражданское общество», совершая переход от аристотелевского к токвилевскому пониманию, а именно «гражданско-го партнёрства в деполитизирующихся обществах» (*civil participation in depoliticised societies*)⁴¹.

Подведём итог рациональной рефлексии по отношению к феномену «гражданского общества». Начало философского анализа восходит, как говорилось выше, к античной философско-политической мысли и впервые концептуализируется Аристотелем в качестве *koinonia politike*. С работой Цицерона «О государстве»⁴², понятием *civitas*, исторически связанное последующее англоязычное выражение *civil society*, которое наиболее близко к базовому смыслу – *civitas* (*гражданский*).

Феноменально, идеологически и концептуально «гражданское общество» как значимый предмет обсуждения, обнаруживается очевидным образом, в европейской политико-философской мысли только в конце XVIII века. Этот процесс актуализации «гражданской» проблематики совпадает с многовекторной деятельностью «просветителей», группы философов и учёных, которые подвергли фундаментальной ревизии основополагающие консервативные и авторитарные в своей сути принципы религии, идеологии, философии, образования и культуры. В этот период исторического времени можно зафиксировать дискурсивный «тектонический разлом» в понимании природы человека, свободы, гражданских прав, природы социума, значения социального договора, политики, движущих сил социально-политического прогресса и роли гражданского активизма в производстве социальности.

⁴¹ Vogel B. *The formation of active civil societies in post-communist States: The challenges and opportunities of a political foundation* / Bernhard Vogel // *European View*. Volume 7, Number 1, 2008. – P. 129-138.

⁴² Цицерон. *Диалоги: О государстве. О законах.* / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. (Серия «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1966. – 224 с.

Эволюция гражданского общества: от локальных контекстов к глобальному социальному активизму

Значимым контекстом развития любых социально-политических процессов в современном мире являются глобальные трансформации. Уже в 90-е годы XX века, когда глобализационные процессы стали обретать более ясные формы, стало очевидно, что глобальные трансформации имеют комплексный и многоуровневый характер. Степень их эффективности во многом находилась в прямой зависимости от финансовых, политических и технологических инструментов. Огромное значение в структурировании глобального культурного пространства имели информационные технологии, а также финансово-экономические международные институты, транснациональные корпорации, военно-политические блоки и союзы.

В связи с этим можно утверждать, что глобализация – это не утопия, не миф, не теоретический конструкт, но сложнейший комплекс событийности. Это планетарная геополитика, осуществление геоэкономических стратегий, тренды международной экономики, соответствующая политика и идеология. Хотя некоторые авторы, в частности, Манфред Штигер, считают, что «глобализация» - это в большей степени неолиберальный политико-идеологический и экономический проект, нежели «естественный» всемирно-исторический процесс⁴³.

Как любое комплексное явление, глобальные трансформации являются объектом различных интерпретаций и потому неудивительно, что позиции исследователей носят диаметрально противоположный характер. Идеологическая составляющая играет немаловажную роль в формировании и динамике глобальных процессов в современном мире. Чтобы определить объективный характер планетарных трансформаций, необходимо прояснить специфику идейно-политического продвижения глобалистских стратегий. Выяснение идеологических аспектов, лежащих в основании продолжающихся противоречивых экономических и политических изменений, - необходимая ступень объективации глобализирующегося мира. Одной из задач исследования социально-исторического генезиса является выявление особенностей конструирования «глобализации» как идеологи-

⁴³ Steger M. B. *Globalization: A Very Short Introduction* / Martin Steger. – Oxford University Press, 2003. – 168 p.

ческого концепта. Сегодня процесс глобальных трансформаций (или глобализации) продвинулся настолько далеко, что становится очевидным невозможность реализации иных сколько-нибудь значимых конкурентоспособных проектов. Гиперскорость тотальной экспансии, которая присуща экономическим, технологическим, политическим стратегиям, основанным на глобальном мышлении, вызывает беспокойство и озабоченность фактически во всех интеллектуальных кругах научной, гуманитарной и политической элиты. По мнению Збигнева Бжезинского, в глобализирующемся мире необходимы новые правила для старых геополитических игр⁴⁴.

Для понимания природы глобальных трансформаций необходимо понять не только экономические и геополитические контексты современных событий, но также природу и специфику планетарных социальных процессов, инициатив построения гражданского общества. Методы социального конструктивизма также используются при теоретизировании темы гражданского общества и, тем более, тематизации глобального гражданского общества. Глобальное гражданское общество также находится в компетенции истории идей как дисциплины, изучающей генезис интеллектуальной традиции, трансформацию интеллектуальной деятельности, траекторию интеллектуальной истории. Как теоретическая дисциплина история идей непосредственно связана с эволюцией философской мысли, политической историей, историей искусства и культуры. Идея «глобального гражданского общества» наследует смыслы предшествовавшей ей идее «гражданского общества». Мери Калдор показывает, что термин «глобальное гражданское общество» (*global civil society*) стал использоваться в течение последних десяти лет, хотя, как она отмечает, уже у Канта можно найти размышления об универсальном гражданском обществе (*international civil society*)⁴⁵.

Отдельные темы, которые были связаны с планетарным контекстом социально-политических событий ещё несколько десятилетий тому назад, вполне укладывались в понятие «космополитизм». Здесь несомненно идеологическая и этическая составляющие и реминисценции с философией античной школы киников. Однако те значительные трансформации, в

⁴⁴ Brzezinski, Z. *The Grand Chessboard : American Primacy And Its Geostrategic Imperatives* / Zbigniew Brzezinski. – N.Y. : Basic Books, 1998. – 240 p.

⁴⁵ Kaldor, M. *Idea of Global Civil Society* / Mary Kaldor. – *International Affairs* 79, 3 (2003). – P. 583 – 593.

основном, экономические, которые произошли в конце двадцатого века, заставили теоретиков сконструировать другую сетку понятий для более точного и объективного понимания текущей ситуации в мире. Ключевым понятием, схватывающим особенности нового мирового порядка, становится «глобализация». Как считает Калдор, это понятие, если акцентировать именно социально-политический его аспект, содержательно отражает «резкий рост взаимосвязанности государств, развёртывание системы глобального управления, появление большого числа движений, групп, сетей и организаций, которые участвуют в глобальных или транснациональных общественных дискуссиях, ставящих под вопрос абсолютный приоритет государства»⁴⁶. (Перевод автора, В. Б.)

Идея «гражданского общества» как ключевой социально-политический императив и общественно-значимая цель оказались сегодня привлекательны не только и не столько в западноевропейской социально-правовой культуре, но в большей степени в «новых демократиях» Центральной Европы и Восточной Европы, в Латинской Америке и Восточной Азии. При этом произошла политическая «децентрация» понятия, благодаря тому, что появился новый концепт с новым содержанием – «глобальное гражданское общество» (*global civil society*). Этот новый концепт указывает на содержание с актуальной проблематикой – переход от национально-государственных форм (европейского типа) производства гражданского общества к наднациональным формам утверждения гражданских инициатив, противостоящих неоправданному насилию государства, с одной стороны, и сопротивления агрессивным маркетинговым стратегиям неолиберального глобального рынка (*neo-liberal marketization*). Большое значение для корректного анализа имеют локальный и региональный контексты социогенеза, что вполне учитывается авторами. Интегрируя свои исследовательские усилия, учёные создают целостную всеобъемлющую картину политических трансформаций, где ведущими силами оказываются свобода и стремление к демократии⁴⁷.

В современном социально-философском дискурсе «выкованный столетиями» концепт *civil society* занимает важное место. Дело в том, что это не только объект теоретизирования «учёных мужей», но действенный со-

⁴⁶ Kaldor, M. *Idea of Global Civil Society* / Mary Kaldor. – *International Affairs* 79, 3 (2003). – P. 583 – 593.

⁴⁷ Там же.

циально-практический проект, затрагивающий судьбы отдельных граждан и влияющий на переформатирование социальной действительности в рамках современных государств. Однако и в повседневных политических практиках и в теоретических дискуссиях словосочетание «гражданское общество» используется в различных интерпретациях участников дискуссий. И это не просто «спор о словах», но, в конечном счёте, спор о судьбах многих людей. Поэтому неудивительно, что экспертное сообщество стремится через «уточнение понятий» выйти на конструктивный диалог в отношении продвижения идеи гражданского общества. В коллективной монографии «Языки гражданского общества» (2006) под редакцией Питера Вагнера⁴⁸ авторы занимаются «археологией смыслов», выделяя различные языки, смысловые пласты, многочисленные практики ранних, существующих и эмерджентных гражданских обществ. Фактически все исследователи согласны в том, что именно в Западной Европе сформировалась идейная, правовая и социокультурная матрица классического представления о сути и функциях гражданского общества. Авторы констатируют, что базовый смысл «гражданского общества», манифестированный в эпоху Просвещения, оказался некоторым образом предан забвению, но в последние десятилетия оказался востребован и возрождён.

Вопрос о границах и перспективах развития гражданского общества особо актуален, поскольку идеи, в том числе общественно-политические, становятся более мобильными и всепроникающими. Глобализация – это не только вездесущие потоки финансов, товаров и технологий, но также ускоренная циркуляция идей, в особенности политических и социальных. Поэтому исследования таких значимых феноменов, как гражданский активизм, гражданское общество, права человека и других значимых приоритетов, важны для эффективной локализации в глобальном политическом пространстве. Глобальный контекст предполагает стандартизацию политических практик, в том числе деятельности структур гражданского общества, механизмов политической устойчивости в условиях перестройки авторитарных форм государственного управления. В то же время необходимо исследование взаимодействия между традиционными институтами власти и неолиберальными ценностями, которые находятся в основе идеологической платформы гражданского общества.

⁴⁸ *Wagner, P. (ed.). The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1) / editor : Peter Wagner. – New York: Berghahn Books, 2006. – 258 p.*

Тенденция объединения усилий до того разрозненных гражданских объединений и активных действий в направлении конструирования «глобального гражданского общества» наблюдается в начале и середине 90-х годов двадцатого века. Это происходит одновременно с противоречивым и непростым процессом экономической глобализации и борьбы за гражданские права. Комплексный мощный тренд - «глобализация» - во многом определяет внутренние и международные социальные процессы. Логичным и исторически преопределённым шагом стало появление такого феномена как «новые социальные движения» (*New Social Movements (NSM)*). Это важный фактор негосударственного влияния на современную международную политику. В своей работе «Глобальное гражданское общество: ответ войне» Мэри Калдор делает акцент на роли неправительственных акторов (*nonstate actors*) в производстве международных отношений. Изучая поле международных отношений, Калдор делает отправной точкой перспективу гражданского активизма и при этом опирается на методологию конструктивистской традиции⁴⁹.

Гражданское общество оказывает всё большее влияние на формирование третьего экономического сектора. Эта тенденция становится постепенно ведущей в формировании стратегий, которые направлены на достижение альтернативных социальных и глобальных гражданских инициатив. Идеология и практики гражданских объединений особенно стали актуальными в условиях стандартизации и унификации глобальных рынков. Такие глобальные акторы, как МВФ и Всемирный банк, используют сети гражданских обществ для реализации и экономических проектов. Однако в скором времени проявился феномен изначальной консервативности и нерцептивности стран «третьего мира» по отношению к западным формам демократии, социальным технологиям и оперативным тактикам гражданского активизма. Постепенно словосочетание «гражданское общество» стало востребованным в идеологических и манипулятивных дискурсах, наряду с «демократией» оказалось элементом прикладной политики. Эти соблазнительные эмансипирующие идеи, понятия и словосочетания стали идеологическими «ферментами» так называемых «цветных революций». «Гражданское общество», «права человека» и «демократия», на наш взгляд, являются важнейшими концептуальными и идейно-политическими

⁴⁹ Kaldor, M. *Global Civil Society: An Answer to War* / Mary Kaldor. – Malden, Massachusetts .: Polity, 2003. – 200 p.

ресурсами трансформации постиндустриального общества. Однако их принудительная имплантация в доиндустриальные и «квази-постиндустриальные» общества может привести к политико-социальному регрессу и экономической стагнации. Это специальная тема: «экспорт революций» и экзистенциальные риски для неустойчивых социумов.

Ключевые смыслы понятия «гражданское общество» постоянно трансформируются и всё больше зависят от культурно-исторического, социально-политического и экономического контекстов. Это смещение смыслов и практик в эпоху глобальных трансформаций показывают Джоди Йенсен и Ференц Мисливец в статье «Глобальное гражданское общество: от диссидентского дискурса к стилистике Мирового Банка»⁵⁰. Согласно авторам, идея гражданского общества из идеалистической плоскости переходит неизбежно в социально-экономическую, особенно если это касается масштабных, глобальных инициатив.

Чтобы защититься и утвердить свои принципы в планетарном масштабе, гражданское общество должно быть активным и опираться на современные экономические механизмы, инновации, широко используя новейшие информационные технологии. Сегодня достижение глобального эффекта возможно только через многократное увеличение скорости информационных потоков и « сетевого маркетинга », идёт ли речь о музыке, фильмах, литературе, спорте, политике, гражданских правах и свободах. Теоретик «глобального гражданского общества» Дон Эберли в своей книге «Восхождение глобального гражданского общества: конструирование сообществ и наций заново» (2008)⁵¹ проводит идею необходимости фундаментального обновления человеческой цивилизации на основе новых принципов.

Он убеждён в преимуществе активной гражданской позиции продвижения общечеловеческих ценностей на глобальной шкале. Эберли открыто говорит об американском экспорте активных структур гражданского общества. Он считает, что современное глобальное гражданское общество создаётся благодаря первой глобальной революции общественных объе-

⁵⁰ Jensen J., Miszlivetz F. *Global Civil Society: from Dissident Discourse to World Bank Parlance*, / Jody Jensen, Ferenc Miszlivetz // Wagner, P. (ed.). *The Languages of Civil Society (European Civil Society)* (v. 1) / Peter Wagner. – New York: Berghahn Books, 2006. – P. 177-205.

⁵¹ Eberly D. *The Rise of Global Civil Society: Building Communities and Nations from the Bottom Up* / Don Eberly. – NY.: Encounter Books, 2008. – 300 p.

динений (*first global associational revolution*). Движущими силами этой революции он видит: некоммерческие организации, неправительственные организации, тысячи гражданских, профессиональных и правозащитных групп (*nonprofits, NGOs, and thousands of civic, professional, and advocacy-oriented groups*). Они связаны между собой благодаря современным технологиям и продвигают демократические ценности по всему миру (*promoting democratic values worldwide*). Координируя свои усилия (не в последнюю очередь через социальные сети) гражданские объединения посредством активной деятельности должны, по его мнению, обеспечить взрывное расширение глобального гражданского общества. Автор утверждает, что это – наиболее значимый американский экспорт (*America's most consequential export*), представляющий величайшую надежду (*greatest hope*) для экономического и политического прогресса⁵².

Детерминантами развития глобального гражданского общества являются информационные планетарные потоки, социальные сети, гражданский активизм, которые пытаются контролировать авторитарную деятельность государственных учреждений, коррупционные злоупотребления и монополию капиталистических мегакорпораций. На наш взгляд, несколько упрощая это многофакторное поле, эксперт по проблемам глобального гражданского общества Джон Кейн определяет особенности идеи глобального гражданского общества в книге «Глобальное гражданское общество?»⁵³.

Он акцентирует внимание на новых путях конструирования демократии, глубинных потребностях во всё большей демократизации. Автор отмечает сложнейшие условия глобализирующегося мира, учитывая наличие планетарной информационной инфраструктуры. Кейн в основном рассматривает потенциал новых социальных движений, выделяя непредсказуемость такого важнейшего фактора, как глобальный, корпоративный «турбокапитализм» (*turbocapitalism*), и отмечает значительное влияние политических институций «космократии» (*cosmocracy*). Анализ ключевых факторов даёт вполне реалистическую и ясную картину, заставляет более точно прогнозировать будущее глобального гражданского общества. Вопрос об осуществлении идеи глобального гражданского общества через

⁵² Eberly D. *The Rise of Global Civil Society: Building Communities and Nations from the Bottom Up* / Don Eberly. – NY.: Encounter Books, 2008. – 300 p.

⁵³ Keane, J. *Global Civil Society? / John Keane*. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2003. – 236 p.

значимые детерминанты является ключевым для теоретиков и практиков, поскольку именно объективная картина развёртывания институций, организаций и практик позволяет говорить о реалистических стратегиях построения нового справедливого миропорядка на основе признания главенства универсальных политических ценностей.

Природа и специфика глобального гражданского общества: операциональность понятия

Основная методологическая проблема при изучении глобального гражданского общества заключается в определении его содержательных характеристик и социально-политических границ. Предметом исследования оказывается гражданское общество в глобализирующемся мире. Ясно, что современное гражданское общество в условиях планетарного информационного пространства не определяется исключительно национально-государственными границами. Его «физическая», «индивидуальная» основа сегодня дополнена, расширена, определена во многом социальными сетями, которые уже изначально глобальны и трансконтинентальны.

В академическом знании существует проблема операциональности определения. Это не схоластические спекуляции, но актуальный вопрос, связанный с релевантностью и точностью методов научного познания. Процедуры операционализации непосредственно близки определению и границам применимости понятия «глобальное гражданское общество». На первый план выходит задача смысловой избыточности в силу чересчур частотного употребления понятия в различных текстах и контекстах. Джон Кейн в своей работе «Гражданское общество»⁵⁴ показал, как термин «гражданское общество» за последние два столетия трансформировался в популярное понятие, поскольку оно оказалось востребованным и даже необходимым в профессиональной среде политиков, академических исследователей, журналистов, «капитанов бизнеса» и, конечно же, в кругах гражданских активистов.

⁵⁴ Keane, J. *Civil Society: Old Images, New Visions* / John Keane. – Stanford. : Stanford University Press, 1999. – 201 p.

Исторический подход позволил автору выявить наиболее значимые способы операционализации понятия. Экспозиция научных дискуссий между специалистами в области политических наук в трактовках и уточнении смыслов «гражданского общества», выделение основных пересекающихся подходов в интерпретации понятия – несомненная заслуга автора. Впечатляющая эрудиция позволяет исследователю развернуть целостную социально-политическую картину, определить историческую траекторию движения смыслов термина «гражданское общество». Начиная с первых этапов его формирования, от зарождения первых отрефлексированных значений в странах Западной Европы к расширенному применению в рамках политической культуры США и, затем, превращением его в глобальный политико-идеологический слоган. Кроме того, рассмотрены конкретные приложения понятия, его социокультурная и политическая «локализация» в Южной Африке, Южной Корее, Китае, странах Восточной Европы. Кейн стремится доказать, что адекватное применение понятия «гражданское общество» помогает выявить скрытый смысловой потенциал и «перезагрузить» привычные трактовки «власти», «собственности», «насилия», «политики», «национализма» и «демократии»⁵⁵.

Ввиду этой концептуальной размытости следует ограничить смысловое поле «глобального гражданского общества» ключевыми характеристиками, с необходимыми и достаточными коннотациями. Под глобальным гражданским обществом (*global civil society*) понимается такое гражданское общество, которое постоянно трансформируется в условиях информационной революции на глобальной социально-политической шкале. Оно состоит из разнородных многочисленных групп, гендерно и социально неоднородных, с различными формами организованности, и прочно связано с другими организованными группами. Несмотря на разнородность организаций, обнаруживает общие черты: движение к демократизации поверх государственных границ, открытость, стремление к общечеловеческим (универсальным) ценностям. Актуальная специфическая особенность глобального гражданского общества состоит в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. В этой связи укажем на двойственную природу глобального гражданского общества, которая характеризуется наличием национального

⁵⁵ Keane, J. *Civil Society: Old Images, New Visions* / John Keane. – Stanford. : Stanford University Press, 1999. – 201 p.

«паспортизированного» гражданства и «виртуализированными» формами социально-политической деятельности в условиях глобального информационного киберпространства. Понятно, что отчётливая конфигурация и процедуры «картографирования» гражданского общества и тем более глобального гражданского общества объективно затруднены. Социальные структуры, обеспечивающие функционирование глобального гражданского общества, развиваются из существующих интернациональных взаимодействий с тенденцией к формированию глобальных социальных сетей⁵⁶.

Уточняя далее предмет исследования, отметим, что социально-политическая идентичность или соотнесение тех или иных групп граждан с деятельностью «глобального гражданского общества» затруднены рядом обстоятельств. Зачастую происходит упрощение ситуации в силу искусственного ускорения процесса демократизации без учёта культурно-исторических реалий. Эта «торопливость» определений чревата «откатом» от ценностей гражданского общества в силу неготовности традиционных политических культур к кардинальным переменам системы ценностей (с «восточных» на «западные»). Коллизии «арабских революций» 2010-2011 годов отражают эффекты и дефекты «экспорта демократии». Проблема гомогенизации социально-политического регионального и планетарного пространства симметрична проблеме «культурного империализма» и культурной глобализации. Необходимо производить уточнения относительно того, как происходят многоуровневые глобальные трансформации, как конкретные феномены гражданского достоинства могут быть проявлены и интегрированы в «глобальное гражданское общество». Хотя цели и формы деятельности гражданских объединений могут находиться в противоречии друг с другом. Например, группы борющиеся «за права женщин» и группы борющиеся «за права мужчин» (в одной и той же стране, по крайней мере), очевидно, не могут механически объединиться.

В операциональном плане использование академического выражения, словосочетания «глобальное гражданское общество» предполагает специальную трактовку этого качественно нового негосударственного социально-политического (*new non-state-based*) феномена. Дело в том, что такие его свойства, как отсутствие отчётливых государственных барьеров этого политического сообщества (*border-free expressions of political community*),

⁵⁶ Buzan, B. *From International to World Society? / Barry Buzan.* – NY.: Cambridge University Press, 2004. – 320 p.

отсутствие территориального суверенитета и др., создают определённые проблемы, связанные с политической, социальной и этно-национальной идентичностью «глобальных граждан». Тенденция к демократизации институтов глобального управления, расширение движений борьбы за гражданские права в международном правовом поле, появление потребности в глобальном гражданстве (*global citizenry*), расширение общественной сферы высказывания и активизма до всемирных масштабов требуют поддержки и инвестиций (времени, финансов и политической поддержки). В этом случае трансформации гражданского общества по направлению к глобальному гражданскому обществу будут эффективными.

Более проявлена противоречивость отнесения к «гражданскому обществу» социальной активности групп, продвигающих защиту религиозных ценностей. В ряде стран так называемой «арабо-мусульманской дуги» в начале 2011 года произошли социальные волнения. Причины их были разными, и многое зависело от этнокультурных исторических особенностей отдельных стран. Но, например, в Бахрейне и Саудовской Аравии одним из центральных источников конфликтов является многовековая «борьба за религиозные права» шиитов и суннитов. Сходная ситуация с борьбой за религиозные права общин в Ираке и Иране. Можно ли эти формы активности гражданских религиозных групп отнести к «сегментам» интегрирующегося глобального гражданского общества? По логике развития глобального гражданского общества, протестующие группы бахрейнских шиитов должны объединиться с протестующими группами саудовских суннитов на глобальной шкале, поскольку и те, и другие выступают против государственных структур, ущемляющих (по их мнению) религиозные интересы. Такая сложная ситуация в отношении продолжающихся «культурных войн» имеет место не только в Бахрейне и Саудовской Аравии. Представить себе суннитско-шиитский религиозно-гражданский «единый фронт» против бахрейнской и саудовской монархий затруднительно. Политически конъюнктурная метафора «арабская весна», работая в режиме политической стратегии соблазна, по сути, маскирует существо сложнейших, противоречивых, жестоких и непрогнозируемых социально-политических конфликтов, вызывая в конечном счёте разочарование (*disappointment*) и дискредитацию позитивной идеи гражданского общества.

На наш взгляд говорить сегодня о глобальном гражданском обществе как «социальной данности», «социально-политической реальности», ус-

тойчивой транснациональной социальной сети нельзя. Но можно рассматривать эти противоречивые и специфические формы борьбы за гражданские права как некие значимые тенденции. Сегодня «глобальное гражданское общество» представляет собой общественно значимый позитивный проект, а в реальности «здесь и сейчас» это конгломерат групп и движений, объединяемый некоторыми идеалами построения справедливых отношений граждан и государства. В силу различий в понимании социальных, этических, культурных и религиозных ценностей специфические отдельные группы, относимые к «гражданскому обществу», пока что невозможно связать функционально и организационно в целостное «глобальное гражданское общество».

Нужно отметить к тому же, что некоторые формы гражданской деятельности ситуативны, неустойчивы, противоречивы, ангажированы крупными финансовыми корпорациями и сконструированы влиятельными политическими партиями. До сих пор, например, неясен характер, цели и направление действий гражданской по форме, но коммерческой (по методам деятельности) украинской общественной организации «*Femen*», с профессиональной режиссурой скандальных перформансов, мощнейшими PR-технологиями и масс-медийной «раскруткой». Количество журналистов и фотографов на некоторых таких акциях насчитывается десятками. Также необходимо указать на имеющиеся широкие возможности использования выражения «гражданское общество» как успешно работающего социально-политического и идеологического «лейбла» в корыстных целях. Специфика современного политизированного общества, которое вполне доказательно Ги Дебор показал как «общество спектакля», позволяет часто злоупотреблять важными и значимыми общечеловеческими идеалами и ценностями.

В то же время, нужно признать, что, независимо от манипуляций ценностями и идеалами, ключевые цели формирования глобального гражданского общества - эффективные практики - заставляют государственные институты и структуры всё чаще учитывать фактор поднадзорности чиновников в осуществлении их деятельности по отношению к гражданам и гражданским группам. Это снижает пресс господства государственной власти и увеличивает влияние гегемонии гражданского общества. Неуклонно происходит социально-политический сдвиг и переформатирование стратегий «надзора» и «наказания», замещение этих грубых инструментов

времён европейского абсолютизма, коммунистического и фашистского тоталитаризма. Укрепляются высокотехнологичные формы «контроля» и манипулятивные формы психологического «самоконтроля» в условиях современного глобального корпоративизма. Это весьма значимая и широкая тема. Исследователи рассматривают социально-историческую эволюцию корпоративизма⁵⁷, основные варианты политической и организационной деятельности⁵⁸, а также роль корпораций в управлении глобальными трансформациями с целью установления нового мирового порядка⁵⁹. Наряду с традиционализмом, национализмом и авторитаризмом, корпоративизм является препятствием для осуществления прав индивидуума в глобализирующемся мире.

Проблема измеримости глобального гражданского общества: компаративные исследования

Дискуссии о демократии, её природе, значении для прогрессивного общественного развития не прекращаются уже более двух тысяч лет. Платон, Аристотель, Цицерон и другие античные мыслители связывали воедино вопросы самореализации личности и производство власти государственным институтами. Вопросы о природе и значимости гражданского общества также имеют длительную интеллектуальную историю. В связи с радикальным геополитическим и социокультурным переформатированием мира после окончания «Холодной войны» в начале 1990-х тема гражданского активизма, правовых, экономических и политических аспектов функционирования гражданского общества стала актуальной. Её дальнейшее развитие и усложнение связано с обсуждением феномена «глобальное гражданское общество». Гражданское общество конституируется «на разных скоростях» в зависимости от исторических, культурных и эко-

⁵⁷ Wiarda, H. J. *Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism" (Comparative Politics)* / Howard J. Wiarda. – Armonk, NY.: M E Sharpe Inc, 1996. – 199 p.

⁵⁸ Williamson, P. J. *Varieties of Corporatism: A Conceptual Discussion* / Peter J. Williamson. – Cambridge. : Cambridge University Press; 2010. – 256 p.

⁵⁹ Grupp, J. *Corporatism: The Secret Government of the New World Order* / Jeffrey Grupp. – Publisher: Banned Books; 2009. – 412 p.

номических условий. Политико-культурные метафоры «Запад» и «Восток», «Север» и «Юг» схватывают фундаментальные различия между регионами мира. Их различия складывались тысячелетиями, исторические, культурные, экономические и политические особенности сказываются на темпах и направленности гражданских инициатив. Поэтому характерны исследования, учитывающие специфику и особенности, а также перспективы построения гражданского общества в Китае, чему посвящён сборник работ под редакцией Тимоти Брука «Гражданское общество в Китае»⁶⁰.

Непреложным фактом является увеличивающееся воздействие гражданского общества на экономическую, социальную и политическую жизнь современного социума. Организованные группы граждан, борющихся за свои интересы, стали активными и влиятельными игроками на поле общественно-политической деятельности. Для изучения этого сложного и динамичного феномена недостаточно философского теоретизирования и только лишь вербальных средств описания. В научном исследовании необходимым элементом является процедура операционализации понятия через сближение теоретических конструктов и конкретизированного предмета изучения. Здесь должны быть задействованы логические инструменты и строгий эмпирический анализ рассматриваемого явления. Гражданское общество, а тем более глобальное гражданское общество, подвержены «смысловой инфляции», как, впрочем, и другие востребованные социально-политические понятия (например, «демократизация»). Помимо теоретических исследований феномена гражданского общества и глобального гражданского общества также появляются попытки эмпирических исследований темы. Одной из удачных попыток «отсечения» реального положения дел от спекуляций и корыстной риторики «по поводу гражданского общества» является система эмпирического измерения свойств и специфики гражданского общества. Комплексным исследованием такого рода стала работа Хельмута Энхиера «Гражданское общество: измерение, оценивание, методика обработки данных» (2004)⁶¹.

Отметим, что в пылу общественно-политических дебатов смещается эпистемологический фокус исследования, растворяется предмет изучения,

⁶⁰ Brook, T. and Frolic B. M. (eds). *Civil Society in China (Studies on Contemporary China)* / editors : Timothy Brook and B. Michael Frolic. – NY.: M.E. Sharpe, 1997. – 244 p.

⁶¹ Anheier H. K. *Civil Society: Measurement, Evaluation, Policy* / Helmut K. Anheier. – London.: Earthscan Publications Ltd., 2004. – 224 p.

например, границы прав человека, демократии и безопасности гражданских инициатив. Поэтому неудивительно, что исследователи-эксперты всё чаще прибегают к методологическим средствам для более точного, предметного анализа состояния дел в сфере гражданского активизма и государственной политики, с ним связанной. Помимо «сухих данных» в книге имеются различные интерпретации многовекторных изменений современного гражданского общества. Наиболее важной, на наш взгляд, оказывается прикладная часть работы, поскольку выдвигается программа обеспечения благоприятных условий для установления полезного диалога между гражданскими группами и продуктивного взаимодействия между гражданским обществом, государством и бизнесом. Используется широкий спектр индикаторов и данных для глубинного измерения слабых сторон, сильных преимуществ и эффективности гражданского активизма. Определяются стратегии и тактики для осуществления оптимальных вариантов деятельности. Изначально гражданское общество, а затем и глобальное гражданское общество, имели как дескриптивное, так и нормативное содержание, утверждает Калдор⁶².

Слово «глобализация» стало настолько частотным в академической сфере, журналистике и политической риторике, что иногда воспринимается как ничего не значащее клише. Такая же, а может, и ещё большая, опасность превратиться в просто «красивую фразу» или стать очередным «политтехнологическим гаджетом» угрожает феномену «глобальное гражданское общество». Ведь его свойства, характеристики и тенденции развития ещё более проблематичны, чем у «гражданского общества». Границы «глобального» онтологически размыты, «глобальное гражданское общество» в действительности локализовано в деятельности гражданских групп и неравномерно проявлено на разных континентах. В первом томе компаративного исследования «Глобальное гражданское общество: измерения некоммерческого сектора» под редакцией Лестера Селмона, Регины Лист и Войцеха Соколовски⁶³ масштабируется «карта» глобального гражданского общества, проводится сравнительный анализ планетарного движения к самостоятельности, автономности и правовой обеспеченности гражданских инициатив.

⁶² Kaldor, M. *Global Civil Society: An Answer to War* / Mary Kaldor. – Malden, Massachusetts.: Polity, 2003. – 200 p.

⁶³ Salamon, L. M., List R., Sokolowski, S. W. *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 1* / Lester M. Salamon, Regina List, S. Wojciech Sokolowski and Associates, Stefan Toepler, Helmut K. Anheier. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press. 1999. – 511 p.

Некоторая «эфемерность» глобального вообще и глобального гражданского общества в частности настоятельно требует «опредмечивания» и конкретизации. Поэтому процедуры измерения конкретных параметров общества здесь ещё более актуальны. Базируясь на научно-исследовательской программе изучения негосударственного сектора в Институте Джона Хопкинса (*Johns Hopkins Institute international comparative nonprofit sector research*), учёные провели сравнительное систематическое исследование, главным образом экономических индикаторов, отражающих деятельность некоммерческих организаций (*nonprofit sector*) в 22 странах мира. В качестве объектов изучения были включены гражданские общества развитых и развивающихся стран. Западная Европа представлена Бельгией, Великобританией, Германией, Ирландией, Испанией, Нидерландами, Финляндией, Францией; Центральная и Восточная Европа - Венгрией, Польшей, Румынией, Словакией и Чехией; Латинская Америка – Аргентиной, Бразилией, Колумбией, Мексикой и Перу; рассмотрены также Австралия, Израиль, США и Япония⁶⁴.

В многолетней исследовательской программе приняли участие 150 экспертов. Таблицы и графики делают исследование прозрачным, эмпирически фундированным и академичным. Выводы и комментарии уточняют результаты компаративных исследований глобального гражданского общества. Теоретические размышления уравновешены прикладными рекомендациями.

Позднее авторы расширили предмет изучения глобального гражданского общества. Во втором томе комплексного сравнительного исследования «Глобальное гражданское общество: измерения некоммерческого сектора» под редакцией Лестера Селмона и Войцеха Соколовски⁶⁵ с помощью эмпирических методов были определены границы, масштабы, структурные особенности и содержание, а также финансово-экономический потенциал гражданских объединений и гражданского общества в целом.

Дискуссии о том, какова природа глобального гражданского общества, насколько оно реально, каковы его параметры и свойства, были, есть и

⁶⁴ Salamon, L. M., List R., Sokolowski, S. W. *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 1* / Lester M. Salamon, Regina List, S. Wojciech Sokolowski and Associates, Stefan Toepler, Helmut K. Anheier. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press. 1999. – 511 p.

⁶⁵ Salamon, M. and Sokolowski, S. W. (eds). *Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 2* / editors : Lester M. Salamon and S. Wojciech Sokolowski. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press. 2004. – 368 p.

будут продолжаться. Для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, исследователи стремятся доказать, что «глобальное гражданское общество» действительно существует, ему присуща эмпирическая очевидность, и потому оно измеримо. Путём ввода многочисленных количественных и качественных социально-экономических характеристик эксперты показывают, что этот новый тип общества – не абстрактное словосочетание и не социально-политический конструкт. Особое внимание уделяется исчислимым признакам существующих благотворительных организаций (*charity*).

Несколько позже другая группа исследователей в рамках проекта CIVICUS продолжила изучение состояния гражданского общества на глобальной шкале. Одной из сложных методологических проблем уже второй десяток лет является вопрос о точном определении того предмета, который номинируется как «гражданское общество». Ещё больше эпистемологических коллизий с «глобальным гражданским обществом». Кого считать социальным актором? Где заканчивается конфликт между гражданскими объединениями и государством и где начинается этап сотрудничества и взаимодействия граждан и государства? На эти и другие вопросы пытаются дать ясные и фактически обоснованные ответы авторы двухтомной работы «CIVICUS Глобальный обзор положения дел в гражданском обществе» (2007)⁶⁶. Ответственный редактор исследования В. Ф. Хайнрих – директор программ по изучению сетей глобального гражданского общества CIVICUS (*Director of Programmes for the global civil society network CIVICUS*).

Международный проект CIVICUS Civil Society Index (CSI) (Индекс гражданского общества) с участием сотен исследователей и организаций направлен на получение детального и проработанного описания гражданских структур, гражданских инициатив, гражданских объединений, действующих в различных странах мира и представляющих значимые альтернативы деятельности государственных органов власти. Наряду с обработкой краткосрочных индикаторов (*short-term indicators*) используется многофакторный анализ, позволяющий изучить долгосрочные сложные процессы (*long-term complex processes*) формирования глобального гражданского общества. Использованы сведения о гражданских обществах 44 стран. На основе кратких справочных данных, размещённых в десятках таблиц, сделан сравнительный анализ гражданской вовлечённости в общеполитиче-

⁶⁶ Heinrich, V. F. *CIVICUS Global Survey of the State of Civil Society, Volume 1: Country Profiles* / V. Finn Heinrich. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press, 2007. – 500 p.

ские процессы, демократизации обществ, уровня коррупции, наличие социального капитала, гендерной справедливости, уровня здравоохранения. Кроме оценки положения дел авторы делают рекомендации с целью оптимизации позитивных тенденций укрепления гражданских инициатив в планетарном масштабе. В ходе своего становления гражданское общество постоянно сталкивается с проблемами, организационными, идеологическими, коммуникативными и другими. Учёные, занятые в международном проекте CIVICUS, систематически описали и проанализировали ключевые направления развития глобального гражданского общества во втором томе «CIVICUS Глобальный обзор состояния гражданского общества» (2007) под редакцией В. Ф. Хайнриха и Л. Фиорамонти⁶⁷. В исследовательское поле попало более 45 стран на разных континентах.

Стержневым вопросом для понимания роли гражданских обществ и гражданского активизма были взаимоотношения граждан и государственных структур. Учёные сосредоточились на теме свободы предпринимательской деятельности в развитых и развивающихся странах. Ведущими в изучении глобального гражданского общества становятся методы компаративного анализа. Учитывая то, что глобальные трансформации и динамика развёртывания гражданских инициатив в информационном пространстве становится неуклонной тенденцией современности, представляется необходимым проведение широкомасштабных исследований глобальной составляющей формирования гражданского общества.

Диспозитив глобального гражданского общества: утопия, реальность и гиперреальность социального

Изучая динамику глобальных процессов, необходимо рассматривать экономические, технологические, политические, социальные и культурные измерения в систематической связи. Одним из ключевых измерений глобализации является социальное бытие. Глобальная социальная интеграция возможна лишь посредством формирования гражданского общества. Раз-

⁶⁷ *Heinrich, V. F., Fioramonti, L. CIVICUS Global Survey of the State of Civil Society, Volume 2: Comparative Perspectives / V. Finn Heinrich; Lorenzo Fioramonti. – Bloomfield, CT.: Kumarian Press, 2007. – 500 p.*

нообразные социальные импликации глобальных изменений - это, несомненно, актуальная тема, показывает Рафаэль Каплински, раскрывая механизмы накопления социального груза бедности и неравенства как побочных эффектов планетарных трансформаций⁶⁸. Глобализация – это историческое многоуровневое и многомерное явление.

Различные социумы как на локальном, так и на региональном уровнях проходят этапы социально-политической, культурной и экономической глобализации с различными скоростями. Уже проявлены, хотя и не до конца прояснены, позитивные и негативные последствия глобальных изменений для формирования современного общества. Рафаэль Каплински стремится сбалансированно рассмотреть «плюсы» и «минусы» этого противоречивого движения. Комплексная глобальная экономика рассматривается автором в историческом контексте и предметно. Он анализирует конкретные социально-экономические события в Африканских и Латиноамериканских странах. Акцент сделан на феноменах бедности и социального неравенства, характерных для глобализирующихся континентов. В условиях глобальной экономики исключена опция эксклюзивности. Богатые постиндустриальные страны, выйдя «на стартовую позицию», значительно раньше других создали такие «правила игры», которые удобны для «вечных победителей». Однако, как показывает Каплински, некоторые прежде беднейшие страны (Китай), приняли жёсткие условия «взрослой игры» и сегодня уже вошли в лидирующую группу стран-глобализаторов. Здесь необходим исторический подход для понимания современного положения дел. Глобальные трансформации проходили и проходят неравномерно, во многом через интенсификацию региональных связей. Японо-китайские отношения как элемент восточно-азиатской регионализации анализирует Тимоти Брук⁶⁹.

Наиболее динамичной составляющей планетарных трансформаций становится формирование глобального гражданского общества. Специфика и важная организационная особенность многочисленных групп гражданского общества состоит в том, что они неоднородны по составу, организованности, связям с другими группами и, находясь в различных государственно-правовых средах, сильно отличаются формами выражения протеста. В со-

⁶⁸ *Kaplinisky, R. Globalization, Poverty and Inequality: Between a Rock and a Hard Place / Raphael Kaplinisky. – L. NY.: Polity, 2007. – 216 p.*

⁶⁹ *Brook, T. Collaboration: Japanese Agents and Local Elites in Wartime China / Timothy Brook. – Cambridge, Massachusetts.: Harvard University Press, 2007. – 302 p.*

став глобального гражданского общества могут входить некоммерческие организации, религиозные общественные движения, студенческие организации, ученые, объединённые в профессиональные сети, художники и музыканты, этнические группы и так далее. В структурном плане глобальное гражданское общество представляет собой очевидную гетерогенность групп, видов социальной активности и социальных сетей. Несмотря на явную аморфность такого «пёстро́го» «общества обществ» (*society of societies*), Кейн (*Keane*), автор книги «Глобальное гражданское общество?» (2003)⁷⁰, вопреки реальной диссоциации (разобщённости) гражданских обществ на глобальной шкале настаивает на том, что эта очевидная мозаичность и неконсолидированность, широкая «ассамбляжность» (*vast assemblage of groups*) всё же могут рассматриваться как некое надгосударственное специфическое гражданское образование – *society of societies*.

Общими чертами такого общества являются: открытость, движение к расширению демократии, стремление к общечеловеческим (универсальным) ценностям. Гражданское общество, а тем более глобальное гражданское общество, не существует само по себе. Есть историко-культурный, социально-политический и экономический контекст. Именно экономическому, а точнее, финансовому аспекту формирования гражданского общества в планетарном измерении посвящена книга под редакцией Албрехта Шнейбела и Яна Аарта Шолте (кстати, всемирно признанного эксперта в области глобальных исследований, *contemporary globalisation studies*) «Гражданское общество и глобальные финансы»⁷¹. Качественный анализ развития глобального гражданского общества в контексте финансовой глобализации представлен статьями двадцати авторов. Важно отметить, что это не только теоретики, но также государственные чиновники, ответственные за принятие значимых решений (*decision-makers*), и гражданские активисты. Все контрибьюторы представляют пять континентов, поэтому острые дискуссии о гражданском обществе и глобализации размещены, поистине, «на глобальной шкале».

Вопрос о природе и сущностных особенностях глобального гражданского общества решить непросто в силу объективных обстоятельств. Дело

⁷⁰ *Keane, J. Global Civil Society? / John Keane. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2003. – 236 p.*

⁷¹ *Schnabel A. and Scholte J. A. (eds). Civil Society and Global Finance (Warwick Studies in Globalisation) / editors : Albrecht Schnabel and Jan Aart Scholte. – NY., L.: Routledge; 2002. – 320 p.*

в том, что феномен *гражданского общества* и его актуальная теоретическая рефлексия связаны с народно-демократическими движениями, происходившими в восточно-европейских странах в 1989-1991 годах. Феномен «глобализации» стал предметом теоретических исследований в 1990-2000 годах. То есть по историческим меркам эти явления ещё недостаточно развиты и находятся в процессе становления, разнонаправленности, противоречивости. Тем более «глобальное гражданское общество» оказывается в большей степени социально-политическим конструктом и скорее может быть описано как «тенденция», «проект», «утопия», чем очевидная социально-политическая реальность. В любом случае необходимо произвести анализ «глобального гражданского общества», чтобы избежать политических спекуляций и манипуляций общественным мнением.

Надлежит выделить вопрос о значении и роли акторов глобального гражданского общества (*global civil society actors*). Необходимо знать, что собой представляют «движущие силы» и «мотиваторы» развёртывания интенсивной деятельности и стратегий глобализации гражданской активности в различных странах и регионах. Нужно понять, координируемо ли это движение из каких-либо организационных центров, или все действия изначально спонтанны, но по ходу дела синхронизируются и интегрируются в некое мировое движение. Другой вопрос связан с производством технологий конструирования гражданского общества и их действенности, результативности на локальном и на глобальном уровнях. Здесь уместно говорить о специфической «топологии гражданского общества», то есть о «локальных пространствах *civil society*» и «глобальном пространстве *civil society*». Благодаря методологическому «масштабированию» представление о феномене «гражданского общества» становится более осязаемым и конкретизированным. Поскольку понятия «демократия» и «гражданское общество» из-за злоупотреблений политической и квази-политологической риторики уже давно подвержены гиперинфляции и часто превращаются в постмодернистский «знак без означаемого» (уточним: «без реального», а не «виртуального означаемого»). В этой связи необходим постоянный аналитический мониторинг политической риторики и конкретных действий, проявляющихся в спонтанном, запланированном и манипулируемом гражданском активизме. Тогда и обнаруживается диспозитив глобального гражданского общества. Проявятся элементы утопичности проектов и риски конструирования социальной реальности посредством «виртуальной гражданственности».

Раздел 2.

Глобальное гражданское общество в цифровую эпоху

Информационная революция как условие эволюции глобального гражданского общества

Идея гражданского общества появилась в античности, она связана с именами Аристотеля и Цицерона. В эпоху Гуманизма и Нового времени теория и практика гражданских инициатив постоянно расширялась и укреплялась в странах Западной Европы. Буржуазные революции в Европе и Северной Америке позволили конституционными средствами утвердить идею и осуществить её в реальной политической деятельности свободных индивидуумов. С началом цифровой эпохи, экспоненциальным ростом электронных средств коммуникации, появлением глобальной информационной сети (Интернет) как локальные гражданские организации, так и планетарные гражданские сети получили мощный коммуникативный ресурс для пропаганды демократических инициатив, самоорганизации и формирования самого глобального гражданского общества. Но есть также и «тёмная сторона» информационной эры, о которой пишет Евгений Морозов: цифровое неравенство, нарушение авторских прав, нарушение конфиденциальности, мультипликация дезинформации и оскорблений личности, экономический ущерб, тотальная поднадзорность и др.⁷² Это старая дилемма, взвешивание преимуществ и негативных последствий технических инноваций.

Она решается контекстуально, конкретно и контингентно. Поэтому различные аспекты, иногда диаметрально противоположные, в ходе развития научно-технического прогресса и, в частности, социо-культурные импликации информационной революции необходимо иметь в виду и рассматривать соответствующим образом. Открытость и доступность передо-

⁷² *Morozov, E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / Evgeny Morozov. – NY.: PublicAffairs, 2011. – 432 p.*

вых технологий – это одно из условий существования демократического общества и продвижение инициатив глобального гражданского общества.

Наиболее значимым технологическим проектом последней трети XX века стала информационная революция. Её значение для ускоренного развёртывания ноосферы трудно преувеличить. Это очевидно, поскольку информационные технологии создали расширяющуюся, надёжную и эффективную глобальную сеть коммуникаций, в которую вовлечены правительства всех государств, предприятия, организации, университеты, школы и миллиарды граждан во всём мире⁷³.

Для этого необходимо иметь доступ к аппаратам для обработки информации, её хранения и свободного распространения. Более 2 миллиардов человек сегодня регулярно используют интернет-ресурсы. И ещё большее количество людей имеют мобильные устройства, большое количество которых предназначено и для коммуникации без ограничения расстояний, и для интерактивной работы с Интернет-граффиком. Это позволяет утверждать, что информатизация – один из ключевых ресурсов высокотехнологичной глобализации и формирования организационной деятельности гражданского общества.

Наиболее очевидной эмпирической формой существования киберкультурной реальности являются коммуникативные сети (главным образом глобальные), обеспечивающие высокоскоростную межличностную, производственно-финансовую, образовательную, научную и корпоративную коммуникацию. Самой мощной информационной глобальной системой с широким доступом к большинству стратегических познавательных ресурсов является Интернет. Эта планетарная высокотехнологичная система интегрирована с телекоммуникациями и спутниковой мобильной связью. Технологические, экономические, правовые и культурные основания интернет-коммуникации являются составляющими частями информационного общества. Моделирование сложных процессов, включающих «человеческий фактор», неизбежно предполагает принятие концепций, напрямую связанных с эволюцией информационного общества. Например, Дэвис, Миллер и Рассел используют модель информационной революции

⁷³ Okin, J. R. *The Information Revolution: The Not-for-dummies Guide to the History, Technology, And Use of the World Wide Web* / J. R. Okin. – Winter Harbor ME.: Ironbound Press, 2005. – 352 p.

для изучения роста потенциала современных бизнес-стратегий⁷⁴. История формирования, структура и функции этого общества уже давно стали предметом исследования социальных теоретиков. Информационное общество является приоритетным объектом исследований для ноосферологии.

Как базисная инфраструктурная составляющая постиндустриального мира информационное общество значительно ускоряет процесс социально-экономической эволюции. Поэтому инфосфера как часть техносферы должна рассматриваться в более широком контексте развития – эволюции ноосферы. Информационное общество главным образом включает в себя технологический и коммуникативный аспекты, в то время как постиндустриальное общество включает в себя также экономический, геополитический, культурный, социальный, образовательный и другие. В ходе своего развития информационная революция сталкивается с проявлением специфических проблем. Прежде всего это касается вопросов этического и социального характера⁷⁵.

Фундирующей производственной единицей информационного общества становятся компьютеры, в основном подключённые к глобальной сети Интернет. Вначале цифровой эпохи это были стационарные вычислительные машины, позже – ноутбуки, сейчас планшетники, коммуникаторы и мобильные телефоны. Они позволяют выполнять огромное число операций в течение короткого интервала времени – миллиарды операций в секунду, что значительно ускоряет развитие интеллектуальных технологий, коммуникативных интеракций, научной, образовательной и экономической деятельности.

В информатизированном обществе промышленная деятельность как сугубо экономическая составляющая утрачивает определяющее значение. Эксперты обоснованно говорят об «экономике знаний», «обществе знаний», «индустрии знаний». Очевидно, что общество знаний нуждается в постоянном совершенствовании и усилении информационных технологий и расширении системы дистанционного образования⁷⁶.

⁷⁴ Davis, J., Miller, G. J., Russell, A. *Information Revolution : Using the Information Evolution Model to Grow Your Business* / Jim Davis, Gloria J. Miller, Allan Russell. – Hoboken, NJ.: Wiley; 2006 – 224p.

⁷⁵ Kizza, J. M. *Ethical and Social Issues in the Information Age (Texts in Computer Science)* / Joseph Migga Kizza. – Dordrecht. : Springer; 2010. – 335 p.

⁷⁶ Weert, T. J. van (ed.) *Education and the Knowledge Society: Information Technology Supporting Human Development (IFIP Advances in Information and Communication Technology)* / editor :Tom J. van Weert. – NY.: Springer; 2004. – 306 p.

Необходимо отметить, что общество знаний прочно ассоциируется с ростом научно-технологического знания и вездесущностью информационных технологий. Социальные процессы и интенсивность социальных отношений непосредственно зависят от информационной обеспеченности индивидуумов и организаций, как отмечают Бёме⁷⁷ и Штир⁷⁸. Информационное общество для постоянного роста нуждается в эффективном менеджменте инновационных процессов.

Во многом удачно используемые инновации, инновационные стратегии создают технологически интенсивную экономику. Динамическое взаимодействие между менеджментом знаний и инновациями позволяют реализовать экономически и социально успешные проекты, показывают Мот и Форэй⁷⁹.

Поскольку рационализированные знания стали стратегическим ресурсом цифровой эпохи, то управление производством и потоками знаний – это теперь важнейшая задача, показывает Нико Штир⁸⁰.

Исследователь также развивает сравнительно новое направление – *knowledge politics*, что релевантно выражению – «продвижение политических инициатив и стратегических исследований производства и функционирования научно-технологических знаний в условиях информационного общества». Согласно Штиру, развитие биотехнологий, нейрогенетики, когнитивных наук, нанотехнологий, информационных технологий сулит значительное усиление человеческих возможностей и в то же время эти технологии увеличивают количество биосоциальных рисков⁸¹.

Тотальная информатизация усилила постиндустриальный аксиологический сдвиг в сторону актуализации так называемых «постматериалисти-

⁷⁷ Böhme, G. and Stehr, N. (eds). *The Knowledge Society: The Growing Impact of Scientific Knowledge on Social Relations (Sociology of the Sciences Yearbook)* / editors : Gernot Böhme and Nico Stehr. – Publisher: Springer; 1986. – 224 p.

⁷⁸ Stehr, N. and Meja, V. (eds). *Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science* / editors : Nico Stehr and Volker Meja. – Piscataway, New Jersey : Transaction Publishers; 2005. – 451 p.

⁷⁹ Mothe, J. de la and Foray, D. (eds). *Knowledge Management in the Innovation Process (Economics of Science, Technology and Innovation)* / editors : John de la Mothe and Dominique Foray. – NY.: Springer; 2001. – 280 p.

⁸⁰ Stehr, N. *The Governance of Knowledge* / Nico Stehr (Ed.). – Piscataway, New Jersey : Transaction Publishers, 2003. – 299 p.

⁸¹ Stehr, N. *Knowledge Politics: Governing the Consequences of Science and Technology (Political Economy of the World-System Annuals)* / Nico Stehr. – Boulder CO.: Paradigm Publishers, 2006. – 252 p.

ческих ценностей». Широко обсуждаются системы новых ценностей (иногда декларативно), формируется идеология постматериалистических ценностей с поправкой на истощение энергетических и других ресурсов в тени глобальных климатических изменений. Концепция постматериализма, выдвинутая американским исследователем Роналдом Инглхартом в конце семидесятых годов прошлого века, актуальна в современном посткризисном глобализирующемся мире. По мнению Дача и Тейлора, продвижение постматериалистической идеологии основано на тесной взаимосвязи экономического развития и расширения образовательных практик⁸².

Постмодернистское мировоззрение оказалось логическим следствием комплекса аксиологических сдвигов, произошедших в результате осуществления материалистического проекта – «общества всеобщего благоденствия» - в западном мире (70-е годы). Мыслители постмодерна не создали, но констатировали ряд феноменов, таких как упадок религиозности, разрушение классовой солидарности. Исчерпали себя идеологемы протестантской этики накопления, заикленность на постоянном росте материального производства, культ потребления выродился в навязчивый «шоппинг». Ортодоксальное рыночное мышление, ранее успешные стратегические направления деятельности и в особенности тактическая тотальная конкуренция, эгоцентризм и гедонизм становятся «немодными» и контрпродуктивными. Такие тенденции свидетельствовали о серьёзном кризисе материалистических ценностей. Наряду с этим появлялись и укреплялись новые ценности: феминизм, эко-сознание (*Green values*), энвайронментализм, политический активизм, новые социальные движения. Эти и другие поворотные моменты в сфере производства ценностей стали объектом междисциплинарного исследования «Столкновение ценностей» (1998). Гуманистические и социально релевантные ценности формируются под влиянием идеологии постматериализма⁸³.

⁸² Duch, R. M., Taylor, M. A. *Postmaterialism and the Economic Condition* / Raymond M. Duch, Michael A. Taylor. – Published by: Midwest Political Science Association.: *American Journal of Political Science*, Vol. 37, No. 3, Aug. 1993. – pp. 747-779. Резюме документа: Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/2111573>

⁸³ Deth, J. W. van and Scarbrough, E. (eds). *The Impact of Values (Beliefs in Government)* / editors : Jan W. van Deth and Elinor Scarbrough. – NY.: Oxford University Press, USA, 1998. – 608 p.

Тренд культурного постматериализма зависит от темпов модернизации, глобальных социокультурных изменений и уровня демократии, полагают Инглхарт и Велзел⁸⁴.

Постматериалистические ценности не появились вдруг. Роналд Инглхарт прослеживает такой аксиологический сдвиг в рамках западной культуры в период с 1970 по 2006 годы⁸⁵.

Постепенно приоритетными становятся, в частности, креативность, расширенная (глобальная) коммуникация⁸⁶, как показывают Пиппа Норрис и Роналд Инглхарт в работе «Космополитические коммуникации: культурное разнообразие в глобализирующемся мире» (2009).

Глобализированные социальные сети становятся дополнительным ресурсом для личностной самореализации. Когда информационные сети и системы связаны на основе Интернета, мобильной связи, телекоммуникаций, возникает становление нового экономического и социального уклада, появление инфосферы. Это единое информационно-коммуникативное пространство, в том числе образовательное и экономическое. Фактически в этом пространстве границы между локальными общностями, регионами, странами и континентами стираются. Инвестиции движутся туда, где возможна наибольшая прибыль за короткое время работы капитала. Это необходимое условие действия процесса глобализации: финансовой, экономической и политической. Горизонтальный трансфер артефактов, символов, образов и идей в эпоху глобализации способствует расширенному воспроизводству постматериалистических ценностей⁸⁷.

Можно выделить фундаментальные характеристики нового общественного строя, основанного на приоритете информационных потоков и глобальной коммуникации.

⁸⁴ Inglehart, R., Welzel, C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / Ronald Inglehart, Christian Welzel. – NY.: Cambridge University Press, 2005. – 344 p.

⁸⁵ Inglehart, R. F. *Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006* / Ronald Inglehart. – *West European Politics*, Vol. 31, Nos. 1–2, – L.: Routledge, January–March 2008, – pp.130 – 146.

⁸⁶ Norris, P., Inglehart, R. F. *Cosmopolitan communications: Cultural diversity in a globalized world* / Norris, Pippa, and Ronald F. Inglehart. – New York.: Cambridge University Press, 2009. – 446.

⁸⁷ Savicka, A. *Postmaterialism and globalisation : the specificity of value change in the post-communist milieu* / Savicka, Aida. – Vilnius.: Research Institute of Culture, Philosophy and Arts, 2004. – 163 p.

- Произошла замена механических, электрических и электромеханических средств на электронные средства производства и коммуникации. Связь на производстве и в быту стала базироваться на электронных носителях.

- Компьютеры не только повсеместно распространились, но и революционизировали промышленность, экономику, науку и образование. При этом их составляющие части постоянно уменьшались в размерах. Если первые компьютеры были многотонными, то уже в начале 80-х годов XX века был создан персональный компьютер, помещающийся на письменном столе. Произошла миниатюризация компьютерной техники при многократном увеличении быстродействия вычислительных мощностей. При этом постоянно росло качество программного обеспечения.

- Знания как общего плана, так и узкоспециальные, стали важнейшим ресурсом в развитых странах.

- Инновации становятся самым эффективным двигателем прогрессивных изменений. А инновационное мышление возможно лишь на основе высокоразвитого уровня теоретического рационального мышления. Теоретическое знание – наиболее востребованный ресурс постиндустриального общества.

- Коммуникация и особенно глобальная коммуникация становится условием экономического, научного, образовательного развития и самореализации личности.

Проблемы, связанные с функционированием информационного общества как технологической составляющей постиндустриального общества, нуждаются в комплексном изучении на основе междисциплинарного подхода. Экспоненциальный рост производства информации имеет как позитивные, так и негативные стороны, считает Джеймс Глэйк⁸⁸.

«Постиндустриальное общество» – это понятие гораздо более ёмкое, нежели «информационное общество». Дело в том, что кроме информационных потоков постиндустриальность включает в себя также производственные мощности, финансовую систему, социальные и политические институты. Постиндустриальная культура включает в себя религиозные, моральные и эстетические ценности, принадлежащие иногда противоположным социальным группам. Существование в этом обществе обеспечивается соблюдением политкорректности и наличием мультикультуральности. Здесь при-

⁸⁸ *Gleick, J. The Information: A History, a Theory, a Flood / James Gleick. – NY.: Pantheon, 2011. – 544 p.*

сутствуют не только постмодернистские ценности постиндустриального плана, но также ценности индустриальной и даже доиндустриальной эпохи.

В информационном обществе кардинально меняются все сферы жизни: от технологической и производственной до экономической и культурной. Существенно меняются формы мышления и мировоззрения. Скорость технического и концептуального обновления технических средств и управления ими растёт по экспоненциальной кривой. В то же время унифицируются технологические стандарты, что позволяет увеличить конкурентный отбор как в области собственно технической, так и в области производства программного обеспечения. Информационное общество – это техно-коммуникационная часть постиндустриального общества, такое общество, где сфера услуг имеет приоритетное значение по отношению к промышленному производству и аграрному сектору. Главными продуктами производства и потребления оказываются информация и знания. Компьютерная революция и Интернет-революция – это не только продвижение высокотехнологичных брендов постиндустриального общества. На эту особенность указывает Сара Баас в своей работе «Дар огня: социальные, правовые и этические вопросы компьютинга и Интернет» (2008). Помимо социальных, правовых и этических вопросов автор исследует также политические, конституциональные и экономические проблемы, рассматривает различные дискуссионные вопросы по поводу перспектив развития информационного общества⁸⁹.

Характерные черты информационного общества: 1) увеличение роли информации и знаний в жизни общества; 2) возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте; 3) создание информационного пространства.

Наличие глобального информационного пространства обеспечивает: (а) реальное эффективное информационное взаимодействие людей; (б) неограниченный доступ к мировым информационным ресурсам; (в) удовлетворение потребностей в отношении информационных продуктов.

Инфосфера расширяется при условии устойчивости социальных и экономических институтов, стабильности экологии, ускорения научно-технического прогресса. Эффективное функционирование информационного общества предполагает существование информационной среды и ин-

⁸⁹ Baase, S. *A Gift of Fire: Social, Legal, and Ethical Issues for Computing and the Internet* / Sara Baase. – Publisher: Prentice Hall; 2008. – 528 p.

формационной сферы (инфосферы). Теоретик постиндустриализма Д. Белл считал, что возникновение информационного общества в начале 60-х годов XX века ускорило процесс становления постиндустриального общества⁹⁰. Другой социальный теоретик, А. Тоффлер, относит начало становления постиндустриального общества к середине двадцатого века⁹¹.

Цифровая эпоха и социально-технологическое ускорение

После создания микропроцессора и последовавшего за ним создания персонального компьютера в 1981 году изменилась структура информационного обмена в обществе, произошли огромные изменения в экономике, образовании и культуре. Компьютерная революция все больше приобретает ведущую роль в формировании будущей социальности и культуры.

Компьютеризированная информация как основа общества будущего помогает формировать новые суперсистемы, успешно конкурируя даже с такой традиционной для индустриального общества сферой, как производство товаров. Именно тогда знание высокотехнологическое может создавать новое знание, которое может быть применено в любой сфере человеческой деятельности. Производство знания, его хранение и скоростная передача на основе высоких информационных технологий становятся основным ресурсом человечества.

Феномен ускоренного расширения и быстрого обновления «компьютерного парка» получил название «информационной революции». Иногда встречается термин «компьютерная революция» или «Интернет-революция». Информационная революция – быстрое изменение в XX веке технологического базиса, способов передачи и хранения информации, а также скорости передачи и объема информации в обществе. Информационная революция создает технологическую платформу для реализации социальных, образовательных и культурных проектов во всех странах. Информационная эпоха основана на развитии нескольких ключевых ресурсов, благодаря которым осуществляются различные эффективные про-

⁹⁰ Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* / Daniel Bell. – NY.: Basic Books, 1976. - 616 p.

⁹¹ Toffler, A. *Future Shock* / Alvin Toffler. – NY.: Bantam; (First ed., 1971) 1984. - 576 p.

екты в экономике, промышленности, научной деятельности, образовании прежде всего. Такими стратегическими составляющими информационной эпохи являются: данные (*data*), информация (*information*), знание (*knowledge*) и информационные технологии (*information technology*). Алан Портер и Уолтер Рид в работе «Информационная революция: современное положение дел и будущие последствия» (1998) рассматривают технические, организационные и коммерческие импликации информационной революции⁹². Авторы опираются на концептуальный аппарат, связанный с комплексным анализом развития информационных технологий.

Однако следствия информационной революции выходят далеко за пределы сугубо технологических решений, считает Хиллстром⁹³.

Информационное общество характеризуется прежде всего развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий. В основе такого общества находятся информационные системы и сети. Главным стратегическим ресурсом является информация, но не в обыденном ее понимании (сведения о различных событиях), а как высокотехнологичный контент, исходные данные для производства новой информации для интенсификации производственного процесса. В свою очередь, информационные технологии являются сложной и многоуровневой системой для обеспечения работы телекоммуникаций. Информация и её производство являются важной характеристикой жизни и деятельности и развития информационного общества. Есть несколько форм представления информации: символическая, которая основана на использовании символов (букв, цифр, знаков, в том числе знаков пунктуации); текстовая (также использует символы, но расположенные в определенном порядке); графическая форма (является самой емкой и сложной), к которой относятся различные виды изображений.

В гуманитарных и социальных науках информация является продуктом социального происхождения. Это совокупность мыслительных практик, ноосферная деятельность, обусловленная наличием объективного знания. В экономике это сведения, данные и значения конкретных экономических показателей. А поэтому они становятся объектами информационной обработки, передачи и хранения. Также эти данные используются в

⁹² Porter, A., Read, W. H. *The Information Revolution: Current and Future Consequences* / Alan Porter, Walter H. Read. – Westport, Connecticut.: Praeger, 1998. – 308 p.

⁹³ Hillstrom, K. *The Internet Revolution (Defining Moments)* / Kevin Hillstrom. – Detroit, MI : Omnigraphics Inc., 2005. – 203 p.

процессе анализа и выработки экономических решений в процессе стратегического управления.

Кроме того, информация – это один из видов стратегических ресурсов, используемых в экономических процессах, получение которого требует затрат времени и привлечения других видов ресурсов. В связи с этим затраты следует включать в издержки производства. Всегда документирование экономической информации осуществляется в порядке, установленном соответствующими органами государственной власти. Существует информационное право, призванное охранять экономические и авторские интересы производителя информации. В целом информация может быть определена как совокупность коммуникационного материала, доступного кодированию на специальных языках.

Информационная сфера – область деятельности людей, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации. Сегодня можно уже говорить о планетарном масштабе информационной среды, которая обеспечивается существованием глобальной информационной инфраструктуры. Данная «сеть», «система» имеет важное стратегическое значение для реализации экономической и политической экспансии более развитых в технологическом отношении стран. Информационная сфера является одной из важнейших составляющих ноосферы. Взаимодействие Интернет и общества – это предмет междисциплинарных исследований, показывает Слэвин⁹⁴. Актуальна и справедлива такая метафора, как «Общество онлайн»⁹⁵.

Технологии развиваются ускоренным образом, «обгоняя» динамические тренды более консервативных социальных отношений. И поэтому дальнейшее комплексная эволюция социальной реальности во многом зависит от успешности и результативности проектов, связанных с интенсификацией информационной революции.

⁹⁴ Slevin, J. *The Internet and Society* / James Slevin. – Cambridge.: Polity; 2000. – 265 p.

⁹⁵ Howard, P. E. N. and Jones, S. (eds). *Society Online: The Internet in Context* / editors : Philip E. N. Howard and Steve Jones. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications, Inc, 2004. – 384 p.

Интернет и формирование социокультурной среды

В основе развития сети Интернет находится технологически фундированная информационная инфраструктура. Наличие развитой информационной системы становится необходимым условием самого существования современного государства. Некоторые исследователи считают, что наиболее очевидной и эффективной формой расширения ноосферы сегодня является Интернет⁹⁶.

Можно сказать по-другому. Интернет – это технологическая глобальная инфраструктура производства ноосферной реальности. Это несомненно одно из величайших технологических событий рубежа XX и XXI столетий. Некоторые историки Всемирной паутины начинают хронологию событий с середины девятнадцатого века⁹⁷. Возникновение Всемирной информационной паутины исследуют Кэти Хэфнер⁹⁸, Дженет Эббейт⁹⁹, Иэн Грэхем¹⁰⁰. Становление и эффекты Интернет, факторы, воздействующие фактически на все аспекты социальной жизни современности освещены в работах Окина¹⁰¹.

Очевидно, что современное общество развивается главным образом благодаря производству научных знаний и информационным технологиям. Такие процессы особенно заметны в сфере экономики. Информационные технологии способствуют продвижению и производству современного научного знания. Благодаря высоким информационным технологиям

⁹⁶ *Giovannetti, E., Kagami, M. and Tsuji, M. (eds). The Internet Revolution: A Global Perspective (Department of Applied Economics Occasional Papers) / editors : Emanuele Giovannetti, Mitsuhiro Kagami and Masatsugu Tsuji. – NY.: Cambridge University Press, 2003. – 292 p.*

⁹⁷ *Moschovitis, C. J. P., Poole, H., Schuyler, T., Senft, T. M. History of the Internet: A Chronology, 1843 to the Present / Christos J. P. Moschovitis, Hilary Poole, Tami Schuyler, Theresa M. Senft. – Santa Barbara, California.: ABC-CLIO, 1999. – 312 p.*

⁹⁸ *Hafner, K. Where Wizards Stay Up Late: The Origins Of The Internet / Katie Hafner. – NY.: Simon & Schuster, 1998. – 304 p.*

⁹⁹ *Abbate, J. Inventing the Internet (Inside Technology) / Janet Abbate. – Cambridge, MA.: The MIT Press, 2000. – 272 p.*

¹⁰⁰ *Graham, I. Internet Revolution (Science at the Edge) / Ian Graham. – Portsmouth, NH.: Heinemann Library, 2002. – 64 p.*

¹⁰¹ *Okin, J. R. The Information Revolution: The Not-for-dummies Guide to the History, Technology, And Use of the World Wide Web / J. R. Okin. – Winter Harbor ME.: Ironbound Press, 2005. – 352 p.*

(IT) отдельные научные области знания становятся весьма близкими посредством организации гипертекстовой среды, когда с помощью гиперссылок не только терминологически, но и тематически соединяются отдаленные массивы знания. О первоначальной идее и окончательном воплощении Всемирной паутины пишет Тим Бернерс-Ли, создатель проекта World Wide Web, основы современного Интернета¹⁰².

Информационная революция и в особенности расширение Internet глобальной информационной супермагистрали (*Matrix, World Wide Web, Infobahn* – ее синонимы) фундаментальным образом меняет характер, структуру, накопление и скорость обработки и передачи информации не только в области обмена знаниями, но и в ходе научения знаниям, т.е. в сфере образования¹⁰³.

Информационное пространство сегодня интенсивно развёртывается и интегрируется в основном благодаря ускоренному росту глобальных информационных систем, например, сети Интернет. Уже сегодня количество пользователей сети достигло двух миллиардов человек. Интернет представляет собой разветвлённую систему обеспечения информацией всех сегментов государства на основе взаимосвязанных баз данных, соединённых коммуникациями и обеспечивающих жизнедеятельность государства. Информационная инфраструктура включает в себя такие характеристики: наличие технического базиса, разветвлённости, доступность для различных пользователей, эффективность коммутируемых линий. От качества информационной инфраструктуры зависят внешнеполитические, финансово-экономические, социальные, образовательные, внутривнутриполитические, информационные сферы безопасности существования каждой страны. Интернет в качестве глобальной информационной сети – это информационная планетарная структура, которая возникла к середине 90-х годов XX века в постиндустриальных странах. Она представляет собой постоянно расширяющуюся глобальную информационную сеть, открытую для пользователей населения земного шара.

¹⁰² Berners-Lee, T. *Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web* / Tim Berners-Lee. – NY.: Harper Paperbacks; 2000. – 256 p.

¹⁰³ Thomas, D., Brown, J. S. *A New Culture of Learning: Cultivating the Imagination for a World of Constant Change* / Douglas Thomas, John Seely Brown. – Seattle, WA.: CreateSpace, 2011. – 140 p.

Система Интернет возникла благодаря соединению глобальных, региональных и локальных информационно-телекоммуникационных систем, а также систем цифрового телевидения и радиовещания, спутниковых систем и мобильной связи. Будучи всего лишь одной из коммуникационных технологий (наиболее удобных для широкого круга пользователей), Интернет является наиболее масштабной и быстрорастущей системой интерактивной связи. Как многофункциональная, высокотехнологичная система многосторонней связи и информации Интернет идентифицируется многими исследователями с одним из наиболее эффективных и перспективных орудий глобализации.

В истории техники беспрецедентен скачкообразный количественный рост и качественная трансформация сети Интернет. Этот крупнейший технологический проект информационной эпохи появился как инженерно-техническая идея в конце пятидесятых годов прошлого века, вскоре после запуска первого советского спутника*.

** Первые более или менее успешные испытания информационной сети в США прошли в 1969 году (лаборатория ARPANET). Позже в Женеве, в Европейском Центре Ядерных Исследований (CERN), 17 мая 1991 был запущен первый веб-сервер, созданный на основе гениальной идеи гипертекстовой среды, предложенной исследователем CERN Тимом Бернесом-Ли. В конце 1991 Интернет включал в себя уже 5 тысяч сетей, существовавших в 40 странах мира и обслуживал 700 000 компьютеров, которыми пользовались 4 миллиона человек. В 1994 к Интернету было подсоединено уже 3 200 000 компьютеров. В течение 1995 и 1996 годов количество компьютеров, подключённых к Интернету, удваивалось ежегодно. К концу 1997 число компьютеров, интегрированных в систему Всемирной Паутины, достигло 19 с половиной миллионов. По данным на июнь 2000 года их было уже 93 миллиона. Если учесть, что каждым компьютером, подключённым к Сети, пользовались в среднем пять человек, то можно предположить, что реально её различными услугами пользовались к концу 2000 более 400 миллионов человек. По различным данным, на конец 2002-го число пользователей во всём мире выросло до 600 млн. человек. В 2004 году Интернет охватывал более 800 миллионов пользователей во всех странах мира. Уже к началу 2006 года количество пользователей сети Интернет достигло одного миллиарда. А сегодня это 2 миллиарда пользователей. Интернет показывает пример экспоненциального роста высоких технологий.*

Глобализация и ускоренное внедрение Интернет в различные сферы современного общества особенно явно сказалось на экономике. На этой основе стали возможными новые виды экономической деятельности, в частно-

сти, специалистами уже несколько лет исследуется так называемая «виртуальная экономика». Виртуализация современного общества – решение экономических проблем с использованием высоких информационных технологий. Это обеспечивает переход к использованию модернизированной индустриальной и информационной инфраструктуры в развитии интеллектуально-ёмких сфер деятельности: науки, образования, здравоохранения, которые являются основными инновационными областями виртуальной экономики. Интернет – это не только глобальная информационная магистраль, но также инструмент глобализации финансов, международного менеджмента, маркетинга, экономического развития в целом, согласно Когуту¹⁰⁴.

В глобальной информационной сети уже давно функционируют виртуальные супермаркеты и виртуальные банки, оперирующие собственной виртуальной валютой. Виртуальная экономика не занимает определённого места в географическом пространстве. Она имеет тенденцию к освоению виртуального и физического пространства. Стратегия виртуальной экономики заключается в том, чтобы расширять экономическое пространство, используя все большее число коммуникативных инструментов и массмедийных ресурсов. Сегодня новые информационные и коммуникационные технологии делают возможным организацию рабочего места где угодно: дома, на отдыхе, в автомобиле и самолете. Сегмент цифровой экономики постоянно растёт, показывает Бруссо¹⁰⁵.

При этом система аутсорсинга – виртуальные товары, виртуальные производственные мощности, виртуальный труд, виртуальная организация, виртуальные деньги – ускоряют экономические трансакции. Поэтому получается, что компьютерные технологии становятся главным средством и информационной средой экономической деятельности. Виртуализация экономики вызывает к жизни коммерциализацию информационного пространства, где осуществляется обмен деловой информацией и полный экономический цикл. Вопрос о социально-политической роли медийных ресурсов и властных амбициях медиакорпораций в информационную эпоху становится ключевым в контексте глобального социально-политического

¹⁰⁴ Kogut, B. (ed.). *The Global Internet Economy* / editor : Bruce Kogut – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press; 2004. – 536 p.

¹⁰⁵ Brousseau, E. and Curien, N. (eds). *Internet and Digital Economics: Principles, Methods and Applications* / editors : Eric Brousseau and Nicolas Curien. – Cambridge.: Cambridge University Press; 2007. – 822 p.

менеджмента. Это тема междисциплинарных дебатов медиа-экспертов, историков, социологов, философов, экономистов и политологов презентована в работе Компэйна и Гомери - «Кто владеет медиа? Конкуренция и концентрация в масс-медийной индустрии»¹⁰⁶.

«Всемирная Паутина», как и все прочие составляющие постиндустриального мира, также находится в зависимости от сети маркетинговых стратегий, потому что сулит прибыль и даже сверхприбыль. Интернет всячески «раскручивается» в средствах массовых коммуникаций, о ней создаются литературные произведения, художественные фильмы («Хакеры», «Сеть», «Матрица» и др.). Менеджеры и гуру электронной эры неустанно фабрикуют назойливо хлёткие, задевающие самолюбие человека и формирующие у него комплекс «цифровой неполноценности» слоганы: «Если ты не представлен сайтом в Интернете, ты не существуешь». Огромную роль в управлении общественным мнением, политическими, экономическими и культурными предпочтениями играют глобальные сетевые игроки: *Microsoft, Apple, Google, Yahoo, Amazon, My Space, Facebook, Twitter*. История и развитие каждой из информационных мегакорпораций стали предметом научных исследований.

Прошло уже более десяти лет с того времени, как *Google* начал своё восхождение в качестве Интернет-поисковика. Сегодня *Google* является ключевым фактором глобального техно-капитализма (*techno-capitalism*). Этот мегапоисковик значительно повлиял на развитие современной мировой экономики, культуры, образования и индустрии развлечений. История успеха *Google* в условиях информационного общества поучительна, поскольку конкуренция компаний, производящих и распределяющих информацию, нарастает и затрагивает интересы каждого пользователя. Однако *Google*, как и другие современные высокотехнологические проекты, является продолжением научно-технической революции конца XX – начала XXI веков. По крайней мере Николас Карр показывает, что в основе «гуглизации» США, да и мира в целом, лежит реализованный в прошлом столетии план всеобщей электрификации, успешно развёрнутый в странах Европы и Северной Америки¹⁰⁷. Возникновение идеи эффективного поис-

¹⁰⁶ Compaine, B. M., Gomery, D. *Who Owns the Media? Competition and Concentration in the Mass Media Industry (Routledge Communication Series) / Benjamin M. Compaine, Douglas Gomery.* – NY.: Routledge; 2000. – 632 p.

¹⁰⁷ Carr, N. *The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google / Nicholas Carr.* – NY.: W. W. Norton & Company; 2009. – 304 p.

ка, организация и развитие стратегии «мирового информационного господства» *Google* – предмет исследования учёных и публицистов: Баттелла¹⁰⁸, Вайса¹⁰⁹, Строса¹¹⁰; Жирара¹¹¹; Эулетты¹¹² и Леви¹¹³.

Интернет-гиганты, такие как *Google*, могут быть помощниками в «информационной Вселенной», но также обладают концентрированными маркетинговыми ресурсами, что, безусловно, помогает им осуществлять социальный контроль и надзор за пользователями. Именно эти и другие аспекты эволюции цифровой эпохи рассматривает Шива Вадьянатан в своей работе «Гуглизация всего» (2011). Влияние информационных технологий на культуру и социальную сферу изучается уже несколько десятилетий, но автор сузил своё исследование и рассматривает неафишируемые приложения *Google*, которые выходят за рамки «просто информирования» пользователей. Он напоминает, что мегапоисковики – это прежде всего составляющие части многофункциональных бизнес-проектов. Поэтому *Google*, как одна из наиболее прибыльных высоко-технологичных компаний со своими маркетинговыми стратегиями, отнюдь не «Санта-Клаус» на просторах инфосферы¹¹⁴.

Мифы об успешных «гаражных» стартапах информационного технокapитализма часто бывают раздутыми за счёт профессиональных инструментов PR и саморекламы (*Microsoft, Apple, Amazon, Facebook*). Культурный архетип «американской мечты» продолжает эффективно эксплуатировать общественное сознание. Сеть рекламирует телевидение, а телевидение рекламирует в себе Сеть. Ведущие газеты, журналы, TV-каналы и радиопрограммы обладают собственными интернет-страницами. Много-

¹⁰⁸ Battelle, J. *The Search: How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture* / John Battelle. – NY.: Portfolio Trade, 2006. – 336 p.

¹⁰⁹ Vise, D. A. *The Google Story: For Google's 10th Birthday* / David A. Vise. – Buena Park, CA.: Delta; 2008. – 352 p.

¹¹⁰ Stross, R. *Planet Google: One Company's Audacious Plan To Organize Everything We Know* / Randall Stross. – New York.: Free Press, 2008. – 288 p.

¹¹¹ Girard, B. *The Google Way: How One Company Is Revolutionizing Management as We Know It* / Bernard Girard. – San Francisco, California.: No Starch Press; 2009. – 256 p.

¹¹² Auletta, K. *Googled: The End of the World As We Know It* / Ken Auletta. – NY.: Penguin (Non-Classics); 2010. – 432 p.

¹¹³ Levy, S. *In The Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* / Steven Levy. – New York.: Simon & Schuster, 2011. – 432 p.

¹¹⁴ Vaidhyathan, S. *The Googlization of Everything: (And Why We Should Worry)* / Siva Vaidhyathan. – Berkeley, CA.: University of California Press; 2011. – 280 p.

численные эпатажные *real-show* параллельно проходят по ТВ и Интернету. Информационная среда как медиареальность расширяется и тяготеет к коммуникативно-жанровому синкретизму. Такие тенденции вызывают опасения в среде культурологов, социологов, психологов. Первоначальный образ Сети как пространства для реализации абсолютной свободы уже не работает. Цензура и «поднадзорность» в Сети – это факт. Стоимость пребывания в Сети, контроль спецслужб за «гражданами киберпространства» спецслужбами под прикрытием антитеррористических операций превращают её из либертарианской утопии в виртуальный сегмент гражданского общества, основанного на принципах паноптизма, прозрачности и ответственности.

Сеть Интернет как стратегическая высокотехнологическая структура неравномерно распределена по странам и регионам, что порождает такой феномен, как «цифровой разрыв». Это следствие неравного экономического, политического и технологического развития стран. Здесь, конечно же, напрашивается ассоциация с давно существующим геополитическим и экономическим конфликтом между «богатым Севером» и «бедным Югом». Цифровой разрыв (*Digital divide*), информационное неравенство возникают из расслоения мирового сообщества по уровню доступа к информационным ресурсам, малого количества компьютерной техники, слабого развития информационной инфраструктуры. Концепт «цифрового разрыва», «цифрового неравенства» (*digital divide*) предполагает конструктивные дискуссии о роли высоких технологий в современном обществе, обсуждение проблемы социального неравенства и разных условиях доступа к информационным ресурсам, показывают Лэудер¹¹⁵, Норрис¹¹⁶, Компэйн¹¹⁷ и Варшауэр¹¹⁸. Величина цифрового разрыва обычно пропорциональна уровню доходов, степени образованности населения той или иной страны.

¹¹⁵ Loader, B. D. (ed.). *Cyberspace Divide: Equality, Agency and Policy in the Information Society* / editor : Brian D. Loader. – NY.: Routledge; 1998. – 288 p.

¹¹⁶ Norris, P. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide (Communication, Society and Politics)* / Pippa Norris. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2001. – 320 p.

¹¹⁷ Compaine, B. M. *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth? (MIT Press Sourcebooks)* / Benjamin M. Compaine. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 2001. – 340 p.

¹¹⁸ Warschauer, M. *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide* / Mark Warschauer. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press; 2004. – 274 p.

На формирование культурного пространства в пределах ноосферной реальности большое влияние оказывает высокотехнологичная информационная среда. Существуют объективные характеристики для определения качества информационной насыщенности информационной сферы. Это индикаторы развития информационного общества, то есть список показателей, характеризующих развитие информационного общества в информационно-инфраструктурном, экономическом и социальном измерениях. Устранению цифрового разрыва способствует государственная программа информатизации общества. Информатизация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на обеспечение оперативного доступа к информационным ресурсам.

Информатизация – организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания наилучших условий для удовлетворения информационных потребностей населения и органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов, что способствует реализации прав граждан. К тому же информатизация общества представляет собой глобальный, общеисторический процесс формирования и тотального использования информационных сетей и ресурсов. В 90-е годы благодаря интенсивному развитию сети Интернет формируется так называемое «сетевое общество», «виртуальное сообщество». Сетевое общество – это такое общество, в котором значительная часть коммуникативных актов, информационных взаимодействий производится без действия фактора дистанции и времени, в «виртуальной среде обитания» с помощью информационных сетей.

Благодаря информатизации общества происходит преобразование традиционного технологического способа производства и образа жизнедеятельности в новый технологически насыщенный способ производства на основе использования информационной техники. В то же время очевидна противоречивость развёртывания инфосферы. Вновь и вновь скептически настроенные авторы задают неудобные вопросы в отношении новой установки: «Интернет – это безусловное благо». Возрастает количество информационных потоков, растёт скорость доступа к разнообразным информационным ресурсам, расширяются коммуникативные возможности индивидуумов, поэтому эффективный поиск нужной информации необходим. Илай Перизер предупреждает о некоторых латентных опасностях,

связанных с работой в Интернет-пространстве, в частности, рассматривает роль и функции фильтров персонализации (*personalization filters, internet personalization*). Он показывает, что в адресном подборе ссылок присутствуют не только рационализированные методы выборки, но также работает механизм цензуры. Поисковики создают специфическую отсепарированную реальность (*reality bubbles*), презентуемую ссылками на определённые Веб-ресурсы. Хотя это далеко не все ресурсы по запросу пользователя. Управляющие программы для работы с библиотечными ресурсами (*librarians*) не только открывают запрашиваемые страницы информационного поля, но также фактически перекрывают доступ к другим, альтернативным базам данных. Хотя нужно отметить, что проблема фильтрации информационного контента комплексна, имеет технические, программные, экономические, политические, психологические, гендерные и правовые аспекты, а потому простых решений не имеет, отмечает Пэрризе¹¹⁹. Автор размышляет скорее не о реальных, но потенциальных опасностях технологий интернет-персонализации.

В рамках развитого информационного общества формируется информационная культура, что требует создания общеобразовательных программ, направленных на корректное получение и использование информации. Появляется такая дисциплина, как компьютерная этика. Информационная культура – это способность общества эффективно использовать информационные ресурсы и средства информационных коммуникаций. Кроме того, она позволяет рационально применять передовые достижения в области развития средств информатизации и информационных технологий. Происходит «технологический сдвиг» в области традиционной культуры, её производства и дистрибуции.

Интердисциплинарные исследования социально-политических, экономических и культурных контекстов функционирования трендов новых медиа и в особенности расширения дигитализированной культуры представлены в сборнике работ под редакцией Прамода Нааяра¹²⁰. Тематика определена полем киберкультурных исследований, какими они складывались в течение последних пятнадцати лет. Кроме содержательной стороны

¹¹⁹ Pariser, E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You* / Eli Pariser. – Publisher: Penguin Press HC, 2011. – 304 p.

¹²⁰ Nayar, P. K. (ed.). *The New Media and Cybercultures Anthology* / editor: Pramod K. Nayar. – Malden, MA.: Wiley-Blackwell; 2010. – 568 p.

киберкультуры рассматриваются возможные социальные и культурные импликации эволюции киберпространства. Учёные исходят из того, что сегодня уже некорректно говорить о киберкультуре в единственном числе, более адекватным будет употребление понятия «киберкультуры».

По мере развития инфраструктуры и совершенствования законодательства в информационном обществе реализуются такие стратегические инициативы, как дистанционное высшее образование доказывают Карр-Чиллмэн¹²¹ и Вирт¹²². Происходят успешные попытки создания электронного правительства, как показывает Моссбергер¹²³. Проекты и теоретические разработки должны подкрепляться практическими инициативами (*e-government initiatives*), считают Павличев и Гарсон¹²⁴.

В области политической деятельности и управления социально-экономическими процессами информационные технологии создали условия для эффективной обратной связи между обществом и государством. Уже во многих странах существуют формы так называемой «электронной демократии», «электронного правительства» и «электронных муниципалитетов». В цифровую эпоху возникают новые формы институционализации, возникают предпосылки формирования «виртуального государства», показывает Джейн Фонтин¹²⁵.

В отдельных странах даже проводятся выборы с помощью электронной почты, то есть голосование на выборах без физического присутствия электората на выборных участках. Электронное правительство – это система госу-

¹²¹ Carr-Chellman, A. A. (ed.). *Global Perspectives on E-Learning: Rhetoric and Reality* / editor : Alison A. Carr-Chellman. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc; 2004. – 288 p.

¹²² Weert, T. J. van (ed.) *Education and the Knowledge Society: Information Technology Supporting Human Development (IFIP Advances in Information and Communication Technology)* / editor : Tom J. van Weert. – NY.: Springer; 2004. – 306 p.

¹²³ Mossberger, K., Tolbert, C. J., Stansbury, M. *Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide (American Governance and Public Policy)* / Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert, Mary Stansbury. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2003. – 160 p.

¹²⁴ Pavlichev, A. and Garson, G. D. (eds). *Digital Government: Principles and Best Practices* / editors : Alexei Pavlichev and G. David Garson. – Hershey, PA.: IGI Global, 2003. – 394 p.

¹²⁵ Fountain, J. E. *Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change* / Jane E. Fountain. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001. – 256 p.

дарственного управления на основе всеобщей компьютеризации и функционирования электронных средств обработки, передачи и распространения информации, при наличии обратной связи «государство – гражданин».

Побочные негативные результаты информатизации также имеют место. Всем давно известно слово «хакер». Масштабы хакерства велики. Оно наносит ущерб как материального, так и морального характера. Юристы специализируются в области информационной преступности, имеющей международный характер, поскольку преступления часто совершаются посредством использования глобальной информационной сети Интернет. Информационная преступность – это совокупность противоправных действий, производимых в информационной сфере, при этом происходит нарушение установленных законом прав личности, организации или государства, включая моральный или материальный ущерб. Фактически во всех странах принято и действует информационное законодательство – совокупность законов, нормативных актов и других форм правового регулирования в сфере функционирования и производства информации, а также легитимного применения информационных технологий.

Если говорить о глобальных издержках существования информационного общества, то необходимо упомянуть о ведении так называемых «информационных войн» (или «кибервойн»). Информационная война – это запланированная совокупность целенаправленных действий, предпринятых для достижения ряда стратегических задач, в том числе, информационного превосходства путем нанесения ущерба информации, информационным процессам и информационным системам противника при одновременной защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем. Также сюда входят действия по введению в информационное пространство заведомо ложных сведений, то есть дезинформации, для введения в заблуждение граждан, а также дискредитации политиков, партий, движений, крупномасштабных проектов.

В информационном обществе государству все труднее контролировать индивидуумов, их сознание и поведение. Интернет, телекоммуникации и мобильная связь, базирующиеся на спутниковых каналах и сетях, сделали невозможным сокрытие стратегической информации о значимых социальных, экономических и политических событиях, влияющих на выборный процесс. Казус Викиликс обнаруживает «слабые места» информационной свободы, цензуры и юридической защиты граждан. Это позволя-

ет говорить о большей степени ответственности как политиков, так и отдельных индивидуумов. Благодаря насыщенности информационными каналами связей в постиндустриальном обществе можно говорить о том, что степень «прозрачности власти» постоянно возрастает. И тогда авторитарным режимам становится всё сложнее контролировать граждан. Гражданское общество и глобальное гражданское общество используют информационные ресурсы для осуществления своих инициатив. Одним из недавних и эффективных инструментов для гражданских активистов оказались социальные сети. Реализация политических проектов формирования гражданских институтов на основе продвинутых информационных технологий получила название «Твиттерных революций», «Фейсбук-революций» и «викиликс-революций».

Парадигма сетевого общества в глобализирующемся мире

Ключевая особенность глобального гражданского общества заключается в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. Расхожее понятие «сетевое общество» (*Network Society*) применяется к различным явлениям, происходящим в эпоху информационной революции. Сетевая организация оказывает влияние на экономические, политические, социальные и культурные изменения в современном мире. Цифровые информационные потоки и коммуникативные технологии необходимы для эффективной работы узлов и частей сетевого общества.

Понятие «сетевое общество» становится всё более востребованным по мере ускорения информационной революции. Это связано с перманентной модернизацией экономики и усложнением социальной структуры постиндустриального общества. С появлением радио и телевидения возникли необходимые инфраструктурные и организационные предпосылки для формирования всеохватывающих информационных сетей. Создание и экспоненциальный рост Интернета, его интеграция с радиосетями и телевидением, экономические эффекты сетевой деятельности спровоцировали научные и философские споры о значимости сетей для современного общества. В 90-х годах двадцатого века появляются и первые концептуальные интерпретации « сетевого общества ».

Впервые понятие «сетевое общество» появилось в названии работы голландского исследователя Яна ван Дайка. Опубликованная в 1991 году книга «*De Netwerkmaatschappij*» (буквально – «Сетевое общество»), была переведена на английский и другие языки. Её автор характеризует сетевое общество как такой социум, где интеграция медиа- и социосетей формирует новый способ организации жизни и деятельности в постиндустриальных странах. Учёный впервые показывает существенные отличия непосредственных «физических», коммуникативных актов от информационной коммуникации, когда индивидов разделяет огромное расстояние. Таким образом, ван Дайк зафиксировал факт «удвоения» социального пространства, выделяя медиапространство и пространство непосредственной персональной «материальной» коммуникации¹²⁶.

В дальнейшем голландский исследователь продолжает развивать тему сетевого общества, рассматривает проблему «цифрового неравенства», изучая причины и особенности неравноправного доступа индивидуумов к информационным ресурсам, теоретические и практические аспекты осуществления «цифровой демократии»¹²⁷. Позднее он констатирует продолжающееся углубление цифрового неравенства¹²⁸. Для обоснования своей точки зрения ван Дайк дополнительно изучает влияние социальных аспектов на развитие сетевого общества¹²⁹.

Наиболее известной и влиятельной работой по теме сетевого общества явилась книга испанского экономиста и социального теоретика Мануэля Кастельса «Сетевое общество» (1996), ставшая первым томом его трилогии «Информационная эпоха». Дальнейшая интернетизация и глобализация информационных потоков, их заметное влияние на экономику, образование и культуру показали важность и необходимость развития этого направления исследований. Автор полагает, что становление и трансформация глобального гражданского общества немислимы без развития сете-

¹²⁶ Dijk, J. A. G. M. van. *The Network Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 1999. – 272 p.

¹²⁷ Kenneth L. H., Dijk, J. A. G. M. van. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice* / editors : Kenneth L. Hacker, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2000. – 240 p.

¹²⁸ Dijk, J. A. G. M. van. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 248 p.)

¹²⁹ Dijk, J. A. G. M. van. *The Network Society: Social Aspects of New Media* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 304 p.

вых ресурсов в техническом, организационном и правовом поле. На сегодняшний день очевидно, что «сетевое общество» стало фундаментом современной экономики, политики и культуры. Несмотря на тематическое разнообразие исследования М. Кастельса, акцент в нём делается на экономических приложениях сетевой коммуникации.

Другая книга испанского автора – «Восхождение сетевого общества» – неоднократно перепечатывалась в разных редакторских версиях, причём только в английском переводе с 1996 по 2010 годы она была переиздана более десяти раз¹³⁰.

Как ведущий экономист и социальный теоретик информационного общества Мануэль Кастельс продолжает исследовать систему сложнейших взаимодействий между информационными технологиями, экономической деятельностью, культурной и социальной жизнью современного постиндустриального мира. В сферу интересов учёного входят такие темы как перспективы новой информационной экономики, новые социальные движения, виртуальные сообщества и киберкультура. Он также постоянно обращается к проблеме «цифрового неравенства» (*digital divide*) в глобализирующемся мире¹³¹.

По мнению Кастельса, сетевая коммуникативная структура отражает тип мышления и способ жизни индивидуумов, находящихся в условиях развитого информационного общества. Интернет становится такой сферой, где всё чаще успешно работают экономические, культурные и политические формы деятельности. Автор полагает, что проводимая в сети Интернет политика должна защищать принципы приватности и индивидуальной свободы пользователей.

Актуальность сетей как целостного, взаимосвязанного и тотального феномена постепенно становится объектом и философского анализа. При помощи натурфилософского подхода, Альберт-Ласло Барабаши постарался использовать математические, химические, нейрофизиологические, социальные и экономические знания для создания синтетической теории всеоб-

¹³⁰ Castells, M. *The Information Age : Economy, Society and Culture (The Rise of the Network Society ; Vol. 1.) / Manuel Castells.* – Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2000. – 594 p.

¹³¹ Castells, M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society (Clarendon Lectures in Management Studies) / Manuel Castells.* – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 304 p.

щей связности, что позволяет увидеть в его работе «Связанное: как всё связано со всем другим, и что это означает» философскую теорию сетей¹³².

Организационная деятельность функционирования социальных сетей – это, пожалуй, ключевая часть всей работы по оптимизации коммуникации между индивидуумами и группами. Здесь необходимо выделить такие факторы развития сетей как окружающая среда и планирование. Социальная сеть только тогда будет отвечать потребностям пользователей, когда качество коммуникации станет лучшим. В работе «Социальная сеть и организационное устройство» Мартин Килдафф и Вэн Пин Цай интегрируют ключевые исследования по строительству социальных сетей и показывают максимальное использование их потенциала¹³³.

В коллективной работе «Сетевое общество: кросс-культурные перспективы» под общей редакцией Мануэля Кастельса¹³⁴ международная группа экспертов излагает результаты исследований сетевого общества (его характера, принципов, моделей и динамики развития) в специфических культурных контекстах и различных странах мира (США, Канады, Великобритании, России, Финляндии, Испании, Индии, Китая).

В книге анализируются институциональные особенности, технологические и культурные трансформации локальных сегментов глобального сетевого общества. Авторы монографии исходят из того обстоятельства, что сети во многом определяют современную деловую активность, политическую и коммунитарную деятельность, социальную коммуникацию и повседневные практики. По существу, сетевое общество представляет собой новейшую форму интегрированной социальной организации и является закономерным переходом от структур индустриального общества к постиндустриальному (по терминологии Кастельса – вступлением в «информационную эпоху»). Очевидно, что ускоренные технологические трансформации непосредственно воздействуют на формирование социальной культуры и наоборот. Тематический анализ в рассматриваемом исследовании охватывает промышленное производство, движение глобальных фи-

¹³² Barabasi, A.-L. *Linked : How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means* / Albert-Laszlo Barabasi. – NY. : Plume, 2003. – 304 p.

¹³³ Kilduff, M., Wenpin Tsai. *Social Networks and Organizations* / Martin Kilduff, Wenpin Tsai. – London : Sage, 2003. – 172 p.

¹³⁴ Castells, M. (ed.). *The Network Society : A Cross-Cultural Perspective* / editor : Manuel Castells. – Northampton, Massachusetts. : Edward Elgar Publishing, 2004. – 464 p.

нансовых потоков, производство культурной идентичности, систему дистанционного образования через Интернет, здравоохранение, политические процессы. В итоге составители монографии заключают, что сетевым обществом, способном адаптироваться к многоуровневой среде обитания человека в социуме, принимаются специфические формы в зависимости от местных культурных и институциональных условий.

По сложившейся традиции, выделяются технологическое, экономическое, социальное, политическое и культурное измерения сетевого общества. Экспертное исследование «Информационные и коммуникативные технологии в организациях: освоение, реализация, использование и эффекты» (2005)¹³⁵ посвящено изучению прикладных и организационных аспектов функционирования информационных и коммуникативных технологий в современном обществе. В книге обозначены и рассмотрены технологические, организационные, психологические, социальные и экономические перспективы развития сетевого общества.

Сетевая организация и сетевые практики становятся определяющими в различных сегментах современного общества. Марк Ньюман в работе «Сети: Введение»¹³⁶ рассматривает такие аспекты функционирования сетей как компьютерные, социальные, биологические и другие сети.

Автор пишет о том, как доступность компьютеров и Интернет создали пользователю возможность репрезентировать себя в киберпространстве. Это создаёт предпосылки для массового движения в социальных сетях к объединению по интересам. И здесь, по мнению учёного, нужно разделять потребности общения, необходимую производственную или образовательную коммуникацию и политическую сферу. Разнообразие сетевой организации и специфика инструментов сетевой коммуникации, по Ньюману, определяют целесообразность и динамику развития сетевого общества. Исследователь считает, что изучение сетей требует междисциплинарного подхода и работы в нескольких полях, включая физику, математику, компьютерные науки, информатику, биологию и социальные науки. Проблемы измеримости сетей и описание их структуры должны быть решены прежде, чем будет

¹³⁵ Bouwman, H. *Information and Communication Technology in Organizations : Adoption, Implementation, Use and Effects* / Harry Bouwman, Bart van den Hooff, Lidwien van de Wijngaert, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 240 p.

¹³⁶ Newman, M. *Networks : An Introduction* / Mark Newman. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 720 p.

предпринят системный анализ сетевой деятельности. М. Ньюман также показывает разнообразие методов исследования сетевой организации и сетевой активности. Среди таковых автором называются теории динамических процессов в сетях (*theories of dynamical processes taking place on networks*), физические измерения, компьютерные алгоритмы, математическое моделирование сетей, статистические методы, социологические методы, основы теории графов, модели, основанные на случайных графах (*random graph models*), обобщённое моделирование (*generative models*).

Сети тотальны, они покрывают/структурируют нашу социальную жизнь, экономическую деятельность, науку, образование, медицину. Коммуникативная составляющая выступает на передний план функционирования сетевой активности. Дэвид Изли и Джон Клейнберг в работе «Сети, толпы и рынки» (2010) показывают, как компьютерные науки позволяют изучить инфраструктурные и собственно информационные аспекты работы сетей¹³⁷. В книге говорится, что информационные сети имеют массу приложений в повседневной коммуникации, бизнесе, политике и социальных практиках.

Комплексная связность современного общества обусловлена насыщенностью и структурной организованностью сетей. С помощью теории вероятностей, теории игр, теории графов, микроэкономических исследований и методов социальных наук Изли и Клейнберг рисуют широкую панораму поля развёртывания социальных сетей как феномена информационного общества. Особое внимание авторов привлекает пересечение экономических, социальных и коммуникативных практик, осуществляющихся в сетевом обществе. Главный вопрос исследования – о том, как работают сети – освещается ими достаточно полно. Эмпирические данные и математические модели, используемые в книге, дополняют и усиливают друг друга. Скорость передачи данных, доступность информации и проверка истинности данных (верификация), по мнению исследователей, являются необходимыми качествами дальнейшего прогресса сетевого общества. Авторы считают достигнутой поставленную перед собой цель показать, как работают сети в условиях сверхсложного, многомерного мира. Также следует признать, что предпринятый ими технический анализ работы сетей открывает перспективу для более глубокого понимания онтологии сетевой реальности.

¹³⁷ Easley, D., Kleinberg, J.. *Networks, Crowds, and Markets : Reasoning About a Highly Connected World* / David Easley, Jon Kleinberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 744 p.

Несмотря на многомерность и полифункциональность сетей, Мэтью Джексон («Социальные и экономические сети», 2010) выделяет социальную, организационную и экономическую составляющие как базовые взаимодополняющие друг друга характеристики сетевой парадигмы. Для понимания этих аспектов автор использует социологический анализ, методы прикладной математики, стратегическое моделирование и теорию игр¹³⁸.

В общей сложности, именно экономический аспект сетевой деятельности во многом определяет благосостояние общества и граждан в условиях глобализации. А сетевое системное мышление определяет дальнейшее развитие постиндустриального мира, реконфигурируя его базовые характеристики. Санджив Гойял показывает, как работают организационные, инновационные, рыночные механизмы в сетевом обществе¹³⁹. По мнению автора, сетевые социальные и экономические интеракции радикально изменяют жизнь в целом.

Тема сетевого общества открыта и многогранна. В своём очередном исследовании «Мощь коммуникации»¹⁴⁰ Мануэль Кастельс анализирует различные аспекты использования коммуникативных глобальных сетей. Исследователь показывает, как конститутивные принципы организации разнообразных сетей во многом определяют экономическую, политическую, социальную, культурную и индивидуальную деятельность.

Дерин Барни обобщает различные теории сетевого общества. В его работе выделяются технологические, социальные, экономические, политические и культурные аспекты развития сетевых глобальных институций и практик. Также выстраивается модель взаимоотношений между технологиями и обществом, рассматриваются проблемы цифровой демократии (*digital democracy*), возможности для реализации инициатив новых социальных движений (*new social movements*), трансформаций культуры, общества и появление специфических идентичностей¹⁴¹.

¹³⁸ Jackson, M. O. *Social and Economic Networks* / Matthew O. Jackson. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2010. – 520 p.

¹³⁹ Goyal, S. *Connections : An Introduction to the Economics of Networks* / Sanjeev Goyal. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2009. – 304 p.

¹⁴⁰ Castells, M. *Communication Power* / Manuel Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 608 p.

¹⁴¹ Barney, D. *The Network Society (PKC - Polity Key Concepts series)* / Darin Barney. – Oxford : Polity, 2004. – 216 p.

Никлас Кристакис и Джеймс Фаулер на основе анализа работы социальных сетей доказывают, что сетевая деятельность весьма продуктивна, поскольку сеть как единое целое позволяет интегрировать усилия участников, что значительно превосходит суммативный эффект обычной коммуникации. Авторы доказывают, что социальные сети имеют ряд преимуществ по сравнению с обычной, оффлайновой коммуникацией. Новые позитивные качества, по их выводам, включают: совместную адаптацию, непосредственное влияние коллег, опосредованно воздействие их друзей, специфическую сетевую атмосферу сотрудничества, повышенную вирулентность идей и практик в сети, ускоренную комбинаторику коммуникативных паттернов¹⁴².

Любая социальная система рано или поздно становится объектом надзора, контроля и манипуляции. Современное сетевое общество, разумеется, не исключение. Работы на тему «социального паноптикума» со времён публикации исследования Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» всё чаще обнаруживают именно тонкие высокотехнологичные контролирующие инструменты власть имущих. «Контролируемый доступ: формирование власти, прав и норм в киберпространстве» (2010) – это коллективное исследование о новой ситуации в современном информационном обществе и о новом поколении Интернет-пользователей. Здесь рассматриваются сложные проблемы легитимного установления границ, форм контроля, функционирующих режимов цензуры и наблюдения за пользователями в наличном нормативном поле информационного пространства¹⁴³.

Сетевое общество эволюционирует от локальных сетей к «сетевым городам» и далее, вплоть до глобального уровня. Джеймс Хайтцман в своей работе «Сетевой город: планирование информационного общества в Бангалоре» анализирует возможности создаваемой информационной инфраструктуры в южной «столице» так называемой «Индийской Силиконовой долины». Он отмечает, что возводимый «сетевой город» может стать образцовой моделью развития научно-технических мегаполисов и исследователь-

¹⁴² Christakis, N. A., Fowler, J. H. *Connected : The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives – How Your Friends' Friends' Friends Affect Everything You Feel, Think, and Do* / Nicholas A. Christakis, James H. Fowler. – Publisher : Back Bay Books, 2011. – 368 p.

¹⁴³ Deibert, R. J., Palfrey, J. G., Rohozinski, R., Zittrain, J. *Access Controlled : The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace* / editors : Ronald J. Deibert, John G. Palfrey, Rafal Rohozinski, Jonathan Zittrain. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2010. – 656 p.

ских университетских центров в глобализированном двадцать первом веке. При этом автор пишет, что современная урбанизированная экономика, компьютерная индустрия, телекоммуникационные технологии и организация социальной жизни в таких городах должны быть тесно взаимосвязаны¹⁴⁴.

В исследовании сетевых характеристик мировых мегаполисов Питер Тейлор уделяет особое внимание конституированию комплексных пространств в ходе глобальной урбанизации. Он заключает, что деятельность транснациональных корпораций привела к массовому производству «глобального». В центре этих унифицирующих тенденций находятся крупные города, а их конкурентоспособность и потенциал развития зависит в первую очередь от высокой насыщенности сетями (прежде всего, информационными). Тейлор подвергает дескриптивному анализу деятельность ста глобальных корпораций, осуществляющих сервисные услуги, и 315 городов, находящихся на пересечении глобальных коммуникаций. Он показывает, что городские сети являются своего рода «скелетом» для эффективного продолжения современной глобализации. Уникальное компаративное исследование П. Д. Тэйлора опирается на обширные материалы урбанистических исследований (*urban studies*), географической науки (*geography*), социологии (*sociology*) и теории планирования (*planning*). В главе «От прошлого к настоящему: метагеографический аргумент»¹⁴⁵ автор использует понятие «метагеографии» (*metageography*), чтобы более точно описать глобальные транзитные экономические потоки, непосредственно связанные с функционированием планетарного сетевого общества и передовой ролью мегаполисов.

Процесс глобализации трактуется им как «метагеографический транзит»¹⁴⁶. В результате исследователь приходит к убедительному выводу о том, что, расширяясь и охватывая различные сферы: экономику, коммуникацию, международную политику, культуру, науку и образование, – сетевая парадигма создаёт инфраструктурную платформу глобализации и существенно влияет на формирование глобального гражданского общества, в том числе, через эффективную работу социальных сетей.

¹⁴⁴ Heitzman, J. *Network City : Planning the Information Society in Bangalore* / James Heitzman. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 372 p.

¹⁴⁵ Taylor, P. J. *World City Network : A Global Urban Analysis* / Peter J. Taylor. – London ; NY. : Routledge, 2003. – 256 p.

¹⁴⁶ Там же.

Феномен социальных сетей: их влияние на экономику и общественно-политические процессы в глобализирующемся мире

Ключевая специфическая особенность глобального гражданского общества состоит в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. Тему «сетевое общество» как фундамента современной экономики, политики и культуры всесторонне исследовал испанский экономист Мануэль Кастельс. В его работах сделан акцент на экономических приложениях сетевой коммуникации. Книга «Восхождение сетевого общества» переиздавалась в разных редакторских версиях более десяти раз (только на английском языке с 1996 по 2010)¹⁴⁷.

В своих исследованиях учёные обращаются к различным аспектам функционирования сетевого общества. При этом на первый план выдвигаются не только технологические, но также и социальные факторы. Определяются и применяются соответствующие методы, от математического моделирования до системного подхода. Сетевое общество и его практики во многом определяют ход демократических процессов, культурные трансформации, самоопределение личности в стремительно меняющемся высокотехнологичном мире¹⁴⁸. Эволюция сетевого общества самым непосредственным образом влияет на формирование глобального гражданского общества через эффективную работу социальных сетей.

Многопрофильное коллективное исследование «Формирование сетевого общества: новая роль гражданского общества в киберпространстве» (2004) под редакцией Дугласа Шулера и Питера Дея – пожалуй, первая значительная попытка описать природу сетевых тактик и понять механизмы влияния сетей на формирование гражданского общества в глобализирующемся мире. Авторы разделов книги на основе документальных данных анализируют феномен появления в киберпространстве социальных сетей (*civil society in cyberspace*). Экспертные исследования в основном

¹⁴⁷ Castells, M. *The Rise of the Network Society (The Information Age: Economy, Society and Culture, Volume 1)* / Manuel Castells. – Malden, MA. : Wiley-Blackwell; 2000. – 594 p.

¹⁴⁸ Barney, D. *The Network Society (PKC – Polity Key Concepts series)* / Darin Barney. – Oxford: Polity, 2004. – 216 p.

сосредоточены на теме новых форм демократии и их обеспечения сетевыми технологиями в информационную эпоху¹⁴⁹.

Сегодня социальные сети – это глобальные медиа-инструменты для осуществления маркетинговых и социальных практик (гражданский активизм) в планетарном масштабе. Беспрецедентный количественный и территориальный экспоненциальный рост сетей позволяет считать их стратегическим информационным и операциональным ресурсом расширения и консолидации глобального гражданского общества. Первоначально социальные медиа трансформировали способы коммуникации, затем они стали радикально изменять способы ведения бизнеса. Собственно говоря, именно с коммерцией и агрессивным «точечным» маркетингом связана отработка наиболее эффективных сетевых стратегий. Само выражение «Твиттерная революция» (как впрочем и «*blogging revolution*», «*Facebook Revolution*») появилось в качестве констатации новейшей коммуникативной революции. Скорость, адресность, вездесущность и оперативность получения / переадресации значимой информации «пришлились ко двору» всем тем, кто большую часть своего времени проводил в Интернете и постоянно пользовался мобильным телефоном (подключённым к Интернету). Манифестом микроблоговой революции стала книга Деборы Мичек и Уоррена Уитлока «Твиттерная революция: Как социальные медиа и мобильный маркетинг меняют наш способ ведения бизнеса и онлайн-рынок»¹⁵⁰.

Информационное общество постоянно создаёт новые стартовые условия для деятельности граждан и организаций. Быстрота перемещения огромных массивов адресной информации и широкий диапазон её распределения (рассылки) позволяет в короткие сроки мобилизовать потребителя или социального активиста для индивидуальных или коллективных действий. Социальные сети интегрированы на основе Интернета, дополняются возможностями мобильной телефонной связи, благодаря чему группы граждан ассоциированных по интересам в виртуальной информационной среде реализуют свои коммуникативные потребности. Информационные, технологические и организационные ресурсы «Фейсбук» (*Facebook*), «Твиттер» (*Twitter*), «Майспейс» (*Myspace*), «В Контакте» глобальны, мно-

¹⁴⁹ Schuler, D. and Day, P. (eds). *Shaping the Network Society: The New Role of Civil Society in Cyberspace* / editors : Douglas Schuler and Peter Day. – : The MIT Press, 2004. – 443 p.

¹⁵⁰ Micek, D., Whitlock W. *Twitter Revolution: How Social Media and Mobile Marketing Is Changing the Way We Do Business & Market Online* / Deborah Micek, Warren Whitlock. – Xeno Press, 2008. – 257 p.

говекторны и являются многоуровневыми инструментами воздействия и контроля отдельных пользователей, группы граждан и «виртуальных сообществ». Начальный этап развития и очевидная эффективность социальных сетей проявились прежде всего в рекламной и организационно-маркетинговой сфере. В последние годы социальные сети также стали мощным социально-политическим ресурсом. Экономическое направление развития Интернета и социальных сетей очевидно. Книга Клары Ших «Эра Фейсбук: успешное продвижение продуктов в онлайн-сетях»¹⁵¹ позволяет понять специфику работы в интернетизированных социальных сетях и гарантирует выигрыш «бонусов» для тех индивидуумов, которые рискнули своими материальными и социальными инвестициями в этот непредсказуемый эмерджентный сектор «экономики будущего».

Для адекватного понимания базисных принципов социальных приложений мобильных технологий и поведенческих корреляций пользователей мобильной связи необходимо знать, как работают способы репрезентации данных и какова эффективность прикладной коммуникации. Эти параметры необходимо изучать в долговременной перспективе, учитывая многоуровневый характер измерений.

Социальные сети могут быть инструментом любых практик, направленных на достижение быстрого и эффективного результата через групповую («клубную») коммуникацию. Первоначально авторы книг о социальных сетях изучали в основном их маркетинговые возможности. О практически бесконечных бизнес-возможностях социальных сетей для индивидуумов и организаций пишет Дэн Заррелла¹⁵².

Целая серия издательства «Сибекс» (Sybex) посвящена исследованию целевых аудиторий, построению идеальной маркетинговой платформы сетевого бизнеса, стратегиям маркетингового внедрения в экономическое Интернет-пространство. Социальные сети и социальные медиа уже прочно стали активной частью маркетинговых планов большинства малых, средних и крупных компаний. Детально изучаются маркетинговые возможности наиболее многочисленных социальных сетей: *MySpace*, *YouTube*, *Facebook*, *LinkedIn*, *Seesmic*, *Eventful*, *FriendFeed*, *Twitter* и других. Иссле-

¹⁵¹ Shih, C. *The Facebook era: tapping online social networks to build better products, reach new audiences, and sell more stuff* / Clara Shih. – Prentice Hall, 2009. – 236 p.

¹⁵² Zarrella, D. *The Social Media Marketing Book* / Dan Zarrella. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media; 2009. – 240 p.

дование рынков сбыта, насыщенность конкурентной среды, агрессивный брендинг, реклама, «ненавязчивый сервис», измерительные методы в сетях и многое другое скрупулёзно рассматривается Дейвом Эвансом в книге «Социальный медиа-маркетинг» (2008)¹⁵³.

Нужно отметить также книгу Криса Тридвэя и Мэри Смит об эффективных маркетинговых стратегиях в социальных сетях «*Facebook Marketing*» (2010)¹⁵⁴.

Грег Джарбо в работе «*YouTube and Video Marketing*» (2009) развивает экономические идеи продвижения товаров, услуг, развлечений и знаний посредством имплементации и трекинга видео-маркетинговых стратегий¹⁵⁵.

Холис Томасис на основе демографических и социологических исследований анализирует широкие возможности использования микроблогового сервиса «Твиттер» для брендинга, рекламы, PR- компаний, предпринимательской деятельности, для профессионалов и обычных пользователей. Уже в 2006 году пользователями Твиттера были небольшие и средние фирмы, такие транснациональные корпорации, как *Apple*, *JetBlue*, *GM* и *CNN*, не говоря о более чем 32 миллионах индивидуальных пользователей в 2010 году¹⁵⁶.

Необходимо отметить и другие экономически ориентированные книги, рассчитанные в основном на бизнесменов и студентов экономических специальностей университетов, решивших посредством глобализированных социальных сетей использовать онлайн-маркетинг для освоения Интернет-Клондайка. Предпочтительными являются *Twitter*, по мнению Комма и Робинса¹⁵⁷ и *YouTube* считают Шепп¹⁵⁸ и Миллер¹⁵⁹.

¹⁵³ Evans, D. *Social Media Marketing: An Hour a Day / Dave Evans*. – Indianapolis, Indiana.: Sybex; 2008. – 409 p.

¹⁵⁴ Treadaway, C., Smith, M. *Facebook Marketing: An Hour a Day / Chris Treadaway, Mari Smith*. – Indianapolis, Indiana.: Sybex; 2010. – 312 p.

¹⁵⁵ Jarboe, G. *YouTube and Video Marketing: An Hour a Day / Greg Jarboe*. – Indianapolis, Indiana.: Sybex, 2009. – 504 p.

¹⁵⁶ Thomases, H. *Twitter Marketing: An Hour a Day / Hollis Thomases*. – Indianapolis, Indiana.: Sybex, 2010. – 504 p.

¹⁵⁷ Comm, J. Robbins, A. *Twitter Power 2.0: How to Dominate Your Market One Tweet at a Time / Joel Comm, Anthony Robbins*. – Indianapolis, Indiana.: Wiley; 2010. – 268 p.

¹⁵⁸ Schepp, B., Schepp, D. *How to Make Money with YouTube: Earn Cash, Market Yourself, Reach Your Customers, and Grow Your Business on the World's Most Popular Video-Sharing Site / Brad Schepp, Debra Schepp*. – NY.: McGraw-Hill; 2009. – 240 p.

¹⁵⁹ Miller, M. *YouTube for Business: Online Video Marketing for Any Business / Michael Miller*. – Canada.: Que; 2011. – 368 p.

Когда речь идёт не о продовольствии, одежде и мобильных телефонах, а о «политическом продукте» для внутреннего или внешнего пользования, то нужно заметить, что маркетинговые технологии, отработанные в социальных сетях, могут с «модернизацией» использоваться для политической мобилизации индивидуумов. Для понимания спектра возможностей и продуктивного использования маркетингового движения необходима оценка мотиваций потребителей.

Более чем один с половиной миллионов пользователей, работающих ежеминутно на *Facebook*, ничего не говорят социологу. Вполне возможно, что это миллионы «зомбированных» пользователей. Но может, эти цифры говорят и о другом (о том, что это миллионы социально активных ответственных граждан). Качество и релевантность информации - вопрос времени и социальной ответственности. Главное здесь то, что резонансность и адекватность информации становится международной нормой, которую нельзя «обойти», «игнорировать», которой нельзя пренебречь. Бизнес и информация переплетаются с социальной и политической информационной «тканью». Затем всё это информационное многообразие пропускается через социальные сети, использование технологий вирулентного распространения информации. Так возникает автономная самодостаточная онлайн-овая сегментированная инфосфера, которая превращается в глобальный симулякр «кластерной конфиденциальной эксклюзивной информации». Возможна ли информационная автономия в эпоху глобальных трансформаций? Это ключевой вопрос развития глобального гражданского общества.

Глобальная мобилизация и её социальные импликации

Мобильная телефонная связь прочно вошла в бытовую и деловую коммуникацию большинства населения нашей планеты. Мобильных телефонов уже гораздо больше, чем стационарных аппаратов телефонной связи. Сегодня мобильная связь и мобильные технологии во многом определяют направленность и эффективность коммуникации в современном мире. Социальные теоретики и антропологи изучают разнообразные аспекты этого феномена. Исследователи, в том числе философы, политологи и культурологи, пытаются постичь взаимосвязь между технологическими трендами и социо-

культурными трансформациями информационной эпохи. Высокоинтеллектуализированная коммуникация посредством Интернет и мобильной связи – это не только технологический инструмент, но также средство для нового культурного и социального дизайна, считает Говард Рейнгольд¹⁶⁰.

В свою очередь Рич Линг в работе «Мобильная связь: влияние сотовых телефонов на общество» (2004) поднимает проблему техносоциального детерминизма в истории современного социума и пытается выяснить степень нашей «мобильной зависимости». Последствия взаимодействий новых технологий и традиционных обществ были очевидны уже во времена неолитической революции, после которой оседлый образ жизни стал прообразом будущих цивилизаций, а кочевнический образ жизнедеятельности ассоциировался с культурами. Автор доказывает, что технические инновации влияют на социальную динамику и в значительной степени определяют формирование социальных институций¹⁶¹.

Мобильные коммуникации – это не только сугубо технический инструмент продвинутой коммуникации. Культурные особенности, привнесённые мобильной связью, оказались объектом исследования многих специалистов: культурологов, социологов, антропологов, менеджеров и всех тех, кто рассматривает мобильную телефонию более чем просто современное техническое средство эффективной коммуникации. Размещение этой темы в историческом и техносоциальном контекстах позволяет понять фундаментальные факторы формирования современного информационного общества. Национальные, региональные и локальные специфические черты коррелируются с интернациональным мейнстримом – ускорения расширенного доступа уникального культурного контента для глобального культурного потребления. Конвергенция современных медиасредств позволяет рассматривать мобильную связь как часть междисциплинарных многопользовательских инструментов для продвижения идеологических, политических, социальных и эстетических проектов освоения территорий информационного общества. Джерард Гоггин исследует те

¹⁶⁰ Rheingold, H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution* / Howard Rheingold. – Cambridge.: Basic Books, 2002. – 288 p.

¹⁶¹ Ling, R. *The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society (Interactive Technologies)* / Rich Ling. – San Francisco, CA. : Morgan Kaufmann; 2004. – 244 p.

практики повседневности, на которые значительное влияние оказало широкое распространение мобильной телефонии¹⁶².

Хотя не стоит забывать и о том факте, что мобильная связь сегодня интегрирована с Интернет и социальными сетями. Это создаёт глобальный коммуникативный эффект, которым пользуются маркетологи и политики¹⁶³. Не только в большом бизнесе происходят постоянные «поглощения» и «слияния» фирм, корпораций в целях усиления конкурентоспособности. Новые технологии даже более подвижны и открыты для создания более успешных и эффективных конфигураций.

Конвергенция медиаинструментов предшествует конвергенция культуры, доказывает Генри Дженкинс. Культурный сдвиг (*cultural shift*) изменяет социокультурную динамику и делает возможным технологическую революцию¹⁶⁴.

Понятие «конвергенции» всё чаще употребляется в связи с возрастающей тенденцией пролиферации научного знания высоких технологий. Кроме того, происходит конвергенция технических средств и социальных технологий. Примером этой тенденции является конвергенция новых медиа-технологий (*new media technologies*), социальных медиа (*social media*) и технологий, поддерживающих семантические сети (*semantic web technologies*). Изучение этого процесса предполагает междисциплинарный подход. В отличие от знаний, связанных с конкретной предметной областью (*domain-dependent knowledge*), исследование в этом случае должно быть направлено на сами познавательные технологии (*knowledge technologies*). Поскольку социальные медиа и семантические сети взаимодействуют в образовательных, исследовательских, экономических и коммуникативных контекстах, то это требует приложения также инструментов социальной теории и культурной антропологии. Базовой предпосылкой изучения механизмов такой конвергенции является допущение комплементарности технологий. Координация совместной деятельности (*collaboration*) специалистов позволяет формировать новые стратегии сетевых познавательных технологий (*networking knowledge*). Составители и авторы ком-

¹⁶² Goggin, G. *Cell Phone Culture: Mobile Technology in Everyday Life* / Gerard Goggin. – L., NY.: Routledge; 2006. – 240 p.

¹⁶³ Blumauer, A. and Pellegrini, T. (eds). *Social Semantic Web: Web 2.0 - Was nun?* / editors : Andreas Blumauer and Tassilo Pellegrini. – Berlin.: Springer; 2008. – 509 p.

¹⁶⁴ Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press; 2008. – 336 p.

плексного исследования «Сетевое знание – сетевые медиа» (2009) поставили задачу описать и проиллюстрировать различные подходы для изучения этого нового проблематического поля¹⁶⁵.

Интеграция и конвергенция информационных технологий и новых социальных технологий позволяет гражданам и общественным движениям, становящемуся глобальным гражданскому обществу, создавать более эффективную и скоростную коммуникацию. Благодаря этому возрастают ресурсы контроля государственных организаций и отдельных функционеров, что создаёт ситуацию генезиса «прозрачного общества»¹⁶⁶. Джанни Ваттимо, анализируя значение медиасферы для формирования идеологии и позитивных политических практик, скептически смотрит на достижение объективной истины, по крайней мере в поле социогуманитарной деятельности.

Истина не абсолютна, она интерпретируется и конструируется в ходе демократической коммуникации, показывает итальянский философ¹⁶⁷. Становление новых общественных отношений в глобализирующемся мире в сильной степени зависит от взаимодействия государства, гражданских объединений и овладения новыми технологиями, информационными в частности.

Мобильная телефония – это отнюдь не изолированное и самодостаточное техно-коммуникативное явление в современном постиндустриальном глобализированном мире. Изобретения девятнадцатого века, такие как телеграф, телефон и радио, в «снятом» виде неизбежно присутствуют в современной сотовой связи. Кроме того, мобильная связь является одним из компонентов широкомасштабного процесса, который именуется «конвергенцией технологий». В различных контекстах это подразумевает взаимодействие, взаимодополняемость и взаимное усиление однопорядко-

¹⁶⁵ Pellegrini, T., Auer, S., Tochtermann, K. and Schaffert, S. (eds). *Networked Knowledge – Networked Media: Integrating Knowledge Management, New Media Technologies and Semantic Systems (Studies in Computational Intelligence)* / editors : Tassilo Pellegrini, Sören Auer, Klaus Tochtermann, Sebastian Schaffert. – NY.: Springer; 2009. – 352 p.

¹⁶⁶ Vattimo, G. *The Transparent Society (Parallax: Re-visions of Culture and Society)* / Gianni Vattimo. – Baltimore, Maryland.: The Johns Hopkins University Press, 1992. – 136 p.

¹⁶⁷ Vattimo, G. *A Farewell to Truth / Gianni Vattimo.* – New York City.: Columbia University Press, 2011. – 192 p.

вых технологических трендов – например, *NBIC-технологии (нано-био-инфо-когно-технологии)*¹⁶⁸.

В случае с сотовой телефонией, мобильная связь находится в процессе конвергенции с другими информационными технологиями: обычной кабельной телефонией, радио, телевидением и Интернет. Мобильные телефоны последнего поколения представляют собой, по существу, многофункциональные терминалы для приёма, обработки и хранения гигантских объёмов информации. В форме текстов, аудиосообщений, фото, видео, 3D-моделей виртуальной реальности, видеоигр, выходов в социальные сети, обеспечивая доступ к банковским счетам, для осуществления платежей за материальные и виртуальные объекты потребления и т. д.¹⁶⁹.

Экспоненциальному росту глобальной мобилизации способствует маркетинговая составляющая расширения мобильной телефонии. Телефонные аппараты, аксессуары к ним, программы, услуги, контент, развлечения, лотереи, конкурсы, абонплата и другие полезные и чаще бесполезные функции являются явно или опосредовано производными консюмеристских стратегий транснациональных корпораций, работающих на этом высокотехнологичном перспективном глобализированном рынке.

Планетарная мобилизация в первой декаде XXI века фундаментально изменила глобальное коммуникативное пространство, практики повседневности, приватную жизнь, коммерцию, а также создала новые возможности для укрепления гражданских инициатив, в том числе, технокоммуникативных предпосылок построения глобального гражданского общества. Мобилизация тинейджеров и молодёжи (индивидуумов от 12 до 30 лет) позволяет выделить «поколение C» (*generation communication*)¹⁷⁰,

¹⁶⁸ Bainbridge, W. S. (ed.). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer; 2003. – 510 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society* / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer; 2006. – 396 p.

Bainbridge, W. S. *Nanoconvergence: The Unity of Nanoscience, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / William Sims Bainbridge. - Upper Saddle River, New Jersey.: Prentice Hall; 2007. - 272 p.

¹⁶⁹ Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press; 2008. – 336 p.

¹⁷⁰ Stein, L. *Generation Communication: For Teens Who Want to Get Ahead in the World* / Lee Stein. – Teaneck, NJ.: Paradoxical Press, 2011. – 60 p.

наряду с «поколением X», «поколением Z», «поколением *Pepsi*» и другими «поколениями». Такая типология отражает попытки социологов и социальных теоретиков классифицировать гендерные группы эволюционирующего общества потребления, где от предпочтений молодёжи во многом зависит развитие экономики и формирование социокультурной сферы. «Поколение C» (*Generation C*) расшифровывается как «поколение коммуникации» (*generation communication*), поскольку для этого возрастного интервала выделенной спецификой является возможность, способность и даже необходимость «быть на связи» всюду, всегда и везде.

Технологическим условием появления «Поколения C» явилось создание компьютерных сетей нового поколения, что, собственно, и послужило началом конвергенции стационарных и мобильных сетевых технологий, что показывает в своём исследовании Кшиштоф Иневски¹⁷¹.

Одними из основных акторов глобальной интернетизированной мобилизации являются транснациональные компании *Nokia*, *Samsung*, *Sony Ericsson* и др. Глобальная мобильная революция была подготовлена многолетней, напряжённой, инновационной деятельностью в условиях высококонкурентной среды. Успех глобальной мобилизации был обеспечен несколькими высокотехнологичными фирмами. В их числе всегда находилась финская компания *Nokia*. Автор книги «*The Nokia Revolution*» Дэн Стейнбок специализируется на истории, технологических инновациях, маркетинговых стратегиях и социальных импликациях мобильной революции. В своей первой книге по этой тематике он представил фундаментальное исследование одного из наиболее успешных игроков на глобализированном поле мобильной телефонии. В своей работе он показал сквозь историческую призму эволюцию финской производственной компании *Nokia*. Автор попытался найти «секреты» перманентной инновационности, нестигаемой конкурентной устойчивости и впечатляющего успеха у разнообразных потребителей. Стейнбок считает, что именно благодаря уникальному менеджменту *Nokia* стала своего рода движущей силой на рынке глобальных мобильных коммуникаций. Он также отмечает специфические удачные дизайнерские решения и стратегии, которые сделали бренд узнаваемым и ожидаемым. Кроме того, показаны инновационные высокотехнологичные проекты, которые позволили компании стать одним из лиде-

¹⁷¹ *Iniewski, K. Convergence of Mobile and Stationary Next-Generation Networks / Krzysztof Iniewski (Ed.). – Hoboken, NJ.: Wiley; 2010. – 790 p.*

ров в продвижении беспроводной связи третьего поколения (книга Стейнбока «*The Nokia Revolution*» вышла в 2001 году). Баланс между сохранением менеджерских, маркетинговых, организационных традиций и революционных технологических инноваций, по мнению Стейнбока, позволил *Nokia* выстоять в борьбе за доминирование в условиях глобального рынка мобильной телефонной связи¹⁷².

В следующих своих работах, развивая темы «мобильная телефония», «мобильная революция», «глобализация рынков», Стейнбок уточняет свои первоначальные ключевые тезисы и дополняет исследования актуальными материалами, а также новой информацией¹⁷³.

Мобильная связь и Интернет радикальным образом преобразовали обыденную жизнь и профессиональную среду обитания. Прежде всего это относится к сфере коммуникации. Культурное и социальное время существенно уплотнилось, и индивидуумы стали выполнять во много раз больше дел, чем до начала интернетизированной мобильной революции. Однако, несмотря на заметные преимущества, появились также и проблемы «перепроизводства» технологичной глобализированной коммуникации. По крайней мере, так считает Нэнси Бэйм в своей работе «Межличностные связи в цифровую эпоху» (2010)¹⁷⁴. Автор показывает, что «заочные» контакты между людьми возможны и эффективны в определённых экстремальных ситуациях, но в плане постоянного общения ущербны, поскольку лишены психо-эмоциональной компоненты непосредственного человеческого общения. Физическое присутствие участника диалога онтологически иное и, главное, более подлинное, чем дистанцированная коммуникация с помощью технических средств. Эти размышления Бэйм особенно актуальны сегодня, когда для многих людей общение в социальных сетях вытесняет традиционные виды контактов и непосредственной коммуникации.

¹⁷² Steinbock, D. *The Nokia Revolution : The Story of an Extraordinary Company That Transformed an Industry* / Dan Steinbock. – NY.: AMACOM; 2001. – 352 p.

¹⁷³ Steinbock, D. *The Mobile Revolution: The Making of Mobile Services Worldwide* / Dan Steinbock. – London.: Kogan Page, 2007. – 304 p.
Steinbock, D. *Winning Across Global Markets: How Nokia Creates Strategic Advantage in a Fast-Changing World* / Dan Steinbock. – San Francisco, CA.: Jossey-Bass; 2010. – 304 p.

¹⁷⁴ Baym, N. *Personal Connections in the Digital Age (Digital Media and Society)* / Nancy Baym. – Cambridge.: Polity; 2010. – 196 p.

Брайан Чжень рассматривает феномен *iPhone-революции* и перспективы будущего в режиме «*always-on*», то есть нашего повседневного существования, когда мы «всегда на связи» (*always-on*)¹⁷⁵.

В своей полемической книге он показывает, как чудо-изобретение корпорации Эппл – *iPhone* – открыл для нас возможность быть на связи всюду и в любое время (*unlocked the anything-anytime-anywhere*), благодаря соединению трёх революционных технологий: мобильной телефонии, аппарата *iPod* и сенсорного дисплея без механической клавиатуры. Но с другой стороны, *iPhone* заблокировал нас (*locked us in*) в этой гиперкоммуникативной информационной сфере. Позитивные достижения этого нового высокотехнологического гаджета не должны скрывать заложенных в нём маркетинговых ловушек, потенциального нарушения приватности, реальной свободы и возможностей для креативной самореализации, утверждает Чжень. Философские дискуссии о «пользе» и «вреде» техники для человека восходят к тридцатым годам двадцатого века. Шпенглер, Бердяев, а позднее Ясперс, Хайдеггер и Гелен анализировали место техники в жизни человечества. Однако если выдающиеся философы исследовали разнонаправленные эффекты индустриальных технологий, то Брайан Чжень исследует положение дел в период продвинутых симбиотических информационных технологий, когда техника – это уже не только то, что рядом с нами, но это уже «продолжение» тела, или, во всяком случае, соблазнительный высокотехнологичный протез.

Как и другие массовые инновационные технологии, мобильные телефоны и сотовая связь широко распространены и имеют массу аспектов, выходящих за пределы основной функции – межличностной коммуникации. Одним из важнейших и стратегических применений интернетизированной мобильной коммуникации является её востребованность и пригодность для использования в локальной и глобальной медиасфере¹⁷⁶. Поэтому создаются многочисленные новые специализированные программы под специфический контент и сервисные приложения. Новый импульс для развития мобильных медиа создали экспоненциально развёртывающиеся

¹⁷⁵ Chen, B. X. *Always On: How the iPhone Unlocked the Anything-Anytime-Anywhere Future – and Locked Us In* / Brian X. Chen. – Cambridge, MA.: Da Capo Press, 2011. – 256 p.

¹⁷⁶ Feldmann, V. *Leveraging Mobile Media: Cross-Media Strategy and Innovation Policy for Mobile Media Communication (Information Age Economy)* / Valerie Feldmann. – Berlin, NY.: Physica-Verlag HD; 2005. – 281 p.

социальные сети. Политизация социальных сетей, их использование в социально-политической деятельности (Твиттерные революции, Фейсбук-революции) делают мобильную интернетизированную среду мощным международным политическим и политэкономическим ресурсом.

Название книги Говарда Рэйнгольда «Интеллектуальные толпы» двусмысленно. Ведь мы знаем, что толпа ведёт себя инстинктивно, иррационально, а не рационально или, тем более, интеллектуально. Но Рэйнгольд, автор бестселлера «Виртуальное сообщество», имеет в виду не те толпы, которые возникали до начала информационной и, тем более, мобильной революции, а индивидуумов, коммуницирующих посредством беспроводной связи. Именно они, как показывает автор, являются творцами новой, противоречивой высокотехнологичной современной культурной среды. Эту мобильную революцию по умолчанию возглавили в основном тинейджеры, для которых мобильный телефон превратился из имиджевого высокотехнологичного гаджета в повседневный неотъемлемый атрибут многоуровневой коммуникации и некоторым образом в «электронный протез», без которого возникает угроза гендерной и персональной идентичности¹⁷⁷. Повседневное общение, учёба, работа, коммерция, развлечения – сегодня уже очевидно, что благодаря «твиттерным революциям» эффекты «*smart mobs*» становятся значительным фактором и социально-политической сферы.

Спектр применения ресурсов «*smart mobs*» широк: от антиглобалистских акций в Сиэтле и Маниле до оппозиционных движений в Молдове, Иране, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Такие технологии как *WiFi* и Интернет могут превратить «*smart mobs*» в ключевой ресурс формирования глобального гражданского общества или в деструктивную силу для реализации геополитических стратегий. Потенциал «мобилизированной толпы» ещё не раскрыт полностью, а потому является привлекательным объектом социокультурного, социально-политического и социологического анализа. Для демонстрации динамических и организационных характеристик общества, где «интеллектуальные толпы» играют всё большую роль, Рейнгольд использует неологизм «адхократия». Термин *ad-hocracy* произведён от латинского выражения *ad hoc* – то есть ситуация, устроенная для какого-то эксклюзивного случая, для реализации опреде-

¹⁷⁷ *Rheingold, H. Smart Mobs: The Next Social Revolution / Howard Rheingold. – NY.: Basic Books, 2003. – 288 p.*

лётной цели (с коннотацией у Рейнгольда – «специальная, эпизодическая, чрезвычайная акция»). Адхократия «работает» противоположным образом, чем веберовская бюрократия. Главное то, что в адхократии нет очевидного легитимизированного «начальника», отсутствует ясное разделение функций и отсутствует строгая (и нестрогая, впрочем, тоже) иерархия. Как нам кажется, это какая-то неустойчивая форма ситуативной упорядоченности в поле спонтанности и методологической анархии. Однако необходимо отметить, что сам автор скептически относится к будущему обществу, в котором доминирует адхократический принцип управления.

Используя объяснительный потенциал консюмеристской экономики и теории игр, Джеймс Суrowецки исследует поведенческие механизмы малых диверсифицированных групп – в его терминологии, *crowds* (массы, толпа). Название его книги «*The Wisdom of Crowds*» (2005)¹⁷⁸, можно перевести как «Мудрость масс», и это напоминает название книги Говарда Рэйнольда «*Smart Mobs*» (2003) «Интеллектуальные толпы», где речь также идёт о деконструкции понятий «толпа», «масса», «народ».

Прежние представления о малых группах с неустойчивыми организационными связями стоит радикально пересмотреть, считает Суrowецки, поскольку нынешние «толпы» более свободны и более информированы, технологически оснащены для постоянной коммуникации (мобильная связь, Интернет). Автор пытается показать, что в целом «мобилизованная толпа» умнее, чем сумма интеллектов всех её членов. У этих новых «толп» есть потенциал, который может быть развит, а именно: *когнитивные способности*, эффективная *координация* посредством синхронизации действий, наконец, *кооперация*, где эгоистические импульсы подавляются самим индивидуумом во имя достижения значимых «общественных целей». Как бы там ни было, но слабое место всякой толпы – это повышенная эмоциональность и иррациональность поступков. Согласно автору, этим стихийным группам необходима «работа над ошибками», а потому им нужно культивировать принцип разнообразия мнений, повышать уровень персональной автономии, стремиться к децентрализации решений, учиться вырабатывать коллективные идеи. В общем, выдвигается достаточно дискуссионный тезис о «коллективном разуме» малых групп. Получается аналогия с «облачным интеллектом» в современном компьютеринге.

¹⁷⁸ Surowiecki, J. *The Wisdom of Crowds* / James Surowiecki. – NY.: Anchor, 2005. – 336 p.

Эта гипотеза нуждается в аргументированном доказательстве, а не в ассоциативных интуициях автора. Хотя, учитывая возрастающую популярность и социально-политическую ангажированность социальных сетей, эта тема является весьма перспективной.

Психология толпы – тема отнюдь не новая. Специфика современных дискуссий в этом направлении заключается в учёте радикально изменившейся коммуникации и организации спонтанных по сути своей действий. Технологии интернетизированной телефонии, разветвлённые специализированные социальные сети создают новые возможности для демократизации социальных процессов, но также и различные риски (конфиденциальность, дезинформация, провокации и т. д.). Во второй декаде XXI века фактически все средства мобильной связи равно доступны бедным и богатым на глобальной шкале. Во всех странах мира имеется устойчивая тенденция интернетизации и мобилизации социальных сетей, поэтому маркетинговые и политические инструменты использования эмерджентного тренда мобильной революции становятся стратегическим ресурсом решения экономических, внутривнутриполитических и геополитических проектов.

Информационное общество создаёт предпосылки для функционирования политтехнологии нового поколения. Одним из результатов развития инфосферы стали «сетевые революции». Их влияние на техносоциальную эволюцию человеческой цивилизации не стоит преувеличивать. Это элемент ускорения социальных трансформаций. Тем не менее, информационными ресурсами нельзя пренебрегать, поскольку они существенно изменяют коммуникативные формы жизнедеятельности.

Раздел 3.

«Арабская весна» и «Лондонское лето» в зеркале сетевых революций

Коммуникативная активность в глобализирующемся мире: свобода выражения и проблема конфиденциальности

Формирование глобального гражданского общества зависит в значительной степени от двух факторов: экономического роста и информационно-го обеспечения гражданских проектов. Наряду с финансово-экономической, политической, культурной глобализацией технологические тренды в современном мире выполняют интеграционную функцию. Феномен Интернет многомерен и потенциально трансгрессивен по отношению к обычным повседневным коммуникативным практикам. Интернетизация планеты расширяется и углубляется. Новости, образовательные услуги, бизнес, развлечения и другие виды деятельности посредством информационных интернетизированных ресурсов становятся частью повседневной жизни миллиардов индивидуумов. Информационное общество – это не только глобальное образовательное, научное, развлекательное пространство, но сегодня это уже полноценная «политическая площадка» для реализации стратегий и тактик социального активизма. Опыт истории развития демократических институтов и изучения эволюции гражданского общества на протяжении последних столетий в Европе и мире показывает, что гражданские свободы обретались и мирными путями, и в результате социально-политических революций. Вопросы о свободе и гражданских правах тесно связаны со свободой электронной коммуникации и социальных медиа. Учитывая сложность современных обществ, высокую технологичность экономик, широкую распространённость оружия массового поражения, необходимы теоретические разработки и практические действия для минимизации рисков в случае масштабных фронтальных социально-политических конфликтов.

Высокие информационные технологии и экспоненциально развёртывающиеся социальные сети создают новые возможности как для продви-

жения демократии и защиты гражданских прав, так и для манипуляции общественным сознанием для корыстных интересов корпоративных игроков на локальном и глобальном уровнях. Любая социальная система рано или поздно становится объектом надзора, контроля и манипуляции. Современное сетевое общество, конечно же, не исключение. Работы на тему «социального паноптикона» со времён публикации исследования Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать»¹⁷⁹ всё чаще обращаются к теме тонких (*soft*) высокотехнологичных контролирующих инструментов. Культура контроля – это новая парадигма, расширение методов криминальной безопасности в направлении контроля над всем обществом¹⁸⁰.

Несмотря на технологическую сложность инфосферы, её контроль в известных пределах может быть автоматизирован. «Контролируемый доступ: формирование власти, прав и норм в киберпространстве» (2010)¹⁸¹ – это коллективное исследование о новой ситуации в современном информационном обществе и новом поколении Интернет-пользователей. Здесь рассматриваются сложные проблемы легитимного установления границ, форм контроля, функционирующих режимов цензуры и наблюдения за пользователями в наличном нормативном поле информационного пространства.

Гражданское общество в условиях цифровой эпохи развивается динамичней и гораздо эффективней благодаря интернетизированным социальным сетям, новыми тактикам ускользания от «всевидящего ока власти». Профессиональные, гендерные и другие группы имеют всё больше средств и инструментов для консолидации в «он-лайне» и осуществления социально-политических акций в «офф-лайне». Сети расширяются, их коммуникативные эффекты постоянно возрастают, поэтому опция «ответственность и риски» должна учитываться как на информационной шкале, так и в плане «прямого действия» социальных групп, ангажированных социальными сетями.

¹⁷⁹ Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* / Michel Foucault. – NY.: Vintage, 1979. – 333 p.

¹⁸⁰ Garland, D. *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society* / David Garland. – Chicago.: University Of Chicago Press, 2002. – 336 p.

¹⁸¹ Deibert, R. J., Palfrey, J. G., Rohozinski, R. and Zittrain, J. (eds). *Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace* / editors : Ronald J. Deibert, John G. Palfrey, Rafal Rohozinski and Jonathan Zittrain. – Cambridge, MA.: The MIT Press ; 2010. – 656 p.

Интернет представляет собой «сундук Пандоры», где информационные «сокровища» перемежаются с глобальными информационными провокациями и сфабрикованной дезинформацией. Иногда «правда» бывает неотличима от «лжи». Единственным средством от «информационного» и «смыслового» «шума» является критическое мышление, «старое, доброе» картезианское сомнение. Наряду с энергетическими, экономическими и «реальными» войнами всё чаще возникают информационные войны¹⁸². Их разрушительный потенциал ещё не раскрыт, но последствия в глобализированном мире могут быть катастрофическими.

Одним из парадоксальных и до сих пор загадочных информационных мегасобытий 2010 года стала «Первая Викиликс-революция» (*WikiLeaks revolution*). Сначала публикация сотен тысяч то ли действительно секретных документов, то ли уже «просроченных» секретов, выглядела как медиа-сенсация, как эффект самоорганизации глобального информационного пространства, как «казус эпохи Интернет». В конце 2010 года интернет-организация *WikiLeaks* позиционировала себя уже как часть глобального гражданского общества, как его «передовой отряд», а основатель *WikiLeaks* выглядел как «камикадзе» посткапиталистической информационной «эпохи гласности». Учредители «донкихотского» сетевого ресурса заявляли, что их «мишени» и «жертвы» - это мегакорпорации и государства, нарушающие права человека. На первом уровне разоблачений были «грязные секреты» глобальных игроков (медиаторы - американские дипломаты и их, «типа», «секретная переписка»). Стоит ли открывать «все секреты»? Какова социальная плата за «открытость»? Эти и другие вопросы задаёт Александр

¹⁸² Leonhard, R. *The Principles of War for the Information Age* / Robert Leonhard. – NY.: Presidio Press, 2000. – 304 p.

Lonsdale, D. J. *The Nature of War in the Information Age: Clausewitzian Future (Strategy and History)* / David J. Lonsdale. – NY.: Routledge; 2004. – 288 p.

David, G. J. Jr., and McKeldin, T. R. III (eds). *Ideas as Weapons: Influence and Perception in Modern Warfare* / editors : G. J. David Jr. and, T. R. McKeldin III. – Dulles, VA.: Potomac Books Inc., 2009. – 458 p.

Rid, Th. and Hecker, M. *War 2.0: Irregular Warfare in the Information Age (Praeger Security International)* / Thomas Rid and Marc Hecker. – Westport, CT.: Praeger, 2009. – 280 p.

Andress, J. and Winterfeld, S. *Cyber Warfare: Techniques, Tactics and Tools for Security Practitioners* / Jason Andress and Steve Winterfeld. – Waltham, MA.: Syngress; 2011. – 320 p.

Стар, пытаясь уловить необходимую границу между приватной тайной и императивами «открытого информационного общества»¹⁸³.

Девид Ли и Люк Гардинг в своей сенсационной книге «ВикиЛикс: изнанка войны Джулиана Ассанжа с секретностью» (2011)¹⁸⁴, написанной в жанре «журналистских расследований», поднимают этические, правовые и политические вопросы, на которые пока никто толком ответить не может.

Авантюрно-детективный сюжет и судьба Джулиана Ассанжа стали поводом для размышлений о свободе, конфиденциальности информации, правах человека и других проблемах, которые являются центральными для активистов гражданского общества, независимо от страны и континента.

Вопрос о конфиденциальности дипломатического делопроизводства, случайных и преднамеренных «утечек информации» оставим в стороне. Главное здесь прецедентность и верифицируемость баз данных, дипломатических, военных или персональных. Инцидент выявил техническую незащищённость конфиденциальной информации. Это главный ущерб для глобального гражданского общества, где права человека соблюдены и надёжно защищена конфиденциальная информация от публичных дебатов. Иначе сама идея «прозрачности» общества теряет смысл. Границы конфиденциальности персональных и корпоративных данных должны быть легитимизированы и «прописаны», иначе принцип гражданской «суверенности» будет разрушен. Правовые, технологические и ценностные аспекты развивающегося информационного общества анализируют авторы книги.

Понятие «Твиттерной революции» возникло в ходе реализации агрессивных бизнес-стратегий, маркетинговых инноваций и выведением разнообразных коммерческих продуктов непосредственно «на дисплей» потребителя через систему социальных сетей. Однако в последние годы тактики, наработанные в экономическом сегменте глобализирующегося мира, стали апробироваться в социально-политическом пространстве. «Твиттерные революции» - это совокупность локальных социально-политических действий гражданских активистов, инициируемых главным образом через социальные сети и направленных на радикальное обновление вертикали государственной власти в условиях глобализирующегося высокотехноло-

¹⁸³ Star, A. *Open Secrets: WikiLeaks, War and American Diplomacy* / Alexander Star. – NY.: The New York Times Company. 2011. – 608 p.

¹⁸⁴ Leigh, D., Harding, L. *WikiLeaks: Inside Julian Assange's War on Secrecy* / David Leigh, Luke Harding. – Jackson, TN.: PublicAffairs, 2011. – 352 p.

гичного информационного общества. Поэтому в настоящее время твиттерные революции символизируют новый тип информационного высокотехнологичного социального активизма.

Усиление информационной составляющей социальных радикальных практик – это «упрямый факт», и не есть «хорошо» либо «плохо». Инфосфера (киберпространство) имеет степени осуществления свободы и открыто для миллионов пользователей. Разумеется, с самого начала развития глобальной информационной сети Интернет возникли коллизии с политической (экстремизм) и морально-этической (порнография) цензурой. Эти проблемы постоянно решаются и оптимизируются, хотя быстро развивающиеся проекты (такие как Интернет) не могут гарантировать одновременно абсолютных свобод выражения для всех граждан и абсолютной безопасности для всех пользователей. Государственная цензура Интернета (в основном политическая) возникла вместе с появлением Сети. Тем не менее, она преодолима, поскольку государственные институты и организации не в состоянии контролировать всех пользователей. А это есть «пространство сетевой свободы», которым пользуются и правозащитники, и манипуляторы сознанием (коммерсанты и политики).

Защищать пользователей (свободных граждан) от злоупотреблений технически продвинутых информационных технологий (социальных сетей) обязано государство. Однако наибольшая ответственность по защите собственных прав и свобод в «сетях» лежит на самом гражданине, который должен «включить мозги», а говоря академическим языком, войти в режим «герменевтики подозрительности», «вооружиться» средствами рациональной критической рефлексии. Кантианская формула: «Человек это не средство, а цель», – в информационном обществе не всегда работает, особенно в сфере действия маркетинговых и политических стратегий. Дженел Рендецца в книге «Почирикай сам с собой: 365 причин, почему Твиттер, Фейсбук, Майспейс и другие социальные сети засасывают» (2009)¹⁸⁵ анализирует ситуацию, когда глобальные социальные сети стали вызывать явную зависимость среди пользователей Интернет. Она задаёт риторический вопрос: «Не пора ли остановиться»? Массовая виртуализация личной жизни и «перетекание» актуального сознания в «сетевую ре-

¹⁸⁵ *Randazza, J. Go Tweet Yourself: 365 Reasons Why Twitter, Facebook, MySpace, and Other Social Networking Sites Suck / Janelle Randazza. – Avon. MA.: Adams Media, 2009. – 224 p.*

альность» уже имеет один очевидный эффект – бастардизацию Книги (*bastardization of the Book*). Это важный симптом культурного коллапса, даже если сделать поправку на алармизм автора. В связи с этой широко-масштабной тенденцией виртуализации не только культурных, но также и социальных событий необходимо упомянуть об «Ахиллесовой пяте» глобального гражданского общества.

Благодаря планетарным информационным потокам граждане имеют возможность постоянно «держать руку на пульсе» социальных событий и мгновенно вступать в коммуникацию с другими гражданами и организациями. Однако учитывая то, что информация и дезинформация могут быть неотличимы, политтехнологии весьма изощрённы, а пользователи отчасти уже «виртуализировали» своё существование в социальных сетях, элементы и даже части глобального гражданского общества могут являться симуляциями, квазисоциальными «Матрицами». Здесь возникает вечный философский вопрос о соотношении свободы и необходимости. Можно ли пользоваться безопасно и эффективно глобальными информационными ресурсами?, Можно ли жить в обществе и быть свободным от этого общества? По нашему мнению, свободный гражданин сам ответственен и за информацию, которую получает, и за действия, которые он производит на основе такого знания. Социальные сети – это не «социальное зло», но средство познания, осуществление разнообразных (чаще всего интеллектуальных и креативных) амбиций, способ репрезентации индивидуальных проектов и триггер гражданского активизма.

Использование социальных сетей как дополнительного ресурса само-реализации в условиях информационного общества отвечает потребности взрослых граждан, ответственных за свою политическую, экономическую и культурную свободу. Социальные сети как сегмент Интернета – это также территория досуга и развлечений. Поэтому исследователям необходимо учитывать специфику социокультурного контекста и гендерные реалии. У детей и подростков психоэмоциональная моторика доминирует над рационально-рефлексивными средствами анализа и стратегическим планированием будущего. Поэтому сетевые политтехнологии новейшего поколения в этом гендерном сегменте наиболее эффективны. Следовательно, приоритетной на сегодняшний день, учитывая агрессивность манипулятивных стратегий (маркетинговых, экстремистских и политических), является система законодательных мер, защищающих права несовершеннолет-

них в информационном пространстве. В то же время государственная политическая цензура в отношении взрослого населения, возможно, пересекает границы соблюдения прав человека на получение достоверной информации. Эти моральные и правовые аспекты функционирования информационных потоков и работы социальных сетей требуют профессиональных исследований и принятия адекватных конституционных правовых решений. Тинейджеризация детей и инфантилизация молодежи (в августовских лондонских беспорядках 2011 года принимали участие индивидуумы от 8 до 42 лет) стирает границы гендерной герметичности именно в сетевом информационном пространстве.

Уже несколько лет в политологической публицистике существуют устойчивые словосочетания – «Фейсбук революция», «Твиттерная революция», «Викиликс-революция», а совсем недавно уже и «Блэкберри-революция». Эти броские экзотические «лейблы» указывают на появление новых возможностей не только для организации бизнеса, но уже и для самоорганизации гражданского общества. Здесь также обнаруживаются мощные механизмы дистантной манипуляции сообществами и отдельными гражданами. Впервые этот вид новых высокотехнологичных «социальных революций» был зафиксирован экспертами в Молдове (2009). Почти одновременно и с одинаковыми названиями («Молдавская «Твиттерная революция») были опубликованы журнальные статьи А. Мунгиу-Пиппиди и И. Мунтяну в «*Journal of Democracy*»¹⁸⁶ и Евгения Морозова в «*Foreign Policy*»¹⁸⁷. Несколько позже, в том же 2009 году словосочетание «Твиттерная революция» Евгений Морозов применил уже к событиям в Иране («Выборы в Иране: Твиттерная революция?») ¹⁸⁸.

Среди множества противоречивых фактов, над которыми размышлял Морозов, обнаружился и такой: в июне 2009 года, когда некоторые эксперты самоуверенно говорили о начале «Твиттерной революции» в Иране, там было зарегистрировано лишь около 19 тысяч пользователей социаль-

¹⁸⁶ Mungiu-Pippidi, A., Munteanu, I.: *Moldova s "Twitter Revolution"*. *Journal of Democracy* 20 (3), – P. 136-142 (2009).

¹⁸⁷ Morozov, Evgeny. 2009 (a). *Moldova s Twitter Revolution. Foreign Policy, April*, Режим доступа: http://neteffect.foreignpolicy.com/posts/2009/04/07/moldovas_twitter_revolution.

¹⁸⁸ Morozov, Evgeny. 2009 (b). *Iran Elections: A Twitter Revolution? / Washington Post, June 17*. Режим доступа: www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/discussion/2009/06/17/DI2009061702232.html.

ных сетей сервиса *Twitter*, то есть всего лишь 0,027 % населения Ирана. Впрочем, этим микроскопическим «сетевым меньшинством» могли воспользоваться лидеры политических протестов. Тем не менее, *Twitter* в данном случае едва ли был «движущей и руководящей силой». Стоит больше внимания обратить на религиозные противоречия и клановые интересы в странах Персидского залива. Но этот технологический коммуникативный *Twitter-background* хотя и существует, не является веским аргументом для некритического принятия стереотипов «экспортных» сетевых вариантов социальных трансформаций. Вопрос о техносциальном детерминизме весьма сложен, требует исторического анализа и моделирования. Отметим, что даже хорошо развитые социальные сети и Интернет в одних условиях могут продвигать демократию, а при других условиях тормозить и минимизировать её.

«Твиттерные революции», или: Кого пугают социальные сети?

Разумеется, возникает вопрос о соотношении «спонтанности» («творчества народных масс») и «запланированности» (реализации рационально сконструированных политехнологических «домашних заготовок») организованных действий через социальные сети. Скорее всего, действуют конфликтующие и взаимодополнительные факторы, а завершающие действия – это некая результирующая многочисленных сценариев и случайностей. Существует как социально-экономическая причина недовольства, так и «конспирологическая» компонента. Книга «Новая арабская революция: что произошло, что это означает, и что же будет дальше», была опубликована в апреле 2011 года. Это фактически мгновенная интеллектуальная реакция на неоднозначные политические события конца 2010 и начала 2011 годов в ряде государств Северной Африки и Ближнего Востока. В сборник вошли более 60 работ, опубликованных ежеквартальным изданием *Foreign Affairs* «по свежим следам» резонансных событий, в том числе, заявления официальных лиц, другие документы. Аналитические и документальные материалы позволяют лучше понять чрезвычайные события, разворачивающиеся в стратегических регионах Средиземноморья и Персидского залива. Сборник работ содержит «живые отклики» политологов,

социологов, историков на события, иногда упрощённо обозначаемые как Твиттерные революции (варианты: «Фейсбук-революции», «Викиликс-революции») ¹⁸⁹.

После ряда аналитических журнальных публикаций на актуальную тему Твиттерных революций, рассматриваемых как политический феномен современного информационного общества, Евгений Морозов недавно опубликовал монографию «Сетевая иллюзия: тёмная сторона Интернет-свободы» (2011) ¹⁹⁰.

Здесь он концептуализировал свои многочисленные аналитические материалы, связанные с новейшими политтехнологиями и производством власти в глобализирующемся мире. Автор показывает очевидную «близорукость» наивного технологического романтизма, киберутопизма и опасности допущения безграничной свободы в Интернете. Взвешенная реалистическая позиция органически необходима для дальнейшего общепольного развития киберпространства. Морозов доказывает, что широкие возможности социальных сетей могут эксплуатировать не только диссиденты, но и авторитарные диктаторы. Поэтому *Facebook*, *Twitter* и другие сетевые ресурсы неизбежно будут, кроме прочих функций, играть роль «детонаторов» новых волн демократических трансформаций и тоталитарных реставраций. Социальные сети и Интернет обладают значительным потенциалом демократизации современного общества, однако, эти преимущества не должны позволить злоупотреблениям информационными технологиями, предупреждает Евгений Морозов. Распутывая противоречия Интернет-эпохи, автор пытается разогнать «туман» эйфорических иллюзий и беспочвенных надежд вокруг мифов о нейтральности киберпространства, безграничной Интернет-свободы и перманентной деполитизации информационного общества.

Социальные сети – это стратегический инфраструктурный и коммуникативный ресурс XXI века. Глобализированные социальные сети востребованы как для внутреннего, так и для внешнего использования. Американское правительство уже давно работает над созданием «теневых» Ин-

¹⁸⁹ *The New Arab Revolt: What Happened, What It Means, and What Comes Next* / editor : Council on Foreign Relations (Foreign Affairs). – NY.: Council on Foreign Relations (Foreign Affairs), 2011. – 496 p.

¹⁹⁰ *Morozov, E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom* / Evgeny Morozov. – NY.: PublicAffairs, 2011. – 432 p.

тернета и систем мобильной связи, которыми могли бы пользоваться диссиденты для подрыва локальных режимов, неудобных США. Поэтому создаются независимые телекоммуникационные сети внутри других государств. Финансируется разработка коммуникативных сетей, которые бы позволяли оппозиционерам поддерживать связь, оставаясь недостижимыми для правительств этих государств. На финансирование проекта «Интернет в чемодане» из госбюджета США выделено 2 миллиона долларов¹⁹¹.

Так называемые «Твиттерные революции» – это наверняка не исключительный инструмент «посткапиталистической / империалистической манипуляции». Людьюми, конечно, можно дистанционно управлять, но отнюдь не все они мариотентки и клише «массового зомбирования». Объекты манипулятивных стратегий не всегда становятся элементами индивидуальной и системной манипуляции. Общественное мнение – это «арена борьбы» идеологов, политиков и маркетологов. «Охотники за голосами» и «охотники за кошельками» не всегда удачливы, ведь кроме устойчивости личности есть ещё жестокая конкуренция на рынках когнитивной инфильтрации. Редакторы сборника материалов, написанных участниками радикальных студенческих выступлений в Великобритании осенью и зимой 2010 года, документально презентуют события и комментируют их. Редакторы книги «Молодёжная весна: новые студенческие волнения» тематизируют и анализируют волну студенческих бунтарских акций (при том, что это отнюдь не «весна», как заявлено в названии, а осень, хотя креаторам метафор может и реальные сезоны «по барабану»). Клэр Солон, президент студенческого союза Лондонского университета (*President of the University of London Union*) и редактор лондонского книжного издательства *Verso* Тания Палмиери сконфигурировали многочисленные свидетельства очевидцев и участников, описывающие беспрецедентные для благополучной Британии массовые студенческие акции, которые были направлены против ужесточения финансовой политики системы образования, против неоконкапиталистической идеологии и авторитарных методов министерства образования¹⁹². Протестные настроения и акции охватили

¹⁹¹ США создают теневые интернет и мобильные связи. Режим доступа: <http://yourijo.livejournal.com/28801.html>

¹⁹² Solomon, C. and Palmieri, T. (eds). *Springtime: The New Student Rebellions* / editors : Clare Solomon and Tania Palmieri. – NY. London.:Verso, 2011. – 296 p.

также Грецию, Италию, Украину (хотя и не в такой степени), а затем (и по иным причинам) страны Северной Африки.

Примечательно то, что акции протеста были хорошо скоординированы, организовывались и происходили с поразительной скоростью. Важной особенностью студенческих протестов оказалась беспрецедентная информационно-сетевая поддержка. Авторы показывают, что системная организация выступлений, географическая широта охвата были обеспечены прежде всего благодаря использованию ресурса социальных сетей, в частности *Facebook* и *Twitter*. Соломон и Палмиери задаются вопросом о том, какие причины разогрели студенческие восстания против политики различных государств. Они прослеживают межконтинентальную траекторию студенческих протестов от Афин к Риму, от Сан-Франциско к Лондону и далее к Тунису.

Не прошло и года после студенческих волнений 2010 года, как уже в августе 2011 Великобританию захлестнули волны новых молодёжных уличных беспорядков. На этот раз инициатива оказалась не у студентов, а у маргинализированных молодёжных групп. Это симптомы. Но чего? Результат «заговора» (локального, регионального или глобального)? Реальное ущемление классовых, гендерных или расовых прав? Меметическая пандемия в социальных сетях? Возможно, это действие интегрированных факторов и сил. Необходимо рассмотреть исторические, культурные, субкультурные, социально-экономические, политические, этнические, религиозные и другие аспекты, вызывающие массовые насильственные акции. Механизм развёртывания оппозиционных выступлений в арабo-мусульманских странах конца 2010 и начала 2011 годов некоторые эксперты приписывают действию новейших информационных технологий, усиленных коммуникативной инфраструктурой социальных сетей. Однако здесь всё не так просто. Триггеры событий (социальные сети) нельзя отделять от фундаментальных причин. Ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке определялась и определяется как внутренними (историческими, экономическими, культурными, религиозными факторами), так и внешними геополитическими движителями. В политическом плане после события «9/11» границы между неоимпериализмом, глобализацией и «войной с террором» размыты. Тень постколониализма опять нависла над

Ближним и Средним Востоком, считает Дерек Грегори¹⁹³. А это чревато новыми серьёзными конфликтами.

Не так всё просто обстоит с производством «прямых гражданских действий» посредством социальных сетей. В *on-line* пространстве, так же, как и в *off-line* пространстве, есть «организующая и направляющая сила», а вернее, «силы» и социальное действие, есть результирующая разнонаправленных политических векторов. Речь идёт не о «корыстных» злоупотреблениях и манипуляции индивидуумами, но о высокотехнологических способах организации социальных действий. Переносить ответственность протестных движений на «тёмные силы» или «объективные обстоятельства», значит снимать ответственность с акторов гражданской и государственной деятельности. В конце концов человек сам выбирает способ реакции на действия других индивидуумов и может учитывать «админресурс» властей. Перекаладывать ответственность за свои действия или, наоборот, бездействие на существование неких невидимых законспирированных сил «Властителей Матрицы» недалёковидно. В демократическом обществе критический способ мышления доступен каждому, это интеллектуальная «иммунная система» личности, и её эффективная работа является гарантией «неманипулируемости» и подлинной свободы.

***Sheeple* и сетевые хомячки: риски манипулятивных стратегий в медиасфере**

Степень влияния информационных технологий на экономику, политику, культуру, образование и науку постоянно растёт. Инновационные тренды эпохи Интернет, такие как социальные медиа, активно используются в реализации маркетинговых стратегий, информационных войнах и социально-политических революциях нового поколения. Наиболее очевидным примером применения ресурсов социальных сетей являются сетевые революции («Твиттерные революции», «Фэйсбук-революции», «Блэкберри-революции»). При этом необходимо отметить, что роль «сетевой составляющей» в организации массовых акций протеста в различных ре-

¹⁹³ Gregory, D. *The Colonial Present: Afghanistan, Palestine, Iraq* / Derek Gregory. – Hoboken, NJ.: Wiley-Blackwell; 2004. – 392 p.

гионах и странах иногда преувеличена, а иногда не вполне учтена. Миф о сетях как о новой невидимой власти создаётся и поддерживается в медиасфере, укрепляется правительствами и спецслужбами с целью указать на простую причину, понятную гражданам, живущим в эпоху цифровой революции. Любое высокотехнологическое средство коммуникации используется (управляется) человеком, обладающим свободой воли и действия. Пропаганда и её инструментальные средства трансформируются постоянно, от слухов в архаическом племени до листовок, сбрасывавшихся во время Первой и Второй мировых войн, а тем более до изощрённых методов интернетизированных информационных войн.

Тем не менее, феномен сетевых революций пока что мало изучен. Учитывая экспоненциальное насыщение современного общества высокотехнологичными глобализированными средствами коммуникации (независимо от континента и страны), фактор социальных сетей в организации протестных движений должен изучаться, в том числе, для обеспечения общественной и государственной безопасности. На первый план выступают технологические, программные и правовые аспекты функционирования Интернет и социальных сетей. Другим немаловажным фактором является наличие и потенциал манипулятивных инструментов, используемых в экономических и социально-политических сферах человеческой деятельности. Гендерная психология, этнопсихология, социальная психология и другие направления изучения мотивации индивидуумов помогут точнее определить причины и следствия сетевых революций. Ещё одним значимым сегментом изучения сетевой коммуникации является этика взаимоотношений между коммуникантами.

На смену «цветочным революциям» («оранжевым революциям») середины первой декады XXI столетия пришли высокотехнологичные Твиттерные революции. Произошло смещение коннотаций, поколение наивно-романтических «ботаников-цветоводов», сидящих пассивно перед телевизором и действующих согласно новостным мессиджам, приближается к пенсионному возрасту или уже преодолело эту черту. «Сетевые революционеры» – это исключительно молодёжь, поколение, которое со школьной скамьи мобилизовано, интерактивно и «зависает в сети» от 5 до 7 часов ежедневно благодаря интернетизированной мобильной телефонии. Правда, «есть и другое мнение» – пользователи социальных сетей это в большинстве своём – «сетевые хомячки». А может быть это разновидность

«племени» *sheeple*, аморфная масса некритически мыслящих граждан, пригодных для всяческих манипуляций*. Проблема оглупения «электората» («лохтората») и усиливающейся массмедийной манипулируемости населения, сквозь призму социологической метафоры *sheeple* анализируется Кеном Брауном¹⁹⁴ и Гартом Тёрнером¹⁹⁵.

* Неологизм *sheeple* - результат контаминации двух слов «овца» (*sheep*) и «народ» (*people*). В этом новом понятии смысл несут оба корня, таким образом, что слово приобретает новый синтетический смысл. Очевидно, что здесь люди (с коннотациями - «народец», «людишки») сравниваются с овцами, символизирующими покорность с преобладанием стадного инстинкта над свободным индивидуальным решением и поведением. Термин часто используется для обозначения лиц, которые добровольно соглашаются на предложения, исходящие от власти, «авторитетных» фигур (идеологов, политиков, «законодателей моды»). В значении этого термина акцентируются такие черты характера, как: доверчивость, конформизм и некритичность мышления, действия «по умолчанию». Обычно термин используется уничижительно в публицистических, социально-политических, религиозных и эстетических контекстах («стадо», «биомасса», «быдло», «оффисный планктон»).

Феномен «сетевых хомячков» восходит к советскому мему – «политические дискуссии на кухне за «рюмкой чая», «кухонное диссидентство» на закате брежневской эпохи. Риски минимальны, а имитация вовлечённости в реальную политику максимальна. В таких случаях возникает когнитивный диссонанс, восходящий к пушкинскому экзистенциальному жесту, сразу после казни декабристов»: «И я бы мог».

Глобальные трансформации и «Чёрные лебеди» Насима Талеба

В ходе построения гражданского и тем более глобального гражданского общества возрастают социальные риски, поскольку любые радикальные трансформации бросают вызов консервативным культурно-историческим традициям и властным структурам, кредо которых – дости-

¹⁹⁴ Braun, K. "We The Sheeple" "If This Book Does Not Make You Mad, Nothing Will" / Ken Braun. – Bloomington, IN.: iUniverse Publishing, 2007. – 168 p.

¹⁹⁵ Turner, G. *Sheeple: Caucus Confidential in Stephen Harper's Ottawa* / Garth Turner. – Toronto.: Key Porter Books, 2009. – 223 p.

жение стабильности режима любыми средствами. Наличие мобильности и ускоряющегося движения неизбежно сопровождается локальными, региональными и глобальными рисками. Поэтому различные теоретизации «общества рисков» как никогда востребованы в современном мире. В глобализированном и информатизированном взаимосвязанном мире увеличивается соблазн объяснения всех событий как жёстко детерминированных, имеющих отчётливые причины и закономерные последствия. Так системно и каузально воспринимали мир идеологи и практики эпохи «Холодной войны» (метафора из книги З. Бжезинского «Мир как шахматная доска»), исследователи из группы «Римского клуба», многочисленные адепты «теории мирового заговора».

Принцип «всё связано со всем», «всё под контролем» принципиально неверен, поскольку связи бывают «сильными», «слабыми» или подменяются псевдосвязями, которые на самом-то деле не являются «связями», «звеньями» и «рычагами». Чаще всего это только предположения, гипотезы, или даже вовсе фантазии. Не все локальные события поддаются однозначной интерпретации. Тем более трудно прогнозировать и рассчитывать такие сложнейшие события, как глобальные социально-экономические, политические и культурные трансформации. То есть такие события, где важнейшую роль играет «человеческий фактор». Ведь человек в своей деятельности руководствуется не только рациональными принципами, но бывает иррационален, а значит, и непредсказуем. Хотя, конечно же, это не отменяет моделирования сложных ожидаемых процессов, прогнозирования, достижения сложных целей. Очевидный пример – освоение космоса. Наряду с впечатляющими успехами были «недолёты», «перелёты» космических аппаратов, человеческие жертвы, колоссальные финансовые затраты для осуществления нереализованных амбициозных проектов, пересмотр научных расчётов и перезапуск высокотехнологичных проектов. То есть даже технонаучные, рационально организованные стратегические мероприятия не могут быть абсолютно предсказуемы в своих результатах.

Поскольку экзистенциальные планетарные и социально-экономические риски для человечества существуют, то широко востребованы теории катастроф и кризисов. Потому, что на всех социальных уровнях идёт явная или скрытая борьба за власть (социально-политическую, экономическую, интеллектуальную, эстетическую и этическую), есть и будет процветать «конспирология как строгая наука». Это относится также и к феномену револю-

ций новой волны («цветочных» и «твиттерных»). Для того, чтобы не стать заложником алармистских и думерских (*doomsday scenario*) настроений, не объяснять все трансформации в общественной жизни, основываясь только на «теориях заговора», нужно постоянно «включать мозги», а вернее, переключать их на скептический режим работы. Разумеется, заговоры и сговоры были, есть и будут. Манипулятивные практики стары, как человеческое общество. Но есть и зеркальные / зазеркальные заговоры, и сопротивление манипуляциям, и стратегические ошибки «заговорщиков». А кроме того, имеют место также случайности и спонтанные события, связанные с «человеческим фактором». Любые революции (в том числе «цветочные») имеют комплексный характер. Украинский опыт апробации «цветочных революций» в публицистической оптике рассматривает Ю. А. Катунин¹⁹⁶.

Наибольшую опасность в условиях глобализованного мира несёт в себе финансово-экономическая система. Её функционирование и сбои непосредственно влияют на триггеры социально-политического активизма. Один из современных оригинальных мыслителей Насим Талеб предлагает уйти от детерминистских объяснительных стереотипов и методологий, когда дело касается, по крайней мере, функционирования мировой финансовой системы, особенно эзотерической его части, операций с деривативами. Как математик и профессиональный биржевой брокер (хеджирование, продажа опционов и работа с фьючерсными сделками), он имеет огромный опыт моделирования сложных экономических ситуаций. Его книга по проблемам динамического хеджирования (*Dynamic hedging*) является чуть ли не единственным практическим справочником для профессиональных трейдеров и финансовых менеджеров в редких экзотических арбитражных ситуациях. Талеб разработал методики работы для брокеров транснациональных корпораций, рискующих в новой маркетинговой сфере, определяемой тенденцией формирования нового поколения сложных опционных контрактов и производных. Идеи автора помогают овладеть в ситуациях осуществления превентивных методов управления рисками¹⁹⁷.

Исследуя далее тему случайностей в самом широком плане, от житейских казусов до брокерской деятельности на бирже, Талеб подвергает фило-

¹⁹⁶ Катунин Ю. А. «Украинское зазеркалье»: ироническая теория «майданологии» // Ю. А. Катунин. – Симферополь, «Предприятие Феникс», – 2010.

¹⁹⁷ Taleb, N. N. *Dynamic Hedging: Managing Vanilla and Exotic Options (Wiley Finance)* / Nassim Nicholas Taleb. – Hoboken, NJ.: Wiley; 1997. – 528 p.

софскому анализу англоязычную идиому «*Fooled by Randomness*», что означает «быть одураченным случайностью»¹⁹⁸. Имеются в виду ситуации, когда некто видит отчётливый паттерн там, где фактически есть только неразборчивый хаотический, событийный, информационный шум (*random noise*). Видимо, это также одна из интеллектуальных ловушек «теорий заговора».

Чтобы экспонировать свою оригинальную «теорию наивных ошибок», в основе которой, по его мнению лежит имплицитный платонизм, он использовал эпистемологическую метафору «Чёрный лебедь». С её помощью Талеб герметизирует низковероятностные события, которые сложно прогнозируемы и могут иметь как значительные негативные, так и позитивные последствия. Теория «Чёрного лебедя» (*Black Swan Theory* or *Theory of Black Swan Events*) вполне подходит для интерпретации и главное, менеджмента глобальных социокультурных трансформаций. Здесь открываются возможности для построения теорий актуальной событийности, менеджмента рисками и прогнозирования.

Ключевая концептуальная метафора была введена Насимом Талебом в одноимённой книге «Чёрный лебедь: последствия маловероятных событий» (*The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*, 2007)¹⁹⁹. Автор пытается объяснить природу и вероятностные аспекты «случайных» событий, хотя эти события могут иметь катастрофические результаты. Но отнюдь не во всяких событиях нужно искать «чёрных лебедей». *Признаками таких событий* являются: неожиданность для экспертов; мощность последствий; правдоподобные рационалистические интерпретации ретроспективного характера (якобы событие подтверждается одной из существующих научных теорий).

Поскольку, согласно Талебу «вычислить» «Чёрного лебедя» фактически невозможно, то нужно хотя бы создать «запас прочности» для современных социетальных сложных (экономически и технологически) систем. Он предлагает следовать нескольким ключевым правилам для минимизации последствий кризисных ситуаций. Отметим несколько актуальных для нашей темы принципов:

¹⁹⁸ Taleb, N. N. *Fooled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets* / Nassim Nicholas Taleb. – NY.: Random House; 2008. – 368 p.

¹⁹⁹ Taleb, N. N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable* / Nassim Nicholas Taleb. – NY.: Random House; 2007. – 366 p.

1. Однозначно, лучше разбить что-то небольшое и хрупкое, чем ждать, пока оно станет огромным (и его всё равно нужно будет разбить).

2. Убытки нельзя делить на всех, в то время как сверхдоходы приватизирует только элита.

3. Необходимо соблюдать баланс между сложностями и простотой решений.

Тaleb свою теорию попытался применить для интерпретации феномена «египетской революции»²⁰⁰. Однако математическое моделирование и теория вероятностей не исключает политэкономических и исторических интерпретаций. Используя «скептический императив» Taleба, видимо, стоит подвергнуть ревизии также и саму теорию «Чёрных лебедей». В любом случае анализ когнитивных заблуждений в ситуации сложной неопределённости, предпринятый Taleбом, несомненно, полезен, особенно в тех случаях, когда с целью «понятности» и актуальной ясности прибегают к упрощению сложных событий. Психологическое спокойствие, обретенное благодаря понятным рациональным ретроспективным объяснениям, не совпадает с обретением объективных знаний о причинах происходящего «здесь и сейчас».

«Арабская весна», «Лондонское лето» и твиттеризация социальной активности 2010-2011 годов

Построение глобального гражданского общества не сводится к каскаду «бархатных революций». Острые социально-экономические и политические противоречия после мирового финансово-экономического кризиса увеличились и углубились. Риски «второй волны» мультиплицируются. Потребность в глобальном управлении рисками и глобальном контроле локальных и региональных проблемных территорий возрастает. Социальные протесты растут не только в Африке и на Ближнем Востоке, но сотрясают и Западную Европу. Феномен «арабской весны», кроме несомненных объективных при-

²⁰⁰ Taleb, N. N., Blyth, M. *The Black Swan of Cairo: How Suppressing Volatility Makes the World Less Predictable and More Dangerous* / Nassim Nicholas Taleb, Marc Blyth // *The New Arab Revolt: What Happened, What It Means, and What Comes Next* / Council on Foreign Relations (Foreign Affairs). – NY.: Council on Foreign Relations (Foreign Affairs), 2011. – P. 149-160.

чин (авторитарное многолетнее управление, тотальная коррупция, социальное расслоение, молодёжная безработица, религиозные конфликты и др.), имеет также внешние, субъективно-геополитические триггеры²⁰¹.

О многомерности этих событий свидетельствуют исторические, религиозные, доктринальные, идеологические и практические (дипломатические и квазидипломатические) факторы. Концепция «падающих государств» и «Индекс падающих государств» в некотором смысле являются способами индоктринации «неизбежных перемен». В книге Стюарта Патрика* «Слабые звенья: нестабильные государства, глобальные угрозы и международная безопасность» (2011) проводится скрупулёзный анализ причин нестабильности отдельных государств на глобальной шкале и подводится, собственно говоря, теоретическая база для оправдания нынешних и будущих беспорядков в «третьем мире», состоящем в основном из «падающих государств» (*fragile states*)²⁰².

** Стюарт Патрик (Stewart Patrick) директор Программы по исследованию международных институций и глобального управления при Совете по международным отношениям (Director of the Program on International Institutions and Global Governance at the Council on Foreign Relations).*

Важным инструментом управления стабилизаций / дестабилизацией территорий является Интернет, который изначально представлял опасность для авторитарных режимов. Но появление блогов и социальных сетей сделало инфосферу ещё более значимым ресурсом и гиперактивным политическим триггером социальных изменений, считает Энтони Лёвенстайн²⁰³. Блогосфера и интернет-журналистика являются важными ресурсами построения глобального гражданского общества.

Оригинальный анализ культурной и политической динамики исламского мира представлен Филипом Говардом в книге «Цифровые истоки дикта-

²⁰¹ Овчинский, В. Мистерии арабских взрывов... / Владимир Овчинский Газета «Завтра», № 9 (902) от 2 марта 2011 г. Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/11/902/41.html>

²⁰² Patrick, S. *Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security* / Stewart Patrick. – Oxford.: Oxford University Press, 2011. - 352 p.

²⁰³ Loewenstein, A. *The Blogging Revolution* / Antony Loewenstein. - Melbourne.: Melbourne University Publishing, 2008. - 336 p.

туры и демократии: информационные технологии и политический ислам»²⁰⁴ (2010). Новые информационные технологии с середины 90-х годов двадцатого века переформируют традиционные общества, безотносительно к религиозным и идеологическим императивам, считает автор. Потоки информации и новые инструменты коммуникации существенно изменяют глобальные политические ландшафты. Трансформативная сила новых технологий меняет многомерную структуру социально-экономических и политических отношений, в том числе, в арабских странах. Интернет-активность влияет на формирование идентичности, отмечает автор, поэтому сугубо коммуникативный аспект должен быть размещён в социокультурном, историческом и религиозном пространстве пользователя. Глобальное гражданское общество преодолевает ограничения страны, экономики, клана, гендера и других традиционных определённостей. Гражданское общество формирует политическую идентичность, независимую от манипулятивных стратегий национальных, культурных или религиозных элит.

Нельзя сказать, что все авторы, которые исследуют причины и основные триггеры «арабской весны», согласны с тем, что «сдвиг парадигмы» произошёл главным образом благодаря высокотехнологичным манипуляциям и «экспорту революций» нового поколения. Любые крупномасштабные трансформации не имеют одной причины. Социокультурная эволюция исторична, многомерна и многофакторна, поэтому нужен комплексный системный анализ происходящих событий. Сборник работ «Новая Арабская революция: что случилось, что это означает и чего ожидать в будущем» (2011) – первая попытка экспертной оценки социально-политического «взрыва», где шестьдесят авторов показывают сложность и драматизм «арабской весны» 2011 года²⁰⁵.

Значение информации и социальных сетей может быть недооценено, а может быть и преувеличено. Многое зависит от конкретной ситуации и ангажированности исследователей. Вопреки попыткам Джулиана Ассанжа приписать себе и своей команде – Викиликс – заслугу в смещении ряда президентов в странах Северной Африки, Кристиан Коутс-Ульрихсен в

²⁰⁴ Howard, P. N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam (Oxford Studies in Digital Politics)* / Philip N. Howard. – Oxford.: Oxford University Press, 2010. - 304 p.

²⁰⁵ *The New Arab Revolt: What Happened, What It Means, and What Comes Next* / Council on Foreign Relations (Foreign Affairs). – NY.: Council on Foreign Relations (Foreign Affairs), 2011. – 496 p.

своей работе, вышедшей в августе 2011 года – «Небезопасный залив: конец определённости и переход к постуглеродной эре» – вообще не упоминает социальные сети и Интернет в качестве движителей социальных революционных событий произошедших и продолжающихся в странах арабо-мусульманской дуги²⁰⁶.

Он предпочитает исторический, экономический и социально-политический анализ. На наш взгляд, это адекватный, взвешенный, объективный подход, поскольку революционные ситуации иногда вызревают столетиями и десятилетиями. Именно исторически, а не сугубо технологически, формируются обстоятельства, которые в «момент X» приводят к лавинообразно происходящим бунтам, беспорядкам, революциям и другим формам радикальных перемен в изживших себя социально-политических системах. Безусловно, социальные сети, информационные технологии и «летние школы» для гражданских активистов усиливают, дополнительно координируют и в определённой степени направляют социальные взрывы²⁰⁷, но роль «блоггеров», безусловно, преувеличена и, не в последнюю очередь, благодаря усилиям маркетологов интернетизированных мегакорпораций вроде Гугла, Эппл, Блэкберри и Фейсбук, которые используют такие резонансные события в качестве бесплатной эффективной рекламы сервиса и изделий.

Причины, событийность и последствия твиттерных революций зависят от региона, социально-экономического положения в обществе, внешнего влияния и, теперь уже однозначно, от информационных технологий (хотя их роль и преувеличивается). Анализ революций нового поколения показывает, что наиболее уязвимыми могут оказаться именно постиндустриальные общества, где инфосфера предельно насыщена. Характерен и такой факт: серьёзные аналитические работы по «итогам» Твиттерных революций отсутствуют. Зато активно эта тема обсуждается в блогосфере и социальных медиа. «Сверхбыстрое распространение информации было обеспечено во-многом благодаря тому, что с 2010 года в Лондоне под Олимпийские Игры начал

²⁰⁶ Coates-Ulrichsen, K. *Insecure Gulf: The End of Certainty and the Transition to the Post-Oil Era* (Columbia/Hurst) / Kristian Coates-Ulrichsen. – NY.: Columbia University Press, 2011. – 224 p.

²⁰⁷ Дубинская, И. «Твиттерные революции» арабского мира. Роль новых медийных платформ в революционных преобразованиях в обществе / Инна Дубинская (01 марта 2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voanews.com/russian/news/world-news/twitter-revolutions-2011-03-01-117160328.html>

реализовываться проект полного покрытия города *wi-fi*, что сделало жителей Лондона на данный момент одними из самых «мобильноинтернетных» Точки доступа имеются на большинстве остановок общественного транспорта, на многих фонарных столбах, и т.д. Плотность покрытия – легкость доступа – качество коммуникации – распространение информации. Кен Ливингстон – предыдущий мэр Лондона, в середине 2000 отказался от идеи реализации покрытия города *wi-fi* после длительных консультаций с МИ-5, которая настаивала на том, что это принципиально повышает риск террористической угрозы. Нынешний мэр Лондона Борис Джонсон, всю свою жизнь проработавший журналистом, этот вопрос снова поднял в 2010 году, и пролоббировал. Сеть начали делать, в том числе и на станциях метрополитена»²⁰⁸.

Европейские мегаполисы, конечно же, инфраструктурно, экономически и социально-экономически значительно отличны от североафриканских и ближневосточных городов, тем более от пустынных и полупустынных территорий в арабских странах. Однако гендерный фактор (молодёжные бунты) делает «революционные ситуации» симметричными. Технологическая (информационная, сетевая, мобильная) составляющая позволяет ускорять и мультиплицировать акции. «Большая часть призывов к участию в беспорядках шла вовсе не по *Facebook* и не по *Twitter*. Так вот, именно пропаганда и призывы шли вовсе не по Твиттер. А по *BBM* – это внутренняя социальная сеть коротких (как в Твиттере) сообщений, построенная по пейджерному принципу. Сеть для владельцев Блэкбери. Сеть, защищенная шифрованием. То есть допустим у абонента А есть 1000 контактов в *BBM*, считайте, как друзей в Твиттере. И он делает рассылку. Например: «Все идем громить аптеку». Для этого не используется сотовая связь. Достаточно того, чтобы телефон находился в зоне действия *wi-fi*. Через сервер блэкбери, через зашифрованные каналы сообщение уходит к его «френдленте». При этом, вовсе не обязательно, быть зарегистрированным в *BBM* под именем и фамилией. Просто по ID. Во-многом из-за *BBM* Индия и Саудовская Аравия ограничивают распространение Блэкбери, во-многом из-за *BBM* это справедливо делает ФСБ с точки зрения доступа *wi-fi* для телефонов данной марки в России. Потому что 3G завязан на оператора, то есть по факту на симку. А значит вычислить отправителя «подарков» довольно просто и быстро»²⁰⁹.

²⁰⁸ Английские заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obsrvr.livejournal.com/1223479.html>

²⁰⁹ Там же.

Работа спецслужб в сегменте «отслеживания» контактов значительно упростилась в инфосфере, поскольку поиск автоматизирован, по ключевым словам, с помощью геолокации и других методов анализа. «В случае с *wi-fi*, бесплатным, в центре Лондона, когда потом трубка «выбрасывается», а куплена она на условном «сером» рынке, это представляется маловероятным. Характер распространения вброса по призыву свидетельствует о том, что призыв так или иначе был организованным. Причем ставилась задача – защитить канал организаторов, в отличие от явного распространения призывов, как это делало, скажем, Движение бго Апреля в Египте»²¹⁰.

С расширением социальных сетей в глобализирующемся мире, очевидно, что Проект «Коммуникация 1.0» (непосредственные контакты без применения технических средств связи), начинает уступать Проекту «Коммуникация 2.0» - мобильной, интернетизированной сетевой связи. Концепция устойчивости общества с необходимостью должна не только изучать и продвигать развитие инфосферы, но также учитывать социально-политические, этические и психологические риски «всеобщей мобилизации» населения планеты.

«Твиттерные революции» вышли за географические пределы «недемократических режимов» и стали инструментом массовых действий в самой демократической стране мира – Великобритании. На севере Лондона в ночь на 7 августа 2011 года вспыхнули беспорядки в районе Тоттенхэм, где сотрудник полиции застрелил местного жителя. В субботу вечером толпа примерно из 300 человек собралась у здания полицейского участка на главной улице района Тоттенхэм с требованием «восстановления справедливости». Полицейские в воскресенье оцепили район ночных беспорядков для проведения следственных действий и предотвращения мародерства. Десятки участников беспорядков были арестованы. Полиция призвала общественность не верить наводнившим в воскресенье *блоги и социальные сети* слухам о том, что погромы могут возобновиться сегодня вечером и в ночь на понедельник. В течение дня специалисты *мониторили сайты социальных сетей*, заявил представитель полиции Лондона Эдриан Хэнсток²¹¹.

²¹⁰ *Английские заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obsrvr.livejournal.com/1223479.html>*

²¹¹ *Neal, L. Беспорядки на севере Лондона в ночь на 7 августа 2011 года / Leon Neal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110807c/413265175.html>*

Массовые волнения в Англии начались вечером 6 августа 2011 года в районе Тоттенхэм на севере Лондона. В ночь на 9 августа беспорядки вышли за пределы Лондона – ими охвачены были крупные города: Бирмингем, Манчестер, Бристоль и Ливерпуль. Сотни человек устроили погромы в центре Бристоля. В Лондоне в конфликтах с полицией приняли участие около 300 человек. Возраст задержанных – от 14 до 46 лет, половина из них младше 21 года. В беспорядках участвовали даже семилетние дети. Участники беспорядков *договаривались о будущих акциях через социальные сети*, используя Интернет. После того, как полиция стала активно узнавать о предстоящих беспорядках из Сети, *активисты обмениваются мобильными PIN-кодами, которые позволяют им общаться по защищенному каналу BBM, недоступному для полицейских*. Кроме того, эта система позволяет вести коллективный чат²¹².

В результате беспорядков в Лондоне пострадало несколько десятков человек (в том числе, не менее 35 полицейских), сожжено большое количество автомобилей, разгромлено много магазинов и ресторанов. Один человек погиб в больнице от огнестрельных ранений²¹³.

После четырёх суток беспорядков погибло пять человек, десятки людей были травмированы, массовый психологический стресс и подрыв веры в систему демократических ценностей трудно исчислим. Некоторые эксперты усматривают в лондонских беспорядках пролетарско-социалистический призыв к вооруженным переворотам и изменению общественного строя в Британии, видят в этих протестах проявление общественного негодования неблагоприятной экономической ситуацией в Западной Европе²¹⁴.

Британские власти и полиция утверждали, что беспорядки тщательно спланированы, участники же говорили о спонтанности акций. Не исключается и «теория заговора». Один из российских ЖЖ-шников анализирует события, исходя из «конспирологических» версий. «Если бы я был сторонником теории заговора, я бы утверждал, что погромы не разгоняют, чтобы получить одобрение от обывателей на крайне жесткие меры и сокращение

²¹² *Великобританию захлестнули молодежные бунты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/velikobritaniyu-zahlestnuli-molodezhnye-bunty-09082011114000>*

²¹³ *England riots [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/2011_England_riots*

²¹⁴ *Европа на пороге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://facenews.ua/14081/evropa-na-poroge-massovogo-krovavogo-vosstaniya.html>*

свобод. Если бы я был ограниченным сторонником теории заговора, я бы утверждал, что полиция саботирует разгон погромов, чтобы добиться отмены запланированных сокращений и вообще повысить свой статус. А так я даже и не знаю, как объяснить полное бездействие полиции»²¹⁵.

Степень санктуаризации и демонизации социальных медиа зависит от контекста. Экзотические в середине первой декады двадцать первого столетия и почти что «общеобязательные» в начале второй декады социальные сети превращаются в имиджевый лейбл политиков и обычных граждан. «Прописка в сети» часто означает «реальность» индивидуума в информационном обществе. Примечательно, что значимость индивидуума и его презентация в Интернет не совпадают. В списке миллиардеров «Форбс» отсутствуют те, чьи активы измеряются триллионами. Деньги любят тишину. Социальные сети сегодня раскручиваются благодаря «Интернет-хайпу», рекламной шумихе и быстрым деньгам. Наиболее важной сферой сетевой активности стали социально-политические акции последних лет в Азии и Европе. Беспорядки в Северной Африке и на Ближнем Востоке имели компонент «интерактивности», что спровоцировало обозначить социальные протесты как «Твиттерные революции», упрощая ситуацию и выводя её в чисто технологическую плоскость. «Твиттерным революциям» свойственна политическая амбивалентность. Если социальные сети помогают реализовать «демократический проект», то они рекламируются как триггеры реализации прав человека. Если же они способствуют анархии и реализации «чистой свободы», то они становятся инструментами терроризма и «врагами демократии». На примере «арабской весны» можно обнаружить существование двойных стандартов в оценках социальной продуктивности сетевого активизма. Сирийские власти «обвинили социальную сеть *Facebook* в поддержке «так называемой революции» и обвинили в безосновательном закрытии страниц, которые поддерживают Башара Асада.

Социальная сеть без предупреждения закрыла страницу поддерживавшей президента Асада «Электронной армии Сирии», в которой при этом насчитывалось более 60 000 фанатов. Несколько часов спустя под нож попал и клон этой проправительственной пропагандистской страницы, который создали «сочувствующие», сообщили в государственной сирийской газете «Аль-Тавра». В начале недели газета также обвинила *Facebook* в поддержке «так называемой сирийской революции». Другими

²¹⁵ *Английские заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obsrvr.livejournal.com/1223479.html>*

словами, Дамаск подозревает сайт в двойной игре и напоминает о том, что оппозиционные страницы, в свою очередь, спокойно продолжают свое цифровое существование. Ранее эта социальная сеть ощутимо облегчила организацию протестных движений в Египте и Тунисе»²¹⁶.

Манипуляция массовым сознанием – тема отнюдь не новая, однако, в цифровую эпоху она обретает новые характеристики и изменяется её эффективность. Социальные сети – это одновременно ресурс медийной манипуляции, а также ресурс сопротивления манипулятивным стратегиям. Отметим, что революции существуют уже тысячи лет, и подготовка к ним всегда включает интеллектуальные, психологические и организационные ресурсы, а нынешние информационные технологии важны, но скорее всего – дополнительные.

В созидании глобального гражданского общества всё большую роль отводится информационным технологиям и глобальным социальным медиа в особенности. Их организационный, позитивный и деструктивный потенциал проявился в ходе «твиттерных революций» 2009 года (Молдова, Иран), «арабской весны» и «британского лета» 2011 года. Ресурс социальных сетей далеко не исчерпан, поэтому междисциплинарное изучение сетевой активности необходимо для поддержания национальной безопасности. Баланс между свободой и цензурой не нов для Интернета. Но в условиях *Web.1* это проблема доступа к полноте информации, а в условиях *Web.2* и *Web.3* – это осуществление реальных гражданских прав или усиление рисков социально-экономической устойчивости общества. «Твиттерные революции» сопровождаются социально-политическими и экономическими рисками, чего опасаются властные режимы, независимо от географического положения и социальной системы (западная демократия, абсолютная монархия или социалистическое государственное устройство). Чтобы избежать двойных стандартов в оценке роли социальных сетей в революционных событиях «на Востоке» и «на Западе», необходима объективация событий, компаративный подход к изучению культурно-исторических факторов и исследование внешнеполитического влияния на возникновение «революционных ситуаций».

Протестные выступления с привлечением ресурса социальных сетей происходили в Белоруссии (Минск, Гомель, 2011), но без особых успехов.

²¹⁶ Сейбт Себастьян (Sebastian Seibt). *Сирия воюет с Facebook /12/05/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/asia/20110512/169324191.html>*

Акция «Молчаливая революция через социальную сеть» скорее напоминала «пробы», «тестирование» власти²¹⁷.

Громкая пафосная номинация «Революция через социальные сети» явно не соответствовала ожидаемому эффекту из-за малочисленности участников (количество которых значительно преувеличивалось, да и те были журналистами, прибывшими «по заданию редакции»)²¹⁸.

Как сообщает корреспондент РСН, в Минске 17 августа 2011 заблокировали российскую социальную сеть Вконтакте²¹⁹. Это произошло за несколько часов до начала очередной оппозиционной акции «Революция через социальные сети». Реакция властей симметрична действиям британского правительства в августе 2011 года. Социальные сети, оказывается, – это угроза для любого режима. Ну что ж, как говорится: *No comment*.

Новые СМИ (новые медиа) и их роль во внутривластной деятельности любого государства – это отдельный разговор. Несмотря на очевидный позитив разоблачения незаконной прослушки граждан – «дело Мердока» (по противозаконной деятельности британских таблоидов в июне 2011) – показало незащищённость личности в современном информационном обществе. Обнаружилась массовая коррупция полицейских, обеспечивших журналистам несанкционированный доступ к конфиденциальной информации граждан, что показывает деструктивный, корыстный (попросту продажный) характер «свободной демократической прессы», тотальные злоупотребления журналистов и их хозяев²²⁰.

Экспоненциальный рост социальных сетей в конце 2010-х годов «докаптался» до стран бывшего СССР. Феномен «сетевой жизни» изучается с помощью методик, наработанных уже давно для исследования Интернет-аудитории. Количественные и качественные характеристики украинской инфосферы важны для понимания политических, социокультурных и эко-

²¹⁷ *Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex-mercenary.livejournal.com/122141.html>*

²¹⁸ *Livejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isaak-povidlo.livejournal.com/20249.html>*

²¹⁹ *В Беларуси заблокировали российскую социальную сеть Вконтакте [Электронный ресурс]. – <http://focus.ua/foreign/197187/>*

²²⁰ *Katz, G. U.K. phone-hacking scandal explodes as outrage grows. Tabloid at centre of national furor (Posted: 07/7/2011) / Gregory Katz. – WinnipegFreePress. Режим доступа: <http://www.winnipegfreepress.com/world/uk-phone-hacking-scandal-explodes-as-outrage-grows-125129469.html>*

номических процессов транзитного общества. С октября 2010 года по март 2011 года Институтом Горшенина проводилось Международное социологическое исследование «Студенты – образ будущего». Используя методику случайной выборки, было опрошено 5 155 студентов в 22 высших учебных заведениях четырех стран: Украины, России, Польши, Казахстана. Оказалось, что ежедневно пользуются Интернетом 87,9% российских студентов, 87,7% польских, 80,4% украинских и 57,5% казахских студентов²²¹.

Правовой аспект функционирования социальных сетей немаловажен, поскольку юридическая защита прав гражданина и потребителя должны быть приоритетными в инфосфере и реальной жизни. Деятельность социальных сетей в Украине будет подпадать под действие закона «О защите персональных данных», и Государственная служба Украины по вопросам персональных данных планирует отслеживать эту интернет-деятельность. Об этом сообщил председатель Государственной службы Украины по вопросам персональных данных Алексей Мервинский. Согласно законодательству, социальные сети подпадают под определение баз данных, поскольку в них содержится информация о частных лицах. Планируется отслеживать работу социальных сетей. Мервинский отметил, что иски к социальным сетям будут возможны лишь тогда, когда это будет должным образом урегулировано в правовом аспекте. На сегодняшний день нужно доработать много нормативных актов, чтобы иметь возможность отслеживать эту интернет-деятельность. Для регистрации баз персональных данных на сегодняшний день уже есть все необходимое обеспечение²²².

Наивно было бы предполагать, что политтехнологи будут игнорировать расширенные и развитые социальные сети. Параллельно разбрасыванию сетей совершенствуются коммерческие и другие манипулятивные стратегии. Планетарная информатизация – процесс весьма противоречивый, где реализация гражданских прав переплетается с жёсткой биополитикой и формированием «общества контроля». Фигура оруэловского «Большого брата» реализуется в «мягком» (пока что) варианте в рамках сетевого проекта *Facebook*. Со слов Джулиана Ассанжа, а это голос *de pro-*

²²¹ Более 80% украинских студентов - крепкие юзеры всемирной паутины (13.06.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unian.net/rus/news/news-440664.html>

²²² Украинские спецслужбы берут социальные сети под контроль (1 июля 2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.com.ua/ru/news/8953>

fundis теневой стороны Интернета, *Facebook* как самая популярная социальная сеть мира опасна и является «шпионским механизмом». Он сказал, что *Facebook* является самым отвратительным шпионским механизмом из когда-либо изобретенных и представляет собой самую всеобъемлющую мировую базу данных о людях, их отношениях, именах, адресах, местонахождении и коммуникациях друг с другом и со своими родственниками. Все данные находятся в Соединенных Штатах. *Facebook, Google, Yahoo* – все эти крупные американские компании имеют встроенные интерфейсы для американской разведки²²³. При этом важно отметить, что никто не привлёк Ассанжа за клевету за такие высказывания.

Социальные сети и Интернет – это ключевой многоуровневый ресурс информационного общества. Количество пользователей во всех странах неуклонно стремиться к 100%, поэтому научный анализ феномена гражданского глобального общества с необходимостью должен включать в себя исследование технологических, экономических, политических, психологических, социальных и гендерных аспектов сетевой активности граждан.

²²³ Ассанж: *Facebook* это «отвратительный шпионский механизм» (from "The Atlantic Monthly", USA) 03/05/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/usa/20110503/169014268.html>

Заключение

Гражданское общество трансформируется в условиях продолжения информационной революции и ускорения глобализации. Из рассмотренных подходов по теме «Глобальное гражданское общество» (*Global civil society*) можно сделать несколько обобщающих выводов. Прежде всего нужно констатировать некое социально-политическое *status quo*. Глобальное гражданское общество состоит из разнородных многочисленных групп, в количественном плане сильно отличных, гендерно неоднородных, с различными формами организованности, прочно связанными с другими группами, или достаточно автономными, значительно отличающимися по формам защиты гражданских прав и находящимися в специфических государственно-правовых средах. Ситуация разобщённости групп обнаруживается в специфике их деятельности: некоммерческие организации, религиозные общественные движения, молодёжные группы, студенческие организации, ученые, объединённые в профессиональные сети, художники и музыканты, этнические группы и т. д. Несмотря на организационную сплочённость некоторых групп и движений очевидна аморфность «глобального гражданского общества» на глобальной шкале. В структурном плане глобальное гражданское общество представляет собой очевидную гетерогенность групп и способов социальной активности. Отсюда мозаичность, «ассамбляжность», «флексibilität» и неконсолидированность, что не позволяет говорить об этом глобальном феномене как о едином гомогенном целом. Организационную и институциональную целостность, элемент «глобальности» гражданское общество обретает при условии существования межрегиональных, трансконтинентальных устойчивых связей на основе социальных сетей. Такие интернетизированные и «мобилизованные» сети позволяют утверждать, что гражданское общество – это часть планетарного социума. Нужно отметить характерные позитивные черты глобального гражданского общества: открытость, движение к расширению демократии, тенденция к универсализации ценностей и идеалов. Ввиду этих обстоятельств глобальное гражданское общество можно рассматривать в фокусе оптики транзитивности – как идеал, затем как проект и, наконец, как социальную реальность.

Глобальное гражданское общество и на ступени проекта, и в ходе реализации в большой степени зависит от темпов, тенденций глобализации и

производительности информационных технологий. Наиболее значимым ресурсом продвижения проектов глобального гражданского общества являются социальные сети. Именно они обеспечивают функциональность и успешность гражданских инициатив, унифицируя социальные инициативы при технологической поддержке сети Интернет (интегрированной с мобильной связью). Потенциал глобального гражданского общества может быть реализован путём усиления долговременных инициатив, через создание необходимых правовых, экономических, социальных, образовательных и культурных условий для самореализации индивидов. Легитимные действия граждан в информационном пространстве как автономных личностей, как индивидуумов, имеющих собственное достоинство, определяются интересами общества в целом. Однако направленность и скорость движения к сложной многомерной цели – «глобальное гражданское общество» – должно быть соизмеримо с локальными социокультурными контекстами. Такой порядок вещей позволяет избежать конфликтных ситуаций между одной социальной группой, обладающей устойчивой системой ценностей, и другими гражданскими группами, ускоренно проходящими «тернистый» путь трансформации практик и социальных смыслов, смещаясь от аграрного общества к постиндустриальному миру. Социальный активизм в инфосфере приобретает новые качества, сопровождается новыми рисками и в то же время порождает новые позитивные эффекты. Одним из знаковых событий в этом плане на глобальной шкале стали так называемые «Твиттерные революции».

Феномен «Твиттерных революций» сложен и многомерен, требует тщательного эмпирического описания, проверки теоретических гипотез и анализа «модельных социальных экспериментов», которых уже достаточно для серьёзного междисциплинарного исследования. Информационные войны, политтехнологии нового поколения и «сетевые революции» не стоит абсолютизировать, это лишь элемент – и не всегда решающий для социальных трансформаций. Однако информационным ресурсом нельзя пренебрегать с учётом приближающейся интернетизированной мобилизации человечества.

Кто и почему боится социальных сетей? Кто и как может осуществлять легитимный эффективный контроль потоков информации? Нужен ли контроль за «контролёрами»? Вопросы не праздные, ответы различны в зависимости от групп пользователей. Проблема свободы в киберпростран-

стве и инструментализации цензуры с самого начала (до расширения интерактивной сети) вызывала диспуты. Самоорганизация, сетевая этика, механизмы цензуры, легитимация внешнего контроля, административный менеджмент как централизованная форма управления / манипуляции – не являются «делом решённым». В этом проблемном поле сосредоточены конфликты интересов и расширяющиеся темы для дальнейших исследований. «Твиттерные революции» сопровождаются социально-политическими и экономическими рисками, чего опасаются властные режимы независимо от географического положения и социальной системы (западная демократия, абсолютная монархия или социалистическое государственное устройство). Темы «народ и власть», «злоупотребление властью», «контроль со стороны гражданских объединений» в условиях цифровой эпохи, несомненно будут иметь продолжение как в практическом, так и в теоретическом планах.

Библиография

Аристотель. Политика / Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. / Аристотель. – С. 375 – 644. М.: Мысль, 1983. – 830 с.

Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации: [монография] / науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2011. – 648 с.

Гражданское общество: идея, наследие социализма и современная украинская реальность: Коллект. моногр. / Науч. ред. Кононов И.Ф. – Луганск – Женева – Цюрих: “Альма-матер”, 2002. – 284 с.

Гражданское общество: истоки и современность: Коллективная монография / Науч.ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский – С-Пб: Юридический центр ПРЕСС, 2006. – 492 с.

Кальной И.И. Гражданское общество: истоки и современность / Игорь Иванович Кальной. – Симферополь, 2006. – 490 с.

Катунин Ю. А. «Украинское зазеркалье»: ироническая теория «майданологии» // Ю. А.Катунин. – Симферополь, «Предприятие Феникс», – 2010.

Платон. Государство. Законы. Политик / Предисл. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

Роль интеллигенции в формировании среднего класса (Научн. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань). – Симферополь.: Синтагма, 2010. – 468 с.

Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. / Пер. В. О. Горенштейна, прим. И. Н. Веселовского и В. О. Горенштейна, ст. С. Л. Утченко. Отв. ред. С. Л. Утченко. (Серия «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1966. – 224 с.

Шоркин А. Д. Гражданское общество как особый вид обществ / Гражданское общество: истоки и современность: Коллективная монография / Науч.ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский – С-Пб: Юридический центр ПРЕСС, 2006. – С. 339 – 348.

Bibliography

Aaker, J., Smith, A. The Dragonfly Effect: Quick, Effective, and Powerful Ways To Use Social Media to Drive Social Change / Jennifer Aaker, Andy Smith. – San Francisco.: Jossey-Bass; 2010. – 240 p.

Abbate, J. Inventing the Internet (Inside Technology) / Janet Abbate. – Cambridge, MA .: The MIT Press, 2000. – 272 p.

Andress, J. and Winterfeld, S. *Cyber Warfare: Techniques, Tactics and Tools for Security Practitioners* / Jason Andress and Steve Winterfeld. – Waltham, MA.: Syngress; 2011. – 320 p.

Anheier H. K. *Civil Society: Measurement, Evaluation, Policy* / Helmut K. Anheier. – London.: Earthscan Publications Ltd., 2004. – 224 p.

Anheier, H. K. and Isar, Y. R. (eds.). *Cultures and Globalization: Cultural Expression, Creativity and Innovation* / editors : Helmut K Anheier and Yudhishthir Raj Isar. – Thousand Oaks: SAGE Publications Inc, 2009. – 488 p.

Anheier, H., Glasius, M., Kaldor, M. (eds.). *Introducing global civil society* / editors : Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor // *Global Civil Society*. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 3-22;

Auletta, K. *Googled: The End of the World As We Know It* / Ken Auletta. – NY.: Penguin (Non-Classics); 2010. – 432 p.

Baase, S. *A Gift of Fire: Social, Legal, and Ethical Issues for Computing and the Internet* / Sara Baase. – Publisher: Prentice Hall; 2008. – 528 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer; 2003. – 510 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society* / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer; 2006. – 396 p.

Bainbridge, W. S. *Nanoconvergence: The Unity of Nanoscience, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / William Sims Bainbridge. – Upper Saddle River, New Jersey.: Prentice Hall; 2007. – 272 p.

Barabasi, A.-L. *Linked : How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means* / Albert-Laszlo Barabasi. – NY. : Plume, 2003. – 304 p.

Barney, D. *The Network Society (PKC - Polity Key Concepts series)* / Darin Barney. – Oxford : Polity, 2004. – 216 p.

Barney, D. *The Network Society (PKC – Polity Key Concepts series)* / Darin Barney. – Oxford: Polity, 2004. – 216 p.

Battelle, J. *The Search: How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture* / John Battelle. – NY.: Portfolio Trade, 2006. – 336 p.

Baylis, J. and Smith, S. (eds). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / editors : John Baylis and Steve Smith. – NY.: Oxford University Press, 2001. – 720 p.

Baym, N. *Personal Connections in the Digital Age (Digital Media and Society)* / Nancy Baym. – Cambridge.: Polity; 2010. – 196 p.

Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* / Daniel Bell. – NY.: Basic Books, 1976. - 616 p.

Berners-Lee, T. *Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web* / Tim Berners-Lee. – NY.: Harper Paperbacks; 2000. – 256 p.

Blumauer, A. and Pellegrini, T. (eds). *Social Semantic Web: Web 2.0 - Was nun?* / editors : Andreas Blumauer and Tassilo Pellegrini. – Berlin.: Springer; 2008. – 509 p.

Böhme, G. and Stehr, N. (eds). *The Knowledge Society: The Growing Impact of Scientific Knowledge on Social Relations (Sociology of the Sciences Yearbook)* / editors : Gernot Böhme and Nico Stehr. – Publisher: Springer; 1986. – 224 p.

Bouwman, H. *Information and Communication Technology in Organizations : Adoption, Implementation, Use and Effects* / Harry Bouwman, Bart van den Hooff, Lidwien van de Wijngaert, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 240 p.

Braun, K. "We The Sheeple" "If This Book Does Not Make You Mad, Nothing Will" / Ken Braun. – Bloomington, IN.: iUniverse Publishing, 2007. – 168 p.

Brook, T. and Frolic B. M. (eds). *Civil Society in China (Studies on Contemporary China)* / editors : Timothy Brook and B. Michael Frolic. – NY.: M.E. Sharpe, 1997. – 244 p.

Brook, T. *Collaboration: Japanese Agents and Local Elites in Wartime China* / Timothy Brook. – Cambridge, Massachusetts.: Harvard University Press, 2007. – 302 p.

Brousseau, E. and Curien, N. (eds). *Internet and Digital Economics: Principles, Methods and Applications* / editors : Eric Brousseau and Nicolas Curien. – Cambridge.: Cambridge University Press; 2007. – 822 p.

Brzezinski, Z. *The Grand Chessboard : American Primacy And Its Geostategic Imperatives* / Zbigniew Brzezinski. – N.Y. : Basic Books, 1998. – 240 p.

Buzan, B. *From International to World Society?* / Barry Buzan. – NY.: Cambridge University Press, 2004. – 320 p.

Carr, N. *The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google* / Nicholas Carr. – NY.: W. W. Norton & Company; 2009. – 304 p.

Carr-Chellman, A. A. (ed.). *Global Perspectives on E-Learning: Rhetoric and Reality* / editor :Alison A. Carr-Chellman. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc; 2004. – 288 p.

Castells, M. (ed.).*The Network Society : A Cross-Cultural Perspective* / editor : Manuel Castells. – Northampton, Massachusetts. : Edward Elgar Publishing, 2004. – 464 p.

Castells, M. *Communication Power* / Manuel Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 608 p.

Castells, M. *The Information Age : Economy, Society and Culture (The Rise of the Network Society ; Vol. 1.)* / Manuel Castells. – Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2000. – 594 p.

Castells, M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society (Clarendon Lectures in Management Studies)* / Manuel Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 304 p.

Castells, M. *The Rise of the Network Society (The Information Age: Economy, Society and Culture, Volume 1)* / Manuel Castells. – Malden, MA. : Wiley-Blackwell; 2000. – 594 p.

Chen, B. X. *Always On: How the iPhone Unlocked the Anything-Anytime-Anywhere Future – and Locked Us In* / Brian X. Chen. – Cambridge, MA.: Da Capo Press, 2011. – 256 p.

Christakis, N. A., Fowler, J. H.*Connected : The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives – How Your Friends' Friends' Friends Affect Everything You Feel, Think, and Do* / Nicholas A. Christakis, James H. Fowler. – Publisher : Back Bay Books, 2011. – 368 p.

Coates-Ulrichsen, K. *Insecure Gulf: The End of Certainty and the Transition to the Post-Oil Era (Columbia/Hurst)* / Kristian Coates-Ulrichsen. – NY.: Columbia University Press, 2011. – 224 p.

Colas, A. *Global civil society: analitical category or normative concept* / Alejandro Colas // *Global Civil Society: Contested Futures* / Ed., Baker, G., Ed., Chandler D. – NY., L.: Routledge; 2005. – P. 17–33.

Colas, D. *Civil Society and Fanaticism: Conjoined Histories* / Dominique Colas. – Stanford.: Stanford University Press;1997. – 512 p.

Comm, J. Robbins, A. *Twitter Power 2.0: How to Dominate Your Market One Tweet at a Time* / Joel Comm, Anthony Robbins. – Indianapolis, Indiana.: Wiley; 2010. – 268 p.

Compaine, B. M. *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* (MIT Press Sourcebooks) / Benjamin M. Compaine. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press, 2001. – 340 p.

Compaine, B. M., Gomery, D. *Who Owns the Media? Competition and Concentration in the Mass Media Industry* (Routledge Communication Series) / Benjamin M. Compaine, Douglas Gomery. – NY.: Routledge; 2000. – 632 p.

David, G. J. Jr., and McKeldin, T. R. III (eds). *Ideas as Weapons: Influence and Perception in Modern Warfare* / editors : G. J. David Jr. and, T. R. McKeldin III. – Dulles, VA.: Potomac Books Inc., 2009. – 458 p.

Davis, J., Miller, G. J., Russell, A. *Information Revolution : Using the Information Evolution Model to Grow Your Business* / Jim Davis, Gloria J. Miller, Allan Russell. – Hoboken, NJ.: Wiley; 2006 – 224p.

Deibert, R. J., Palfrey, J. G., Rohozinski, R., Zittrain, J. *Access Controlled : The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace* / editors : Ronald J. Deibert, John G. Palfrey, Rafal Rohozinski, Jonathan Zittrain. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2010. – 656 p.

Deibert, R. J., Palfrey, J. G., Rohozinski, R. and Zittrain, J. (eds). *Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace* / editors : Ronald J. Deibert, John G. Palfrey, Rafal Rohozinski and Jonathan Zittrain. – Cambridge, MA.: The MIT Press ; 2010. – 656 p.

Deth, J. W. van and Scarbrough, E. (eds). *The Impact of Values (Beliefs in Government)* / editors : Jan W. van Deth and Elinor Scarbrough. – NY.: Oxford University Press, USA, 1998. – 608 p.

DeWiel, B. *A Conceptual History of Civil Society: From Greek Beginnings to the End of Marx* / Boris DeWiel. – Past Imperfect, Vol. 6, 1997. – Edmonton, AB.: University of Alberta. – pp.3 – 42.

Dijk, J. A. G. M. van. *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 248 p.)

Dijk, J. A. G. M. van. *The Network Society: Social Aspects of New Media* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2005. – 304 p.

Duch, R. M., Taylor, M. A. Postmaterialism and the Economic Condition / Raymond M. Duch, Michael A. Taylor. – Published by: Midwest Political Science Association.: American Journal of Political Science, Vol. 37, No. 3, Aug. 1993. – pp. 747-779. Режим доступа: Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/2111573>

Easley, D., Kleinberg, J. Networks, Crowds, and Markets : Reasoning About a Highly Connected World / David Easley, Jon Kleinberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 744 p.

Eberly D. The Rise of Global Civil Society: Building Communities and Nations from the Bottom Up / Don Eberly. – NY.: Encounter Books, 2008. – 300 p.

Evans, D. Social Media Marketing: An Hour a Day / Dave Evans. – Indianapolis, Indiana.: Sybex; 2008. – 409 p.

Feldmann, V. Leveraging Mobile Media: Cross-Media Strategy and Innovation Policy for Mobile Media Communication (Information Age Economy) / Valerie Feldmann. – Berlin, NY.: Physica-Verlag HD; 2005. – 281 p.

Foucault, M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Michel Foucault. – NY.: Vintage, 1979. – 333 p.

Fountain, J. E. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change / Jane E. Fountain. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2001. – 256 p.

Fouts, J. Social Media Success!: Practical advice and real world examples for social media engagement using social networking tools like LinkedIn, Twitter, Blogging and more / Janet Fouts. – Cupertino, CA.: Happy About, 2009. – 162 p.

Garland, D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society / David Garland. – Chicago.: University Of Chicago Press, 2002. – 336 p.

Giovannetti, E., Kagami, M. and Tsuji, M. (eds). The Internet Revolution: A Global Perspective (Department of Applied Economics Occasional Papers) / editors : Emanuele Giovannetti, Mitsuhiro Kagami and Masatsugu Tsuji. – NY.: Cambridge University Press, 2003. – 292 p.

Girard, B. The Google Way: How One Company Is Revolutionizing Management as We Know It / Bernard Girard. – San Francisco, California.: No Starch Press; 2009. – 256 p.

Gleick, J. The Information: A History, a Theory, a Flood / James Gleick. – NY.: Pantheon, 2011. – 544 p.

Global Civil Society 2001 / Centre for Civil Society and Centre for the Study of Global Governance LSE. – Oxford .: Oxford University Press, 2001. – 348 p.

Goggin, G. Cell Phone Culture: Mobile Technology in Everyday Life / Gerard Goggin. – L., NY.: Routledge; 2006. – 240 p.

Goyal, S. Connections : An Introduction to the Economics of Networks / Sanjeev Goyal. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2009. – 304 p.

Graham, I. Internet Revolution (Science at the Edge) / Ian Graham. – Portsmouth, NH.: Heinemann Library, 2002. – 64 p.

Gregory, D. The Colonial Present: Afghanistan, Palestine, Iraq / Derek Gregory. – Hoboken, NJ.: Wiley-Blackwell; 2004. – 392 p.

Grupp, J. Corporatism: The Secret Government of the New World Order / Jeffrey Grupp. – Publisher: Banned Books; 2009. – 412 p.

Hafner, K. Where Wizards Stay Up Late: The Origins Of The Internet / Katie Hafner. – NY.: Simon & Schuster, 1998. – 304 p.

Hallberg P., Wittrock B. From koinonia politike to societas civilis: Birth, Disappearans and First Renaissance of the Concept, Peter Wagner The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1) / Peter Wagner (Ed.). – New York.: Berghahn Books, 2006. – P. 28-53.

Hart, T., Greenfield, J. M., Haji, S. D. People to People Fundraising: Social Networking and Web 2.0 for Charities / Ted Hart, James M. Greenfield, Sheeraz D. Haji. – Hoboken, New Jersey.: Wiley; 2007. – 288 p.

Heinrich, V. F. CIVICUS Global Survey of the State of Civil Society, Volume 1: Country Profiles / V. Finn Heinrich. – Bloomfield,CT.: Kumarian Press, 2007. – 500 p.

Heinrich, V. F., Fioramonti, L. CIVICUS Global Survey of the State of Civil Society, Volume 2: Comparative Perspectives / V. Finn Heinrich; Lorenzo Fioramonti. – Bloomfield,CT.: Kumarian Press, 2007. – 500 p.

Heitzman, J. Network City : Planning the Information Society in Bangalore / James Heitzman. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 372 p.

Hillstrom, K. The Internet Revolution (Defining Moments) / Kevin Hillstrom. – Detroit, MI : Omnigraphics Inc., 2005. – 203 p.

Hindman, M. The Myth of Digital Democracy / Matthew Hindman. – Princeton, New Jersey.: Princeton University Press, 2008. – 198 p.

Hintz, A. *Civil Society Media and Global Governance: Intervening into the World Summit on the Information Society (Medien & Politik)* / Arne Hintz. – Munster.: Lit Verlag, 2010. – 320 p.

Howard, P. E. N. and Jones, S. (eds). *Society Online: The Internet in Context* / editors : Philip E. N. Howard and Steve Jones. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications, Inc, 2004. – 384 p.

Howard, P. N. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam (Oxford Studies in Digital Politics)* / Philip N. Howard. – Oxford.: Oxford University Press, 2010. – 304 p.

Inglehart, R. F. *Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006* / Ronald Inglehart. – *West European Politics*, Vol. 31, Nos. 1–2, – L.:Routledge, January–March 2008, – pp.130 – 146.

Inglehart, R., Welzel, C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / Ronald Inglehart, Christian Welzel. – NY.: Cambridge University Press, 2005. – 344 p.

Iniewski, K. *Convergence of Mobile and Stationary Next-Generation Networks* / Krzysztof Iniewski (Ed.). – Hoboken, NJ.: Wiley; 2010. – 790 p.

Jackson, M. O. *Social and Economic Networks* / Matthew O. Jackson. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2010. – 520 p.

Jarboe, G. *YouTube and Video Marketing: An Hour a Day* / Greg Jarboe. – Indianapolis, Indiana.: Sybex , 2009. – 504 p.

Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press; 2008. – 336 p.

Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press; 2008. – 336 p.

Jensen J., Miszlivetz F. *Global Civil Society: from Dissident Discourse to World Bank Parlance*, / Jody Jensen, Ferenc Miszlivetz // Peter Wagner *The Languages of Civil Society (European Civil Society)* (v. 1) / Peter Wagner (ed.). – New York: Berghahn Books, 2006. – P. 177-205.

Kaldor, M. *Global Civil Society: An Answer to War* / Mary Kaldor. – Malden, Massachusetts .: Polity, 2003. – 200 p.

Kaldor, M. *Idea of Global Civil Society* / Mary Kaldor. – *International Affairs* 79, 3 (2003). – P. 583 – 593.

Kanter, B., Fine, A. *The Networked Nonprofit: Connecting with Social Media to Drive Change* / Beth Kanter, Allison Fine, Randi Zuckerberg – San Francisco.: Jossey-Bass; 2010. – 224 p.

Kaplinisky, R. *Globalization, Poverty and Inequality: Between a Rock and a Hard Place* / Raphael Kaplinisky. – L. NY.: Polity, 2007. – 216 p.

Keane, J. *Civil Society: Old Images, New Visions* / John Keane. – Stanford. : Stanford University Press, 1999. – 201 p.

Keane, J. *Global Civil Society?* / John Keane. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2003. – 236 p.

Keane, J. *Global Civil Society?* / John Keane. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2003. – 236 p.

Kenneth L. H., Dijk, J. A. G. M. van. *Digital Democracy: Issues of Theory and Practice* / editors : Kenneth L. Hacker, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications Ltd, 2000. – 240 p.

Kilduff, M., Wenpin Tsai. *Social Networks and Organizations* / Martin Kilduff, Wenpin Tsai. – London : Sage, 2003. – 172 p.

Kizza, J. M. *Ethical and Social Issues in the Information Age (Texts in Computer Science)* / Joseph Migga Kizza. – Dordrecht. : Springer; 2010. – 335 p.

Kogut, B. (ed.). *The Global Internet Economy* / editor :Bruce Kogut – Cambridge, Massachusetts. : The MIT Press; 2004. – 536 p.

Leigh, D., Harding, L. *WikiLeaks: Inside Julian Assange's War on Secrecy* / David Leigh, Luke Harding. – Jackson, TN.: PublicAffairs, 2011. – 352 p.

Leonhard, R. *The Principles of War for the Information Age* / Robert Leonhard. – NY.: Presidio Press, 2000. – 304 p.

Levy, S. In *The Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* / Steven Levy. – New York.: Simon & Schuster, 2011. – 432 p.

Ling, R. *The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society (Interactive Technologies)* / Rich Ling. – San Francisco, CA. : Morgan Kaufmann; 2004.– 244 p.

Loader, B. D. (ed.). *Cyberspace Divide: Equality, Agency and Policy in the Information Society* / editors : Brian D. Loader. – NY.: Routledge; 1998. – 288 p.

Loewenstein, A. *The Blogging Revolution* / Antony Loewenstein. – Melbourne.: Melbourne University Publishing, 2008. – 336 p.

Lonsdale, D. J. *The Nature of War in the Information Age: Clausewitzian Future (Strategy and History)* / David J. Lonsdale. – NY.: Routledge; 2004. – 288 p.

Micek, D., Whitlock W. *Twitter Revolution: How Social Media and Mobile Marketing Is Changing the Way We Do Business & Market Online* / Deborah Micek, Warren Whitlock. – Xeno Press, 2008. – 257 p.

- Miller, M. YouTube for Business: Online Video Marketing for Any Business / Michael Miller. – Canada.: Que;2011. – 368 p.
- Morozov, E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / Evgeny Morozov. – NY.: PublicAffairs, 2011. – 432 p.
- Morozov, E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / Evgeny Morozov. – NY.: PublicAffairs, 2011. – 432 p.
- Morozov, Evgeny. 2009 (a). Moldova s Twitter Revolution. Foreign Policy, April, Режим доступа: http://neteffect.foreignpolicy.com/posts/2009/04/07/moldovas_twitter_revolution.
- Morozov, Evgeny. 2009 (b). Iran Elections: A Twitter Revolution? / Washington Post, June 17. Режим доступа: www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/discussion/2009/06/17/DI2009061702232.html.
- Moschovitis, C. J. P., Poole, H., Schuyler, T., Senft, T. M. History of the Internet: A Chronology, 1843 to the Present / Christos J. P. Moschovitis, Hilary Poole, Tami Schuyler, Theresa M. Senft. – Santa Barbara, California.: ABC-CLIO, 1999. – 312 p.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J., Stansbury, M. Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide (American Governance and Public Policy) / Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert, Mary Stansbury. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2003. –160 p.
- Mothe, J. de la and Foray, D. (eds). Knowledge Management in the Innovation Process (Economics of Science, Technology and Innovation) / editors : John de la Mothe and Dominique Foray. – NY.: Springer; 2001. – 280 p.
- Mungiu-Pippidi, A., Munteanu, I.: Moldova s “Twitter Revolution”. Journal of Democracy 20 (3), – P. 136-142 (2009).
- Musser, J. Web 2.0 Principles and Best Practices (O'Reilly Radar) / John Musser. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media, 2006. – 101 p.
- Newman, M. Networks : An Introduction / Mark Newman. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 720 p.
- Norris, P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide (Communication, Society and Politics) / Pippa Norris. – Cambridge.: Cambridge University Press, 2001. – 320 p.
- Norris, P., Inglehart, R. F. Cosmopolitan communications: Cultural diversity in a globalized world / Norris, Pippa, and Ronald F. Inglehart. – New York.: Cambridge University Press, 2009. – 446.

Ober, J. *The Athenian Revolution: essays on ancient Greek democracy and political theory* / Josiah Ober. – Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1998. – 224 p.

Okin, J. R. *The Information Revolution: The Not-for-dummies Guide to the History, Technology, And Use of the World Wide Web* / J. R. Okin. – Winter Harbor ME.: Ironbound Press, 2005. – 352 p.

Okin, J. R. *The Information Revolution: The Not-for-dummies Guide to the History, Technology, And Use of the World Wide Web* / J. R. Okin. – Winter Harbor ME.: Ironbound Press, 2005. – 352 p.

Onuf, N. G. *The Republican Legacy in International Thought (Cambridge Studies in International Relations)* / Nicholas Greenwood Onuf. – Cambridge.: Cambridge University Press, 1998. – 304 p.

Pariser, E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You* / Eli Pariser. – Publisher: Penguin Press HC, 2011. – 304 p.

Patrick, S. *Weak Links: Fragile States, Global Threats, and International Security* / Stewart Patrick. – Oxford.: Oxford University Press, 2011. - 352 p.

Pavlichev, A. and Garson, G. D. (eds). *Digital Government: Principles and Best Practices* / editors : Alexei Pavlichev and G. David Garson. – Hershey, PA.:IGI Global, 2003. – 394 p.

Pellegrini, T., Auer, S., Tochtermann, K. and Schaffert, S. (eds). *Networked Knowledge – Networked Media: Integrating Knowledge Management, New Media Technologies and Semantic Systems (Studies in Computational Intelligence)* / editors : Tassilo Pellegrini, Sören Auer, Klaus Tochtermann, Sebastian Schaffert. – NY.: Springer; 2009. – 352 p.

Porter, A., Read, W. H. *The Information Revolution: Current and Future Consequences* / Alan Porter, Walter H. Read. – Westport, Connecticut.: Praeger, 1998. – 308 p.

Randazza, J. *Go Tweet Yourself: 365 Reasons Why Twitter, Facebook, MySpace, and Other Social Networking Sites Suck* / Janelle Randazza. – Avon. MA.: Adams Media, 2009. – 224 p.

Rheingold, H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution* / Howard Rheingold. – Cambridge.: Basic Books, 2002. – 288 p.

Rheingold, H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution* / Howard Rheingold. – NY.: Basic Books, 2003. – 288 p.

Rid, Th. and Hecker, M. War 2.0: Irregular Warfare in the Information Age (Praeger Security International) / Thomas Rid and Marc Hecker. – Westport, CT.: Praeger, 2009. – 280 p.

Rigby, B. Mobilizing Generation 2.0: A Practical Guide to Using Web 2.0: Technologies to Recruit, Organize and Engage Youth / Ben Rigby. – San Francisco CA.: Jossey-Bass; 2008. – 288 p.

Salamon, L. M., List R., Sokolowski, S. W. Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 1 / Lester M. Salamon, Regina List, S. Wojciech Sokolowski and Associates, Stefan Toepler, Helmut K. Anheier. – Bloomfield,CT.: Kumarian Press. 1999. – 511p.

Salamon, M. and Sokolowski, S. W. (eds). Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume 2 / editors : Lester M. Salamon and S. Wojciech Sokolowski. – Bloomfield,CT.: Kumarian Press. 2004. – 368 p.

Savicka, A. Postmaterialism and globalisation : the specificity of value change in the post-communist milieu / Savicka, Aida. – Vilnius.: Research Institute of Culture, Philosophy and Arts, 2004. – 163 p.

Schepp, B., Schepp, D. How to Make Money with YouTube: Earn Cash, Market Yourself, Reach Your Customers, and Grow Your Business on the World's Most Popular Video-Sharing Site / Brad Schepp, Debra Schepp. – NY.: McGraw-Hill; 2009. –240 p.

Schepp, B., Schepp, D. How to Make Money with YouTube: Earn Cash, Market Yourself, Reach Your Customers, and Grow Your Business on the World's Most Popular Video-Sharing Site / Brad Schepp, Debra Schepp. – NY.: McGraw-Hill; 2009. –240 p.

Schnabel A. and Scholte J. A. (eds). Civil Society and Global Finance (Warwick Studies in Globalisation) / editors : Albrecht Schnabel and Jan Aart Scholte. – NY., L.: Routledge; 2002. – 320 p.

Schuler, D. and Day, P. (eds). Shaping the Network Society: The New Role of Civil Society in Cyberspace / editors : Douglas Schuler and Peter Day. – The MIT Press, 2004. – 443 p.

Shih, C. The Facebook era: tapping online social networks to build better products, reach new audiences, and sell more stuff / Clara Shih. – Prentice Hall, 2009. – 236 p.

Shuen, A. Web 2.0: A Strategy Guide: Business thinking and strategies behind successful Web 2.0 implementations / Amy Shuen. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media; 2008. – 272 p.

Slevin, J. *The Internet and Society* / James Slevin. – Cambridge.: Polity; 2000. – 265 p.

Solomon, C. and Palmieri, T. (eds). *Springtime: The New Student Rebellions* / editors : Clare Solomon and Tania Palmieri. – NY. London.:Verso, 2011. – 296 p.

Star, A. *Open Secrets: WikiLeaks, War and American Diplomacy* / Alexander Star. – NY.:The New York Times Company. 2011. – 608 p.

Steger M. B. *Globalization: A Very Short Introduction* / Martin Steger. – Oxford University Press, 2003. – 168 p.

Stehr, N. and Meja, V. (eds). *Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science* / editors : Nico Stehr and Volker Meja. – Piscataway, New Jersey .: Transaction Publishers; 2005. – 451 p.

Stehr, N. *Knowledge Politics: Governing the Consequences of Science and Technology (Political Economy of the World-System Annuals)* / Nico Stehr. – Boulder CO.: Paradigm Publishers, 2006. – 252 p.

Stehr, N. *The Governance of Knowledge* / Nico Stehr (Ed.). – Piscataway, New Jersey .: Transaction Publishers, 2003. – 299 p.

Stein, L. *Generation Communication: For Teens Who Want to Get Ahead in the World* / Lee Stein. – Teaneck, NJ.: Paradoxical Press, 2011. – 60 p.

Steinbock, D. *The Mobile Revolution: The Making of Mobile Services Worldwide* / Dan Steinbock. – London.: Kogan Page, 2007. – 304 p.

Steinbock, D. *The Nokia Revolution : The Story of an Extraordinary Company That Transformed an Industry* / Dan Steinbock. – NY.: AMACOM; 2001. – 352 p.

Steinbock, D. *Winning Across Global Markets: How Nokia Creates Strategic Advantage in a Fast-Changing World* / Dan Steinbock. – San Francisco, CA.: Jossey-Bass; 2010. – 304 p.

Stross, R. *Planet Google: One Company's Audacious Plan To Organize Everything We Know* / Randall Stross. – New York.: Free Press, 2008. – 288 p.

Surowiecki, J. *The Wisdom of Crowds* / James Surowiecki. – NY.: Anchor, 2005. – 336 p.

Taleb, N. N. *Dynamic Hedging: Managing Vanilla and Exotic Options (Wiley Finance)* / Nassim Nicholas Taleb. – Hoboken, NJ .: Wiley; 1997. – 528 p.

Taleb, N. N. *Foiled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets* / Nassim Nicholas Taleb. – NY.: Random House; 2008. – 368 p.

Taleb, N. N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable* / Nassim Nicholas Taleb. – NY.: Random House; 2007. – 366 p.

Taleb, N. N., Blyth, M. *The Black Swan of Cairo: How Suppressing Volatility Makes the World Less Predictable and More Dangerous* / Nassim Nicholas Taleb, Marc Blyth // *The New Arab Revolt: What Happened, What It Means, and What Comes Next* / Council on Foreign Relations (Foreign Affairs). – NY.: Council on Foreign Relations (Foreign Affairs), 2011. – P. 149-160.

Taylor, P. J. *World City Network : A Global Urban Analysis* / Peter J. Taylor. – London ; NY. : Routledge, 2003. – 256 p.

Taylor, P. J. *World City Network : A Global Urban Analysis* / Peter J. Taylor. – London ; NY. : Routledge, 2003. – 256 p.

The New Arab Revolt: What Happened, What It Means, and What Comes Next / editor : Council on Foreign Relations (Foreign Affairs). – NY.: Council on Foreign Relations (Foreign Affairs), 2011. – 496 p.

Thomas, D., Brown, J. S. *A New Culture of Learning: Cultivating the Imagination for a World of Constant Change* / Douglas Thomas, John Seely Brown. – Seattle, WA.: CreateSpace, 2011. – 140 p.

Thomases, H. *Twitter Marketing: An Hour a Day* / Hollis Thomases. – Indianapolis, Indiana.: Sybex , 2010. – 504 p.

Toffler, A. *Future Shock* / Alvin Toffler. – NY.: Bantam; (First ed., 1971) 1984. - 576 p.

Treadaway, C., Smith, M. *Facebook Marketing: An Hour a Day* / Chris Treadaway, Mari Smith. – Indianapolis, Indiana. : Sybex; 2010. – 312 p.

Turner, G. *Sheeple: Caucus Confidential in Stephen Harper's Ottawa* / Garth Turner. – Toronto. : Key Porter Books, 2009. – 223 p.

Vaidhyathan, S. *The Googlization of Everything: (And Why We Should Worry)* / Siva Vaidhyathan. – Berkeley, CA.: University of California Press; 2011. – 280 p.

Vattimo, G. *A Farewell to Truth* / Gianni Vattimo. – New York City.: Columbia University Press, 2011. – 192 p.

Vattimo, G. *The Transparent Society (Parallax: Re-visions of Culture and Society)* / Gianni Vattimo. – Baltimore, Maryland.: The Johns Hopkins University Press, 1992. – 136 p.

Vise, D. A. *The Google Story: For Google's 10th Birthday* / David A. Vise. – Buena Park, CA.: Delta; 2008. – 352 p.

Vogel B. The formation of active civil societies in post-communist States: The challenges and opportunities of a political foundation / Bernhard Vogel // European View. Volume 7, Number 1, 2008. – P. 129-138.

Wagner, P. (ed.). The Languages of Civil Society (European Civil Society) (v. 1) / editor : Peter Wagner. – New York: Berghahn Books, 2006. – 258 p.

Warschauer, M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide / Mark Warschauer. – Cambridge, Massachusetts.: The MIT Press; 2004. – 274 p.

Weert, T. J. van (ed.) Education and the Knowledge Society: Information Technology Supporting Human Development (IFIP Advances in Information and Communication Technology) / editor : Tom J. van Weert. – NY.: Springer; 2004. – 306 p.

Weert, T. J. van (ed.) Education and the Knowledge Society: Information Technology Supporting Human Development (IFIP Advances in Information and Communication Technology) / editor : Tom J. van Weert. – NY.: Springer; 2004. – 306 p.

Wiarda, H. J. Corporatism and Comparative Politics: The Other Great "Ism" (Comparative Politics) / Howard J. Wiarda. – Armonk, NY.: M E Sharpe Inc, 1996. – 199 p.

Williamson, P. J. Varieties of Corporatism: A Conceptual Discussion / Peter J. Williamson. – Cambridge. : Cambridge University Press; 2010. – 256 p.

Winograd, M., Hais, M. D. Millennial Makeover: MySpace, YouTube, and the Future of American Politics / Morley Winograd, Michael D. Hais. – Piscataway, New Jersey.: Rutgers University Press, 2008. – 336 p.

Winograd, M., Hais, M. D. Millennial Momentum: How a New Generation Is Remaking America / Morley Winograd, Michael D. Hais. – Piscataway, New Jersey.: Rutgers University Press, 2011. – 296 p.

Zarella, D. The Social Media Marketing Book / Dan Zarrella. – Sebastopol, CA.: O'Reilly Media; 2009. – 240 p.

Овчинский, В. Мистерии арабских взрывов... / В. Овчинский // Завтра. – 2011. – № 9 (902), 2 марта.

Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/11/902/41.html>

Webliography

England riots [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/2011_England_riots

Katz, G. U.K. phone-hacking scandal explodes as outrage grows. Tabloid at centre of national furor (Posted: 07/7/2011) / Gregory Katz. – WinnipegFreePress. -- Режим доступа: <http://www.winnipegfreepress.com/world/uk-phone-hacking-scandal--explodes-as-outrage-grows-125129469.html>

Livejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isaak-povidlo.livejournal.com/20249.html>

Neal, L. Беспорядки на севере Лондона в ночь на 7 августа 2011 года / Leon Neal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110807/413265175.html>

Английские заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obsrvr.livejournal.com/1223479.html>

Ассанж: Facebook это «отвратительный шпионский механизм» (from "The Atlantic Monthly", USA) 03/05/2011[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/usa/20110503/169014268.html>

Более 80% украинских студентов - крепкие юзеры всемирной паутины (13.06.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unian.net/rus/news/news-440664.html>

В Беларуси заблокировали российскую социальную сеть Вконтакте [Электронный ресурс]. – <http://focus.ua/foreign/197187/>

Великобританию захлестнули молодежные бунты [Электронный ресурс]. – ежим доступа:<http://www.rbc.ua/rus/top/show/velikobritaniyu-zahlestnuli-molodezhnye-bunty-09082011114000>

Дубинская, И. «Твиттерные революции» арабского мира. Роль новых медийных платформ в революционных преобразованиях в обществе / Инна Дубинская (01 марта 2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voanews.com/russian/news/world-news/twitter-revolutions-2011-03-01-117160328.html>

Европа на пороге[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://facenews.ua/14081/evropa-na-poroge-massovogo-krovavogo-vosstanija.html>

Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex-mercenary.livejournal.com/122141.html>

Сейбт Себастьян (Sebastian Seibt). Сирия воюет с Facebook /12/05/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/asia/20110512/169324191.html>

Украинские спецслужбы берут социальные сети под контроль(1 июля 2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.com.ua/ru/news/8953>

Предметный указатель

- авторитаризм* 38
авторитарное управление 111
адхократия 90, 91
антитеррористические операции 64
арабо-мусульманская дуга 36, 114
арабская весна (2011 г.) 36, 113, 118
арабские революции 2010-2011 гг., 35
Аристотель 18, 19, 22, 23, 38
 Политика 19, 23
 Никомахова этика 19
Ассанж Дж. 96, 112, 120, 121
ассоциации граждан 10
аутсорсинг 61
Афины 20, 103
Барселона 21
бархатные революции 110
бастардизация Книги 98
Бахрейн 36
Белл Д. 55
Белоруссия 118
Бердяев Н. 89
биотехнологии 50
Бирмингем 116
Ближний Восток 13, 90, 100, 103, 110, 117
блогосфера 111, 114
блоггеры 113
блоги 115
Блэкберри-революция 99, 105
Большой брат 120
Бристоль 116
британское лето 2011 118
Бруни, Леонардо 20
Великобритания 103
Викиликс-революции 70, 99, 102
ВКонтакте 81, 119
виртуализация современного общества 61
виртуальная экономика 61
виртуальные объекты потребления 86
Восточная Европа 18
Гелен А. 89
гендерная психология 105
геолокация 115
геополитика 26
геополитические контексты 27
геополитические проекты 92
Германия 21, 41
глобализация 5, 8, 14, 26, 28, 44, 61
глобализация (определение) 28
глобализация гражданского общества 9
глобализированный рынок 85
глобализирующийся мир 8
глобальное гражданское общество 5, 8, 9, 11-13, 15, 30, 33, 35, 37, 39, 40, 45, 46, 78, 86, 106, 112, 123

Глобальное гражданское общество и сетевые революции

- как социальная идея* 16
- глобальное гражданство* 36
- глобальное информационное пространство* 8, 54
- глобальное коммуникативное пространство* 86
- глобальные риски* 107
- глобальные трансформации* 7, 26, 38
- глобальный капитализм* 12
- глобальный техно-капитализм* 62
- глобальный корпоративизм* 38
- глобальные социальные сети* 35
- глобальный контекст* 17, 29
- глобальный социум* 8
- Гоббс* 21, 24
- Гомель* 118
- государство* 29, 85, 97
- государственная безопасность* 105
- государственная власть* 57
- граждане* 37
- гражданский активизм* 17, 30, 40, 98
- гражданская деятельность* 8
- гражданские объединения* 10, 11, 30, 35
- гражданское общество* 5, 8, 11-13, 15, 19, 28, 31, 34, 37, 39, 46, 94, 99, 122
 - идея гражданского общества* 11, 16, 24, 28
- гражданские группы* 37
- гражданские инициативы* 6
- гражданские права* 16, 30, 118
- гражданское управление* 6
- Греция* 103
- Гроций Гуго* 24
- Дайк Я. ван* 70
- Дамаск* 118
- Движение бго Апреля в Египте* 115
- Дебор Ги* 37
- дезинформация* 95
- дело Мердока* 119
- демократизация социальных процессов* 92
- демократические ценности* 32
- демократическое общество* 10
- демократия* 28, 30, 100
- динамическое хеджирование* 108
- дистанционное образование* 49
- доиндустриальная эпоха* 54
- закон «О защите персональных данных»* 120
- Западная Европа* 110, 116
- защищенный канал ВВМ* 116
- Европа* 63, 94, 117
- Египет* 118
- египетская революция* 111
- индекс глобализированности* 13
- идентичности* 75
- Индекс гражданского общества* 42
- Индекс падающих государств* 111
- Индийская Силиконовая долина* 76
- инструменты поднадзорности и контроля* 5
- индустриальная эпоха* 55, 56
- инновации* 51, 53

- Институт Горшенина* 120
информатизация 51, 65
информационная инфраструктура 61
информационная революция 5, 48, 56
информация 55, 57
Интернет 6, 49, 59-66, 80, 83, 90, 94, 97, 98, 101, 102, 117
интернетизированная мобильная революция 88
интернетизация и мобилизация социальных сетей 92
интернетизированные информационные войны 105
интернет-журналистика 111
информационная культура 66
информационное общество 49, 55, 65, 79, 83, 93, 97
информационные войны 68
информационные технологии 31, 50, 97
инфосфера 49, 52, 54, 55, 63, 65, 82, 92, 94, 97, 111, 113, 115, 119, 120, 123
Иран 36, 90, 99, 100, 118
Ирак 36
Италия 103
Казахстан 120
Кальвин 19
Кальной И.И. 16
капиталистические мегакорпорации 32
Кастельс М. 71, 78
Катунин Ю. А. 108
киберкультура 67
киберкультурные исследования 66
кинники 27
киберпространство 35, 78, 97, 101
Китай 39
когнитивная инфльтрация 102
когнитивные науки 50
коммерциализация информационного пространства 61
коммуникация 5, 53, 83
 Коммуникация 1.0 115
 Коммуникация 2.0 115
 глобализированная коммуникация 88
 гражданская коммуникация 6
 демократическая коммуникация 85
 дистанцированная коммуникация 88
 непосредственная коммуникация 88
коммуникативная революция 5
коммуникативный потенциал 9
коммуникативный эффект 84
компьютер 53
компьютерная революция 55
конвергенция новых медиа-технологий 84
конфиденциальная информация 96
конспирология 100, 107, 116
концепция «падающих государств» (fragile states) 111
корпоративный турбокапитализм 32
коррупция 111, 119

Глобальное гражданское общество и сетевые революции

- космократия* 32
- космополитизм* 27
- либертарианская утопия* 64
- Ливерпуль* 116
- Локк* 21, 24
- Лондон* 103, 115, 116
- Лютер* 19
- Манчестер* 116
- массовые студенческие акции (Великобритания, 2010)* 102
- манипуляции индивидуумами* 104
- массовые акции протеста* 104
- маркетинговые стратегии* 7, 63, 104
- метагеография* 77
- метагеографический транзит* 77
- методы исследования сетевой организации* 74
- медиапространство* 70
- Мёрбеке, Вильгельм* 20, 21
- Мервинский А.* 120
- МИ-5* 114
- Минск* 119
- мировой финансово-экономический кризис* 110
- миф о сетях* 105
- мобилизация тинейджеров* 86
- мобильная телефония* 5, 84, 85, 87, 88
- мобильные телефоны* 82, 84, 86, 90
- Молдова* 90, 99, 118
- Морозов Е.* 47, 99, 101
- надгосударственные институты* 6
- нанотехнологии* 50
- нано-био-инфо-когно-технологии (NBIC-технологии)* 86
- национализм* 38
- нейрогенетика* 50
- новые социальные движения* 75
- новый мировой порядок* 38
- ноосфера* 49, 57
- ноосферная реальность* 65
- ноосферология* 49
- облачный интеллект* 91
- общество знаний* 50
- общество рисков* 107
- общество спектакля* 37
- онлайн-маркетинг* 81
- оранжевые революции* 105
- паноптизм* 64
- Париж* 21
- Первая Викиликс-революция* 95
- первый советский спутник* 60
- Персидский залив* 18, 100
- планетарная мобилизация* 86
- Платон* 18, 38
- познавательные технологии* 84
- поколение Pepsi* 87
- поколение C (generation communication)* 87
- поколение X* 87
- поколение Z* 87
- политическая динамика исламского мира* 111
- политические ландшафты* 112

- политические манипуляции* 13
политическое пространство 10
полифункциональность сетей 75
Польша 120
Постиндустриальное общество 53
постматериалистические ценности 52
права человека 10, 29, 30
проект «Интернет в чемодане» 102
психология толпы 91
PR-технологии 37
Прага 12
революции нового поколения 113
Революция через социальные сети (Белоруссия, 2011) 119
режимы цензуры и наблюдения 76
Рим 21, 103
Римский клуб 107
риски 93, 106, 108, 118
 управление рисками 108
Россия 16, 72, 114, 116, 120
Роулс Дж. 22
Руссо 21
Саламанка 21
Сан-Франциско 103
Саудовская Аравия 36
свобода 104
свобода воли 105
Северная Америка 62
Северная Африка 13, 90, 100, 103
семантические сети 84
сетевая активность 74
сетевая коммуникация 73
сетевая парадигма 75
сетевое общество 65, 70, 73
сетевые познавательные технологии 84
сетевые практики 73
сетевые революции 92, 105
сетевые революционеры 105
сетевые хомячки 104-106
симбиотические информационные технологии 89
Сизтл 12, 90
Сократ 18
социальные сети 5, 6, 7, 9, 13, 14, 78-81, 93, 96, 99-101, 104, 116, 117-119, 122-124
социальные медиа 6, 7, 79
социальные практики 79
социальные риски 106
социальный активизм 10
социальный паноптикон 94
спецслужбы 64, 105, 115
спутниковая мобильная связь 48
Страны Магриба 18
студенческие протесты 103
Страсбург 21
сунниты 36
США 62, 102
Талей Н. 108-110
Твиттерные революции 13, 69, 80, 90, 96, 99-104, 115, 118
телекоммуникации 48

Глобальное гражданское общество и сетевые революции

- телекоммуникационные технологии* 77
- теории заговора* 107, 109, 116
- теории мирового заговора* 107
- технологическая инфраструктура* 6
- техносфера* 49
- тоталитарные государства* 5
- Тоттенхэм* 115, 116
- Тоффлер А.* 55
- традиционализм* 38
- трансфер артефактов, символов* 52
- Тунис* 103, 118
- Украина* 103, 120
- универсальные политические ценности* 33
- урбанизация* 77
- Фейсбук-революции* 13, 69, 90, 99, 101, 104
- феномен «арабской весны»* 110-111
- Флоренция* 20
- формы контроля* 76
- функции современного гражданского общества* 9
- Хайдеггер М.* 89
- хакер* 68
- Холодная война* 15, 38
- Центр изучения глобального управления* 5
- Цицерон* 25, 38
- цветные революции* 30, 105, 108
- цензура* 64, 66, 94, 99
- цензура Интернета* 97
- цифровая демократия* 70
- цифровая эпоха* 7, 47
- цифровое неравенство (цифровой разрыв)* 64, 71
- человеческий фактор* 107
- Чёрный лебедь (Талеб Н.)* 109
- шииты* 36
- Шоркин А. Д.* 16
- Шпенглер О.* 89
- эволюция гражданского общества* 11
- экзистенциальные риски* 31
- экономика знаний* 49
- экспорт демократии* 35
- экспорт революций* 31
- экспорт революций нового поколения* 112
- электронное правительство* 67
- Эра Гуттенберга* 20
- Эриугена* 21
- Эпоха Просвещения* 17
- эффективная коммуникация* 83
- Ясперс К.* 89
- 9/11 103

INDEX

- Adhocracy* 90
Amazon 62, 63
Apple 62, 63, 81
blogging revolution 79
border-free expressions of political community 35
Castells, M. 71, 72
CIVICUS Civil Society Index (CSI) 42
civil society 12, 19, 24, 28, 46
civilis communitas 20, 21
civitas 23, 24
CNN 81
Colas, A. 19, 20, 21
communicatio politica 20, 21
contemporary globalisation studies 45
cosmocracy 32
cultural shift 84
DeWiel, B. 17, 18
digital democracy 75
digital divide 64
Dijk, J. A. G. M. van. 70
Eberly D. 31
enjoying material security 22
Ericsson 87
eudaimonia 22
Eventful 80
Facebook 7, 62, 63, 79, 80, 82, 83, 101, 103, 114, 117, 120, 121
Facebook Revolution 79
Femen 37
fragile states 111
FriendFeed 80
Johns Hopkins Institute international comparative nonprofit sector research 41
first global associational revolution 32
Generation C 87
global civil society 23, 28, 34
global civil society actors 46
global citizenry 36
Google 62, 63, 121
Inglehart, R. F. 52
international civil society 27
Internet personalization 66
iPhone 89
Kaldor, M. 40
Keane, J. 32, 33, 45
knowledge politics 50
knowledge technologies 84
koinonia 23
koinonia politike 19, 22, 24
LinkedIn 7, 80
metageography 77
Microsoft 62, 63
mobilizing generation 14
Morozov, E. 47

Глобальное гражданское общество и сетевые революции

- MySpace* 7, 62, 80
Nayar, P. K. 66
NBIC 86
neo-liberal marketization 28
Network Society 69
networking knowledge 84
new media technologies 84
New Social Movements (NSM) 30, 75
NGO 32
Nokia 87
nonprofit sector 41
nonstate actors 30
Ober, J. 22
Onuf, N. G. 23
pluralism of values 17
polis 23
politai 22
political community 17
politically organized society 19
political society 17
real-show 64
reality bubbles 66
Salamon, L. M., 41
Samsung 87
Sheeple 104-106
semantic web technologies 84
smart mobs 90
social networking 6, 10
societas civilis 20, 21, 24
Sokolowski, S. W. 41
Sony 87
Taleb, N. N. 106-110
techno-capitalism 62
turbocapitalism 32
Twitter 7, 62, 79, 80, 81, 100, 101, 103, 114
universalistic MarxistLeninist theories 18
urban studies 77
Vaidhyanathan, S. 63
Yahoo 62, 121
YouTube 7, 81
Web 1.0 6, 118
Web 2.0 6, 118
WikiLeaks 95
WikiLeaks revolution 95
Winograd, M. 13-14
WiFi 90, 114
World Wide Web 59

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

БУРЯК Віктор Володимирович

Глобальне громадянське суспільство і мережійні революції

(російською мовою)

Відповідальний за випуск: *В. В. Буряк*

Коректор: *С. С. Мінчик*

Верстка: *Д. Л. Штогрін*

Формат 70x100/16. Ум. друк. арк. 12,19. Замов. №_____. Тираж 300 прим.

Видавництво «ДІАЙП»

м. Сімферополь, пр. Кирова, 17 тел./факс (0652) 248-178, 711-687.

dip@diprint.com.ua, www.diprint.com.ua

Свідоцтво про державну реєстрацію ДК №1744 від 8.04.2004 р.

Віддруковано з готового оригінал-макету ФОП Марковська С. П.

вул. Севастопольська, 230, м. Сімферополь, 95000

Замовлення №